

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2023 г., том 30, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравляем академика Анатолия Пантелеевича Деревянко с Юбилеем!..... 5

АРХЕОЛОГИЯ

Нестеров С.П. Археологический поход по реке Зее в 2000 г. 7
Шавкунов В.Э. Средневековые жилища Ауровского городища 16
Чистякова А.Н. Идентификация китайского зеркала из памятника Марково-1 24
Алкин С.В. Игральные кости из раскопок Усть-Чернинского городища в Забайкалье 32
Коваленко С.В. Ареал осиноозерской культуры в контексте физико-географических условий Западного Приамурья 41
Коломиец С.А. Жилища памятника Букинский Ключ-2: предлагаемые реконструкции и этнографические параллели 51

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Соколовский И.Р. Внешние факторы томских событий 14 июня 1634 г. 62
Чуркин М.К. «Жить с травмой...»: стратегия преодолевающего переживания и совладающего поведения политических ссыльных Тобольского Севера (1880-е гг.) 72
Кириллов А.К., Косых Е.А., Резникова М.А. Податное присутствие в споре с налогоплательщиками: выяснение доходов томичей, полученных в 1916 г. 80
Посадсков А.Л. Я.Л. Белоблоцкий – организатор белогвардейской печати на востоке России (1919–1922) 88
Чуркина Н.И. Конструирование образа пионера в нормативных, виртуальных и устных источниках второй половины XX в. ... 100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Труевцева О.Н., Азамат Айшагуль Опыт изучения культурного наследия буддийских монастырей Центральной Монголии ... 108
Матханова Н.П. Рец. на кн.: О.В. Эдельман. Павел Пестель. Очерки. С приложением «Русской Правды» П.И. Пестеля [1824]. М.: Модест Колеров, 2022. 472 с. (Исследования по истории русской мысли. Т. 31) 118

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, профессор *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), д-р ист. наук, профессор *А.В. Горбатов* (Кемерово), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Даидэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), канд. ист. наук *В.В. Журавлев* (Новосибирск), д-р ист. наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН, профессор *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Нур-Султан, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), д-р ист. наук, профессор *М.К. Чуркин* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук *Д.Н. Шевелев* (Томск), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекебай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*

Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*

Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 31.03.23. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 55.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2023, vol. 30, N 1

CONTENTS

Congratulations to Academician Anatoly Panteleevich Derevianko on his Jubilee! 5

ARCHAEOLOGY

Nesterov S.P. Archaeological hike along the Zeya River in 2000 7

Shavkunov V.E. Aurov hillfort medieval dwellings 16

Chistyakova A.N. Identification Of A Chinese Mirror Discovered At Markovo-1 Site 24

Alkin S.V. Dice from the excavations of the Ust-Chernaya fortress on the Shilka River in the Trans-Baikal Region. 32

Kovalenko S.V. The Osinozersk culture area in the physiographic condition context of western Amur Region. 41

Kolomiets S.A. Dwellings of Bukinsky Klyuch-2 Monument: proposed reconstructions and ethnographic parallels 51

RESEARCH ON RUSSIAN HISTORY

Sokolovsky I.R. External factors of Tomsk events on June 14, 1634. 62

Churkin M. K. «Living with trauma...»: a strategy for overcoming experience and coping behavior of political exiles at the Tobolsk North (1880s) 72

Kirillov A.K., Kosykh E.A., Reznikova M.A. Tax office in a dispute with taxpayers: clearing out the incomes of Tomsk residents received in 1916 80

Posadskov A.L. Ya.L. Belobotsky is the White Guard press organizer at the east of Russia (1919–1922). 88

Churkina N.I. Construction of the pioneer’s image in normative, virtual and oral sources of the second half of the XX century. 100

SCIENTIFIC LIFE

Truevtseva O.N., Azamat Aishagul. Experience of studying the cultural heritage of Buddhist monasteries in Central Mongolia 108

Matkhanova N.P. Book Review: Edelman O. V. Pavel Pestel. Essays. With Appendix “Russkaya Pravda” by P. I. Pestel [1824]. Moscow, Modest Kolerov, 2022, 472 p. (Studies of the History of Russian Thought; vol. 31) 118

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Doctor of historical Sciences, Professor *M.K. Churkin* (Omsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.V. Gorbatov* (Kemerovo), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences *D.N. Shevelev* (Tomsk), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk), Candidate of historical Sciences *V.V. Zhuravlev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090
Russian Federation
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807
The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russian Federation

***ПОЗДРАВЛЯЕМ АКАДЕМИКА АНАТОЛИЯ ПАНТЕЛЕЕВИЧА ДЕРЕВЯНКО
С ЮБИЛЕЕМ!***

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ АНАТОЛИЙ ПАНТЕЛЕЕВИЧ!

Примите сердечные поздравления с Юбилеем от дирекции и коллектива сотрудников Института истории СО РАН, редакционной коллегии и редакционного совета журнала «Гуманитарные науки в Сибири»!

Вы широко известны и признаны в стране и за рубежом как крупнейший специалист по проблемам древнекаменного века Азии и Америки, первоначального заселения человеком Евразии, хроностратиграфии и корреляции палеолитических культур в аридных зонах, взаимодействия древнего человека и окружающей среды, реконструкции древнейшей, древней и средневековой истории Сибири и Дальнего Востока. Как организатор междисциплинарных исследований древнейших стоянок в Центральной, Северной, Средней, Восточной и Юго-Восточной Азии, на Кавказе Вы исследовали сотни археологических памятников, Вам принадлежат открытия мирового уровня. Особо следует отметить выдающиеся открытия на р. Селемдже (Амурская область), а также в Денисовой пещере в Горном Алтае, где благодаря Вашей инициативе создан международный научно-исследовательский стационар «Денисова пещера».

Получив высокие звания члена-корреспондента и академика АН СССР / РАН, выполняя обязанности академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, Вы встали в авангарде российской и мировой гуманитарной науки. За период Вашей деятельности возглавляемый Вами Институт археологии и этнографии СО РАН приобрел имидж флагмана фундаментальных научных исследований в области древней истории человечества, создав богатейшую материальную и аналитическую базу для международного сотрудничества. В настоящее время Вы являетесь научным руководителем этого уверенно развивающегося академического учреждения, а также председателем Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам СО РАН.

Ваши фундаментальные труды, посвященные ключевым проблемам древней истории человечества, увлеченность археологией служат надежным ориентиром, открывающим новые дороги молодым археологам, а Ваш дар педагога приумножает ряды профессионалов, привлекая представителей смежных областей научного знания, активно интересующихся археологией.

Весьма значителен Ваш вклад в популяризацию отечественной науки, о чем свидетельствует сопредседательство в Российском историческом обществе, председательство в редакционном совете серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Российские и зарубежные ученые высоко ценят Ваш труд главного редактора журнала «Археология, этнография и антропология Евразии», члена редколлегии журнала «Вестник Российской академии наук», активную позицию в становлении и развитии журнала «Гуманитарные науки в Сибири», членом редакционного совета которого Вы являетесь на протяжении многих лет.

Свидетельством мирового признания и высокого профессионализма, блестящих научно-организаторских способностей является Ваше членство в зарубежных академиях наук, в Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, почетное профессорство в университетах многих стран мира.

Государство и международное научное сообщество отметили Ваши заслуги почетными званиями, высокими наградами и премиями. Вы – кавалер орденов Трудового Красного Знамени, Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Александра Невского, Петра Великого I степени, «Полярная звезда» (Монголия), Дружбы, лауреат премии Ленинского комсомола, Государственных премий, Демидовской премии, премии им. академика М.А. Лаврентьева, премии «Триумф», обладатель Большой золотой медали им. М.В. Ломоносова, медалей «За трудовую доблесть», «Лучшие люди России» и «Достояние Сибири», удостоены Почетной грамоты Правительства Российской Федерации, являетесь «Почетным гражданином Новосибирской области», награждены Почетным знаком «Золотая Сигма СО РАН».

С огромной благодарностью и уважением приносим Вам слова искренней признательности и профессиональной гордости за долгие годы совместного плодотворного труда!

Желаем Вам крепкого здоровья, неисчерпаемой энергии, плодотворных идей, новых фундаментальных открытий и дальнейших творческих свершений на благо отечественной и мировой науки, процветания России!

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.15372/HSS20230101
УДК 902.21

*Юбилею академика Анатолия Пантелеевича Деревянко
посвящается*

С.П. НЕСТЕРОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОХОД ПО РЕКЕ ЗЕЕ В 2000 г.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17

В научно-популярном очерке показана работа совместной экспедиции Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук и научно-образовательных учреждений Амурской области по р. Зее и Зейскому водохранилищу, инициированной академиком Анатолием Пантелеевичем Деревянко в 2000 г. Основной целью был мониторинг известных археологических памятников и открытие новых объектов культурного наследия. В ходе экспедиции также состоялось обсуждение с руководителями университетов и специалистами по охране археологических памятников Научно-производственного центра (НПЦ) проблем сохранения историко-культурного наследия в Амурской области, развития археологической науки в Амурской области и подготовки профильных специалистов в местных образовательных учреждениях. Показан маршрут археологического похода от г. Благовещенска до с. Филимошка на Зейском водохранилище и обратно. В ходе исследования берегов Зеи осмотрены памятники палеолита и раннего неолита, открыто поселение раннего железного века у с. Нововысокое и на левом берегу р. Ту.

Ключевые слова: Амурская область, Зeya, археологические памятники, мониторинг.

Для цитирования: Нестеров С.П. Археологический поход по реке Зее в 2000 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 7–15. DOI: 10.15372/HSS20230101.

S.P. NESTEROV

ARCHAEOLOGICAL HIKE ALONG THE ZEYA RIVER IN 2000

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

In 2000, Academician Anatoly Panteleevich Derevianko ran a joint expedition of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and educational institutions of Amur Region along the Zeya River and Zeya Reservoir. The main objective was to monitor the known archaeological sites and discover new cultural heritage sites. The heads of universities and specialists in the archaeological monument protection of the Scientific-Production Center of the historical and cultural heritage conservation during the expeditions discussed issues of preserving the heritage, developing archaeological science in the Amur Region and training specialists in local educational

---

Статья подготовлена в рамках проекта НИР «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии (FWZG-2022-0004)».

Сергей Павлович Нестеров – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3629-27>.

Sergei P. Nesterov – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.

institutions. The expedition's main task at the Zeya Reservoir was to inspect its banks flooded periodically under the water level rise. The farthest point of monitoring was a site at flooded Filimoshka village near Snezhnogorsk settlement. Here in 1961, A.P. Okladnikov discovered the first location of Lower Paleolithic archaic pebble tools in the Amur Region. The areas at the Shiroky Sream, and the Algaya, Gilyuy, Ugan and Okaka Rivers were examined along the route. However, archaeological artifacts were not found due to the extremely high level of the Zeya Reservoir that resulted in flooding all flat areas. Studying the Zeya River banks (from Zeya Hydroelectric Power Station dam to Blagoveshchensk) Paleolithic and Early Neolithic sites were examined, an Early Iron Age settlement was discovered near the village of Novovysokoe and on the left bank of the Tu River. As a result of monitoring the Neolithic Gromatukha site, the researchers got coal representative samples for radiocarbon dating and ceramics clearly tied to corresponding stratigraphic layers, numerous finds of stone flakes, adze-shaped tools, and bifaces. It was revealed that the previously eroded capes and high banks were covered with vegetation after the hydroelectric power station construction and cessating frequent floods, so there is little lifting material here.

Key words: Amur region, Zeya, archaeological sites, monitoring.

В истории археологических исследований в Амурской области начало XXI в. и III тыс. ознаменовалось масштабным по целям и протяженности научным маршрутом (около 800 км) по р. Зее и Зейскому водохранилищу (рис. 1). Археологический мониторинг бассейна Зеи был инициирован руководителем Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН, академиком Анатолием Пантелеевичем Дервянко. В его организации приняли участие сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН (А.Н. Зенин, С.П. Нестеров), Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ) (Ю.П. Сергиенко, Б.С. Сапунов, Д.П. Болотин, И.Б. Сапунов, О.А. Шеломихин), Амурского государственного университета (АмГУ) (А.Д. Плутенко, А.П. Забияко), Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры (Н.Н. Зайцев, В.Г. Петров), руководители «Амурнефтепродукта» (С.М. Максимов, С.И. Тюжин). И это не случайный состав. Анатолий Пантелеевич в ходе экспедиции в полевых условиях намеревался обсудить с руководителями университетов, специалистами НПЦ проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия в Амурской области, акцентируя внимание на развитии археологической науки в области и на подготовке специалистов в местных вузах (несколько позже даже обсуждалась возможность создания при Амурском комплексном НИИ гуманитарного института)¹. Специально для этого похода Д.П. Болотиным и Б.С. Сапуновым была издана небольшая брошюра с кратким описанием археологического наследия Амурской области [2000].

Первая часть маршрута – от г. Благовещенска до г. Зеи – началась 28 июля и включала два направления. Первое – по р. Зее вверх по течению (ок. 510 км) отправлялся зафрахтованный теплоход «Берилл», который был загружен продуктами и большей частью экспедиционного оборудования и на котором при-

существовали сопровождавшие его некоторые участники этого похода. Второе – сухопутное – осуществлялось на японском джипе и российском УАЗе: расстояние около 520 км преодолевалось через населенные пункты Свободный, Шимановск, Сиваки, Тыгда. Нужно отметить, что в отличие от водного, путь по амурским дорогам проходил в довольно сложных условиях. В тот год федеральная трасса «Амур» на данном участке только начала строиться, поэтому на старом гравийном тракте встречалось много объездов, иногда приходилось пробираться между работавшей дорожной спецтехникой, и все это усугублялось постоянным проливным дождем, отчего полотно дороги превратилось в скользкую поверхность. Тем не менее это автомобильное путешествие, растянувшееся на два дня, принесло новые встречи с интересными людьми, довольно далекими от археологии, но проявившими неподдельный интерес к специфике нашей профессии. Среди них были и так называемые золотари – руководители АО «Покровский рудник», которые не только предоставили нам в пос. Тыгда свой гостевой дом для ночевки, но и на следующий день ознакомили с процессом получения золота на руднике методом кучного выщелачивания золотоносной руды. От себя отпустили только после сытного приискового обеда. К вечеру 29 июля машины благополучно прибыли в г. Зею, благо последние 100 км от Тыгды пролегли по асфальтированному шоссе.

На следующий день после встречи с руководством города и директором Зейской ГЭС основная группа археологов выдвинулась на причал водохранилища, где уже ждал небольшой катер «Калан» Зейской рыбинспекции (рис. 2, 1). На нем экспедиция отправилась вверх по Зейскому «морю». Основная задача участников экспедиции на Зейском водохранилище была связана с осмотром его берегов, периодически подтопляемых при поднятии уровня воды. Предварительно крайней точкой мониторинга было обозначено место около затопленной д. Филимошка – недалеко от пос. Снежногорский.

С учетом погрузки на катер, размещения оборудования и других организационных хлопот отплыть удалось ближе к середине дня. В «морскую» поездку

¹ В 2003 г. в Амурской области на базе НПЦ было образовано Государственное автономное учреждение «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области», которое возглавил Н.Н. Зайцев. В 2023 г. Центр отмечает двадцатилетие успешной деятельности (директор – Д.В. Волков).

Рис. 1. Карта маршрута экспедиции по р. Зее.

Fig. 1. Map of the route of the expedition along the Zeya River.

отправились археологи А.П. Деревянко, А.Н. Зенин, С.П. Нестеров, Б.С. Сапунов, И.Б. Сапунов, В.Г. Петров, О.А. Шеломихин, охотинспектор А.А. Лукутов и представитель деловых кругов г. Екатеринбурга В.Ю. Пленкин. Оставив позади плотину Зейской ГЭС (рис. 2, 2), катер безостановочно прошел по относительно узкому руслу водохранилища, рассекающего с

севера на юг хр. Тукуруйгра, до устья р. Алгая, где предстояла ночевка отряда (примерно в 20 км). Поднимающиеся из воды то слегка пологие, то крутые берега в виде гор, покрытые густой тайгой, представляли собой только их часть: нижняя оставалась скрытой в толще воды в несколько десятков метров (рис. 2, 3). В устье Алгая, довольно обширной заводи,

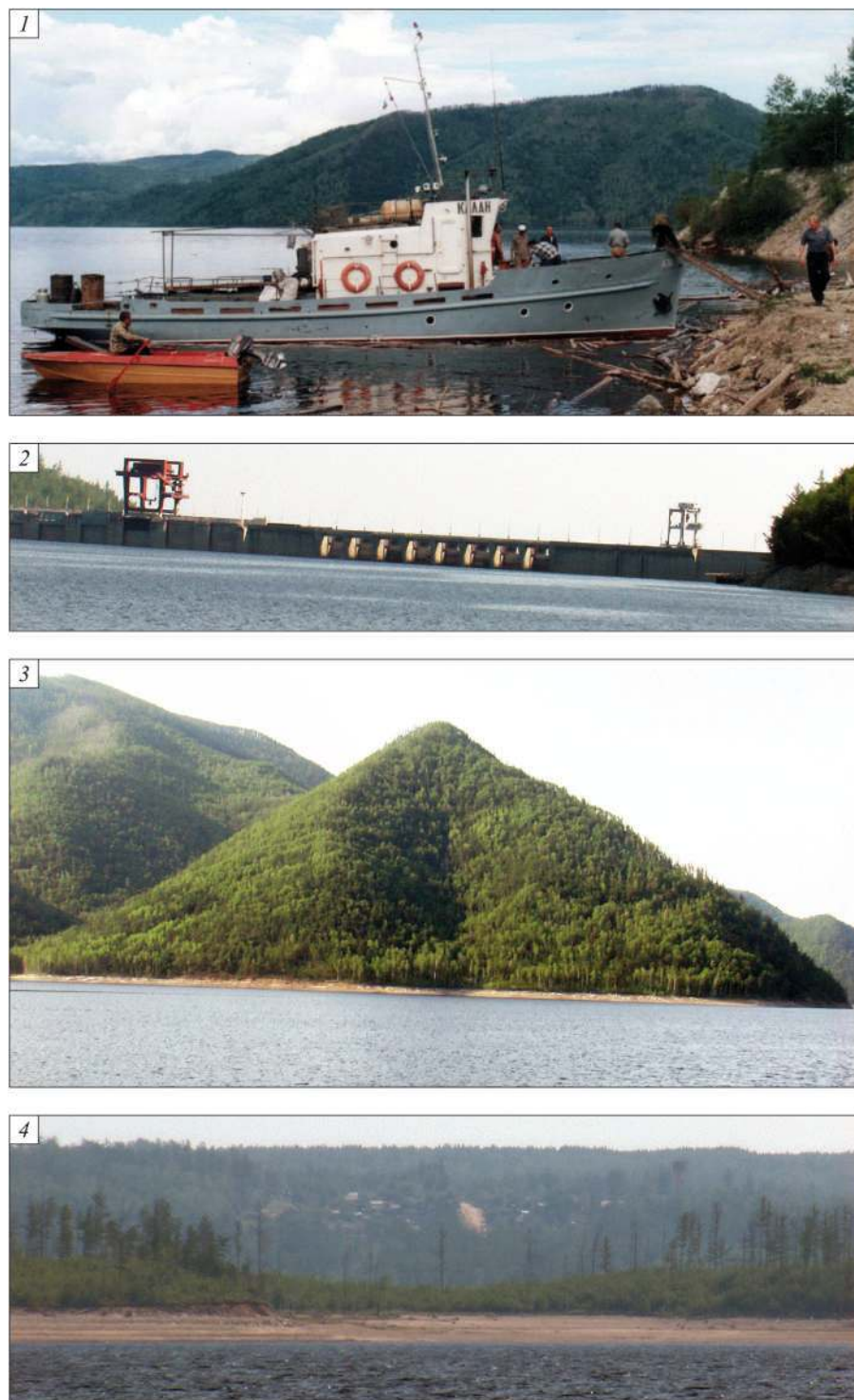

Рис. 2. Акватория Зейского водохранилища.

1 – погрузка экспедиции на катер «Калан» в устье р. Малый Гармакан; 2 – вид на верхний бьеф плотины Зейской ГЭС; 3 – гора-«пирамида»; 4 – вид с воды на пос. Снежногорский. Фото С.П. Нестерова.

Fig. 2. The water area of the Zeya reservoir.

1 – loading of the expedition on the boat “Kalan” at the mouth of the Maly Garmakan river; 2 – view of the upper pool of the dam of the Zeya hydroelectric power station; 3 – mountain-“pyramid”; 4 – view from the water to the village of Snezhnogorsk. Photo by S.P. Nesterov

на правом берегу находилось небольшое деревянное зимовье. Часть членов отряда разместились на катере в небольшой каюте, в рубке и поставленной над моторным отсеком палатке, другая – нашла приют в тесном домике. Вечером, приготовив ужин и организовав размещение, смогли немного осмотреть окрестности вокруг зимовья. Утром, с рассветом, был проведен более тщательный осмотр местности, в том числе берега небольшого ключа Широкий, но никаких археологических артефактов не обнаружено. Было обращено внимание на то, что в месте причаливания катера в воде стояли подтопленные деревья. Это означало только одно: уровень водохранилища, видимо из-за обильных осадков, был в этот момент очень высоким. Стало понятно, что и в дальнейшем продвижении мы столкнемся с такой же ситуацией. Однако впереди был еще не один десяток километров до намеченной крайней точки похода, а по пути по правому берегу находилось устье большой р. Гиллюй (в 26 км от плотины).

Подойдя к устью Гиллюя, катер причалил недалеко от него, слева. Для экономии времени было принято решение отправиться вверх по Гиллюю на быстроходной моторной лодке. В маршрут вышли А.П. Деревянко, Б.С. Сапунов, А.Н. Зенин и А.А. Лукотов. Оставшаяся команда должна была осмотреть место причала катера и наловить рыбы для разнообразия меню. Осмотр окрестностей ничего не дал, а вот улов оказался удачным. «Летучий отряд» отсутствовал часа четыре. Им была осмотрена устьевая часть р. Гиллюй примерно на 50 км вверх по течению, но безрезультатно.

Крайней точкой останова катера в этот день стал песчаный берег около начала расширения Зейского водохранилища, примерно до 30 км, рядом с пос. Снежногорский (рис. 2, 4). До этого были осмотрены районы устьев рек Уган (правый берег), Окака, а также окрестности бывшего с. Филимошка (на левом берегу). Первое в Приамурье местонахождение архаичных галечных орудий было открыто А.П. Окладниковым именно здесь в 1961 г. Грубо оббитые гальки найдены вдоль левого берега реки на протяжении около 20 м, в верхней части аллювия 10–12-метровой террасы, залегавшей на коренных песчаниках с прослоями суглинистого сланца и перекрытой слоистой толщей серых иловатых песков и желтоватых супесей. Среди руслового галечника обнаружены кварцитовые гальки, обколотые в виде аморфных нуклеусов, примитивные скребла и чопперы с минимальной оббивкой по краю, а также специфические орудия на гальках с так называемым носиком. А.П. Окладников отнес эти находки к нижнему палеолиту [История Сибири, т. 1, 2022, с. 69]. Раскопки на Филимошках в дальнейшем проводились в 1970, 1972 и в 1973 гг. [Сапунов, 2001, с. 5]. Однако в тот год артефакты так

и не были обнаружены из-за чрезвычайно высокого уровня Зейского водохранилища, в результате которого все пологие участки (пляжи) оказались затопленными.

В связи с бесперспективностью дальнейших работ по мониторингу берегов водохранилища из-за отмеченных выше природных обстоятельств Анатолий Пантелеевич принял решение о возвращении в г. Зею, чтобы уделить больше времени осмотру берегов Зеи ниже плотины ГЭС. Переночевав на кордоне в устье р. Окака, на следующее утро команда без остановки направилась к г. Зея. К вечеру уже были на зейском причале, где тепло распрощались с командой «Калана», члены которой не только провели катер по маршруту, но и при необходимости помогали определиться в местонахождении на местности, а также с корреспондентом местной газеты С. Поляковым, разделившим с нами все прелести «морского» похода [Там же, с. 6–7].

В городе были сутки отдыха, во время которого, по приглашению генерального директора Зейской ГЭС Б.М. Емельяненко, состоялось посещение машинного зала, где вращались огромные турбины, и «тела» бетонной плотины с ее узкими коридорами. Не ошибусь, если скажу, что никто из нас раньше не был внутри гидроэлектростанций. Накануне в г. Зея пришел теплоход «Берилл», преодолев за несколько дней 500 км пути от Благовещенска вверх по р. Зее. С ним прибыли ректор БГПУ Ю.П. Сергиенко и декан историко-филологического факультета Д.П. Болотин, ректор АмГУ А.Д. Плутенко и проректор по науке А.П. Забияко, а также семья С.М. Максимова – генерального директора «Амурнефтепродукта», взявшего на себя все расходы по аренде транспорта и обеспечению экспедиции горючим. Сергей Михайлович – наш друг и по настоящее время – в 1980-е гг. как геолог принял участие в работах археологических отрядов Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции в те годы еще Института истории, филологии и философии СО АН СССР, проводивших раскопки под руководством А.П. Деревянко на р. Селемдже – левом притоке р. Зеи. По результатам этих исследований была выделена позднелеолитическая селемджинская культура [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998]. С.М. Максимова удалось обнаружить и археологическое местонахождение. Так, на левом берегу Селемджи у с. Богословка в геологическом шурфе им был найден раннесредневековый «клад»: остатки пояса, украшенного бронзовыми бляшками порталных форм, с подвесными ремешками, железные наконечники стрел и долото, находившиеся, видимо, в колчане [Нестеров, Максимов, 1990]. Несмотря на то, что из г. Зея Сергей Михайлович, его жена Нина Анатольевна и их сын Илья авто-

бусом уехали обратно в г. Благовещенск, он продолжал курировать поход до самого его окончания.

Нужно также отметить, что и для ректора БГПУ Юрия Павловича Сергиенко, физика по образованию, археологическая экспедиция была не внове. По его рассказу, еще будучи студентом Благовещенского государственного педагогического института, он в 1960-е гг. принял участие в раскопках поселения Польце I в Еврейской а.о. А еще Юрий Павлович оказался заядлым рыбаком и не раз кормил все команду рыбой, пойманной на удочку или спиннинг.

В отличие от катера «Калан», теплоход «Берилл» был комфортабельным судном. К тому же его специально подготовили для работы с туристами, и не исключено, что его первыми пассажирами стали именно археологи. Команда теплохода состояла из капитанов А.П. Бабенко, Ю.Г. Комболина, матроса Сергея и поваров Зины и Наташи. Наличие штатных кокков более всего радовало, так как снимало с нас поочередное дежурство на камбузе и позволяло всецело отдаться задачам нашего сплава – обследованию уже известных археологических памятников и открытию, если повезет, новых объектов культурного наследия.

На следующий день во время осмотра берега на левом берегу р. Зея в 2–2,5 км ниже д. Нововысокая был обнаружен новый археологический памятник. Здесь зафиксированы западины, а в обресе берега найдены очаг и слой, представляющий собой натоптанный пол жилища, а также фрагменты керамики, кости изюбра, косули, пястная кость (альчик) кабана. Предварительное время существования поселения – ранний железный век. Кроме того, на берегу подняты фрагмент венчика станкового сосуда серого цвета и черепок от тонкостенного сосуда.

В устье Тыгды, впадающей в Зею справа, были осмотрены террасы вверх по течению на 2 км по правому и на 5 км по левому берегу. На правом берегу встретили полуразрушенные остатки д. Усть-Тыгда. Ранее Б.С. Сапуновым на огородах деревни (в самой ее высокой части) были найдены артефакты неолитического времени. Памятник известен как неолитическая стоянка Усть-Тыгда. Ее раскопки не проводились. В ходе обследования приустьевой зоны с поверхности были подняты несколько каменных отщепов.

На несколько часов теплоход пришвартовался у устья р. Ту. Здесь в 1969 г. А.И. Мазин обнаружил и в течение трех лет раскапывал палеолитическое поселение Усть-Ту [Сапунов, 2001, с. 9]. Были осмотрены старые раскопы – на берегу Зея ниже устья Ту и галечный берег между ними. Здесь найдено несколько каменных артефактов. Команда археологов была поделена на две небольшие группы, которым А.П. Дервянко дал задание – обследовать на несколько километров вверх по течению берега речки Ту. Сам он

вышел в одиночный маршрут в окрестностях устья этой реки. Первая группа в составе А.Н. Зенина, И.Б. Сапунова, Д.П. Болотина, А.П. Забияко отправилась по правому берегу Ту, вторая – С.П. Нестеров, В.Г. Петров и О.А. Шеломихин – прошла вдоль берега озера, что находится недалеко от берега Зея, по звериной тропе, спугнув косулю, которая большими скачками умчалась вверх по Ту. Археологи пересекли заболоченную пойму, перешли вброд реку и вышли к современной линии электропередач с деревянными столбами, расположенной на террасе правого берега. Здесь, примерно в 1 км от устья, на скалистом мысу Анатолием Пантелеевичем, который двигался от устья Ту и подошел сюда несколько раньше, были подняты каменные отщепы и ретушированный наконечник стрелы удлиненной формы, которые оказались на поверхности при установке нового столба линии электропередач. Он предложил для выяснения характера памятника заложить разведочную траншею. Мы ее заложили параллельно руслу р. Ту, или длинной стороной с севера на юг. В результате в траншее (1×2 м) была установлена следующая стратиграфия: слой 1 – современный дерн (мощность 8–12 см), не интенсивный, слабо насыщен корнями; слой 2 – серая супесь (20 см); слой 3 – темная с красноватым оттенком супесь (10 см); слой 4 – светлый песок, смешанный со средне- и мелкообломочным камнем. Особенно близко слой 4 подходит к поверхности в южной части раскопа, залегая практически под дерном. Находки – отщепы, фрагменты керамики – стали попадаться сразу же под дерном. Найденную тонкостенную керамику предварительно датировали ранним железным веком. А вот в нижней части слоя 3 было обнаружено небольшое тесловидно-скребловидное орудие, характерное уже для громатухинской культуры начального неолита. Раскопочные работы, зарисовка стратиграфии стенок траншеи и другие предписанные методикой исследования мероприятия отняли все отведенное на обследование время. Нужно было возвращаться на теплоход. Хорошо, что первая группа, ушедшая по правому берегу Ту, выше переправилась на левый берег и, осмотрев его, собрала небольшой подъемный материал.

Следующая продолжительная остановка теплохода с ночевкой состоялась в этот же день в устье р. Громатухи (рис. 3, 1). Раскопки на Громатухе, впадающей слева в Зею, проводились в 1965 и 1966 гг. По результатам исследований более 400 м² памятника была опубликована монография [Окладников, Дервянко, 1977]. Материалы стоянки стали одними из наиболее значимых для исследования неолитической эпохи на Дальнем Востоке России.

Основной целью мониторинга этой неолитической стоянки громатухинской культуры было получение материала для радиоуглеродного датирования

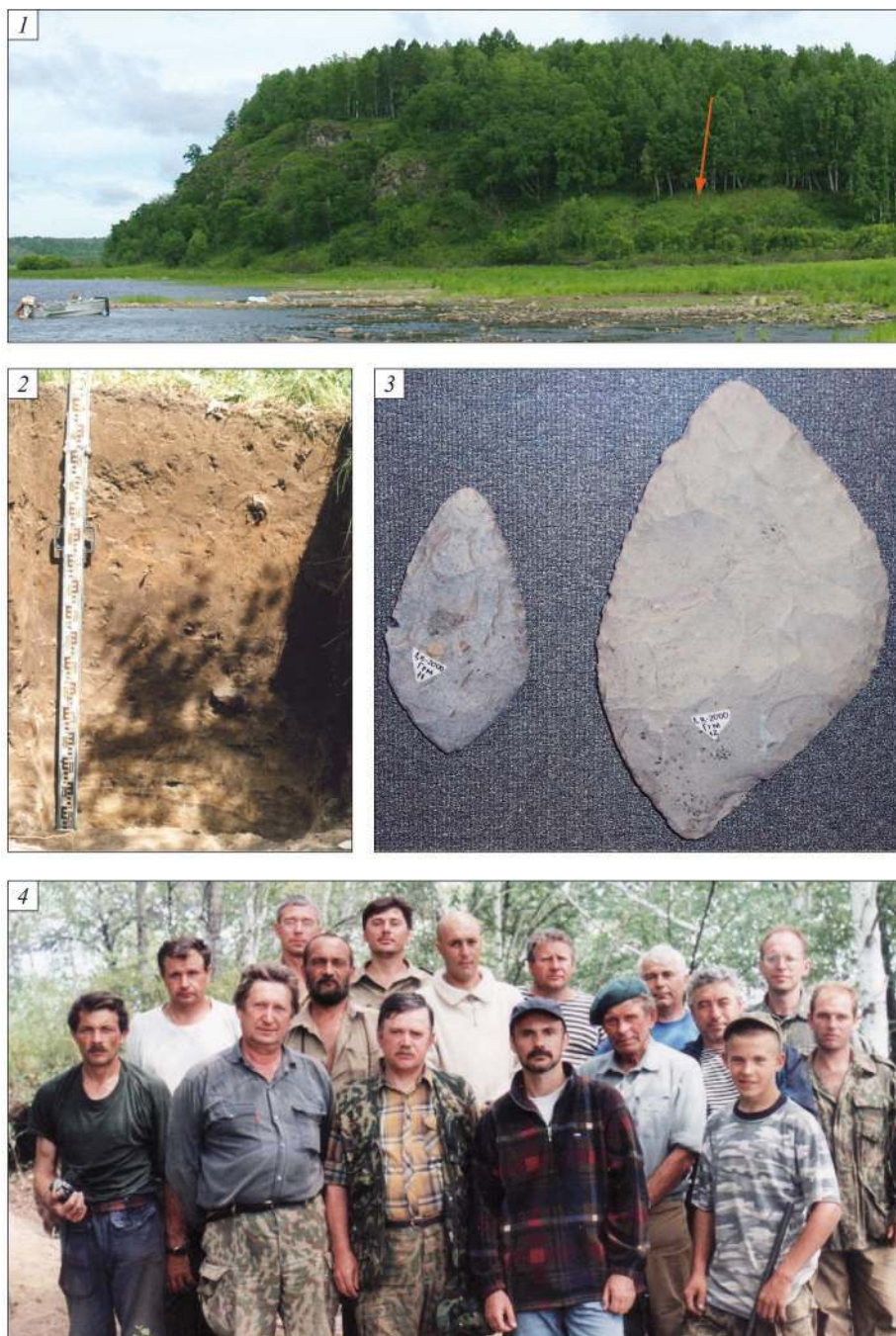

Рис. 3. Вид на памятник Громатуха (1); стратиграфический разрез стенки раскопа (2); бифасы (3). Экспедиционная команда. Слева направо: 1-й ряд – А.Н. Зенин, А.П. Деревянко, Ю.П. Сергиенко, А.Д. Плутенко, Б.С. Сапунов, Саша Лукутов; 2-й ряд – В.Г. Петров, Д.П. Болотин, Н.Н. Зайцев, О.А. Шеломихин, В.Ю. Пленкин, А.А. Лукутов, Ю.Е. Камболин, С.И. Тюжин, А.П. Забияко, И.Б. Сапунов (4). Фото С.П. Нестерова.

Fig. 3. View of the Gromatukha site from the river (1); stratigraphic section of the excavation wall (2); bifaces (3). Expedition team. From left to right: 1st row – A.N. Zenin, A.P. Derevianko, Yu.P. Sergienko, A.D. Plutenko, B.S. Sapunov, Sasha Lukutov; 2nd row – V.G. Petrov, D.P. Bolotin, N.N. Zaitsev, O.A. Shelomikhin, V.Yu. Plenkin, A.A. Lukutov, Yu.E. Kambolin, S.I. Tyuzhin, A.P. Zabyako, I.B. Sapunov (4). Photo by S.P. Nesterov.

слоев из стратиграфических разрезов. Для этого проводилась зачистка двух стенок старого раскопа и прорезана бровка между ними (рис. 3, 2). В результате были получены образцы угля и керамики, четко привязанные к соответствующим стратиграфическим слоям стоянки, найдены многочисленные каменные отщепы, тесловидные орудия и 2 бифаса (рис. 3, 3). Один из них был неизвестного по прежним раскопкам типа. Его обнаружил Анатолий Николаевич Зеинин. Полностью ретушированное изделие привлекло внимание всех присутствующих. Наконец, после всех исследовательских процедур Анатолий Пантелеевич вручил этот бифас ректору АмГУ Андрею Долиевичу Плутенко в качестве первого экспоната будущего музея. Учебный музей вскоре был создан и возглавляется в настоящее время доктором философских наук Андреем Павловичем Забияко.

Проблемы датировки памятника Громатуха и задачи, предусмотренные российско-корейским договором Института археологии и этнографии СО РАН и Фонда культуры и искусства г. Чечжу Республики Корея по исследованию памятников раннего неолита, потребовали проведения здесь новых раскопок. Они состоялись в 2004 г. под руководством участника археологического похода 2000 г. С.П. Нестерова [Деревянко и др., 2004]. В результате на 80 м² были исследованы слой 1920–1940-х гг. и 3 слоя неолитической эпохи. Анализ 6 стратиграфических разрезов бровок и стенок раскопа, прирезанного к раскопу 1960-х гг., позволил уточнить информацию о литологических слоях террасы, их сохранность и культурную принадлежность, а также дать их обобщенную характеристику. В южной и восточной частях вскрытой площади, в слое 1 удалось зафиксировать следы наземного жилища осиноозерской культуры [Волков, Нестеров, 2008]. Из 22 образцов угля, собранного из археологических слоев, по 11 пробам в лабораториях России, Японии и США были получены радиоуглеродные даты. Общее количество артефактов составило около 11 тыс. экз. Новые радиоуглеродные даты по громатухинским образцам угля и нагару на керамике позволили отнести памятник Громатуха к началу неолита с очень ранней датой – до 15 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2021].

Обследование берегов р. Зеи показало, что после строительства Зейской ГЭС береговая обстановка здесь изменилась. Отсутствие мощных наводнений привело к интенсивному зарастанию ранее размываемых мысов, высоких берегов, вследствие чего в местах, где ранее встречалось много подъемного материала, сейчас практически ничего нет. Остановки теплохода у сел Ураловка, Калашниково и Белоярово, и внимательный осмотр берегов Зеи результатов не дали.

Еще в пос. Чагоян стало известно, что Анатолию Пантелеевичу необходимо срочно вернуться на «большую землю», поэтому в пос. Краснояррово он должен был сойти с теплохода, где его ждала машина. После Громатухи «Берилл» без остановки дошел до этого поселка, где мы тепло попрощались с руководителем экспедиции (рис. 3, 4). Дальнейший маршрут также продолжался без подхода к берегам Зеи. Несмотря на ускоренное движение по фарватеру, мы многое узнали об археологических памятниках, мимо которых проходили, от Бориса Семеновича Сапунова. Его увлекательные рассказы о том или ином памятнике были настолько подробными, что казалось, мы видим наяву фантомы древних поселков и снующих между постройками жителей, стоявшие на приколе деревянные лодки, вывешенные сети... .

Дойти до Благовещенска засветло не удалось. Оставалось буквально несколько десятков километров – теплоход вышел на зейские просторы, где ширина реки достигает 1,5–2 км, как вдруг поднялся сильный ветер, гнавший большие волны, и начался сильный дождь. Капитан в целях безопасности принял решение причалить судно к правому песчаному берегу. Всю ночь дождь стучал по палубе. Утром 9 августа он прекратился, река успокоилась, и через пару часов мы уже сходили с гостеприимного теплохода, попрощавшись с его командой, на берег, возле ул. Амурской, где еще в начале 1980-х гг. находилась паромная переправа на левый берег Зеи.

Так закончился Зейский археологический поход, но для части команды археологические исследования в Амурской области еще не завершились. Уже 15 августа, в День археолога, члены Бурейской археологической экспедиции под руководством автора этих строк прибыли в пос. Талакан для сплава по р. Бурее до пос. Новобурейский с целью мониторинга археологических памятников по берегам этой реки. В группу вошли Б.С. Сапунов, С.В. Алкин, И.Б. Сапунов, Г.В. Марковицкий, студент 3-го курса В.А. Лисин, в Талакане присоединился местный житель, постоянный участник экспедиций Б.И. Хубиев, а вскоре подъехал Н.Н. Зайцев. Но это уже другая история, которая тоже может быть написана для читателей журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болотин Д.П., Сапунов Б.С.* Древние культуры Приамурья. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2000. 18 с.
- Волков П.В., Нестеров С.П.* Осиноозерское жилище на поселении Громатуха // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. Вып. 5. С. 98–110.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон.* Селемджинская позднелитическая культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 335 с.
- Деревянко А.П., Деревянко Е.И., Нестеров С.П., Табарев А.В. Кадзунори Учиды, Даи Куникита, Кацуки Морисаки, Хироюки Мацудзакэ.* Новые радиоуглеродные даты громатухинской культуры начального этапа неолита в Западном Приамурье // Археология,

этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 4. С. 3–12. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.003-012.

Деревянко А.П., Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ, Ко Чже Вон, Нестеров С.П., Кан Сунн Сёк, Ким Чон Чан, Кан Си Нэ, Волков П.В., Комарова Н.А., Савелова А.В., Кудрич О.С., Мин Чжи Хён. Полевое исследование памятника Громатуха на реке Зее в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X, ч. I. С. 82–86.

История Сибири: в 4 т. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1: Каменный и бронзовый века. 660 с.

Нестеров С.П., Максимов С.М. Средневековый клад с р. Селемджи // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Би, 1990. С. 121–128.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. Новосибирск: Наука, 1977. 288 с.

Сапунов Б.С. Экспедиция 2000 г. в бассейне Зеи (записки археолога) // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 4–10.

REFERENCES

Bolotin D.P., Sapunov B.S. (2000). Ancient cultures of the Amur Region. *Blagoveshchensk*, Izd-vo AmCU Publ., 18 p. (In Russ.)

Derevyanko A.P., Derevyanko E.I., Nesterov S.P., Tabarev A.V., Kazunori Uchida, Dai Kunikita, Kazuki Morisaki, and Hiroyuki Matsuzaki. (2017). New data on the chronology of the initial Neolithic Gromatukha culture, western Amur Region. *Arkhеologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. Vol. 45, no 4, pp. 3–12. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.003-012.

Derevyanko A.P., Kang Chan Hwa, Bang Moon Bae, Ko Jae Won, Nesterov S.P., Kang Soon Seok, Kim Joong Chan, Kang Si Nae, Volkov P.V., Komarova N.A., Saveolova A.A., Kudrich O.S., Min Ji Heon. (2004). Field study of Gromatukha Site on the Zeya River in 2004. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk. Vol. 10, pt. 1, pp. 82–86. (In Russ.)

Derevyanko A.P., Volkov P.V., Lee Hongjong. (1998). *Selemdzha Late Paleolithic culture*. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 335 p. (In Russ.)

Nesterov S.P., Maksimov S.M. (1990). Medieval treasure from the Selemdzha River. *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii*. Novosibirsk, pp. 121–128. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. (1977). *Gromatukha culture*. Novosibirsk, Nauka, 288 p. (In Russ.)

Sapunov B.S. (2001). Expedition 2000 in the Zeya Basin (notes of an archaeologist). In: *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. *Blagoveshchensk*, iss. 3, pp. 4–10. (In Russ.)

Shunkov M. (Eds.). (2022). *History of Siberia*. Vol. 1: Stone and Bronze Ages. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 660 p. (In Russ.)

Volkov P.V., Nesterov S.P. (2008). Osinozerskoe dwelling at the Gromatukha Settlement. In: *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. *Blagoveshchensk*, iss. 5, pp. 98–110. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.02.2023

Дата рецензирования 22.02.2023

Статья принята к публикации 24.02.2023

DOI: 10.15372/HSS20230102
УДК 904(571)

В.Э. ШАВКУНОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА АУРОВСКОГО ГОРОДИЩА

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
РФ, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Ауровское городище является многослойным памятником. Особенно сложная стратиграфия была зафиксирована в его северо-восточной части. Здесь вскрыты 12 жилищ и ворота. На этом участке зафиксировано 5 литографических слоев, в которых содержался материал, характерный для бохайской, мохэской, ольгинской, кроуновской и лидовской археологических культур. Кроме того, не все жилища на городище относятся к одному времени. Анализ материалов показывает, что впервые памятник был заселен в эпоху палеометалла лидовским населением. Позже, в середине I тыс. н. э., здесь поселились ольгинцы. От них осталось жилище № 10, и поселенцы выровняли площадку, на которой были устроены северо-восточные ворота. Последними на городище пришли бохайцы. Фиксируются две волны их заселения. К первой относится жилище № 11, разрушенное более поздними жилищами. Остальные жилища и ворота представляют вторую волну бохайского населения.

Ключевые слова: Ауровское городище, Бохай, ольгинская культура, жилища, стратиграфия, керамика.

Для цитирования: Шавкунов В.Э. Средневековые жилища Ауровского городища // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 16–23. DOI: 10.15372/HSS20230102.

V.E. SHAVKUNOV

AUROV HILLFORT MEDIEVAL DWELLINGS

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch RAS,
89, Pushkinskaya str., Vladivostok, 690001, Russian Federation

The main layer of Aurov hillfort belongs to the post-Bohai period and dates back to the early X – mid-XI century AD. Twelve dwellings with kans have been excavated at the site, but not all of them are coeval. Dwellings 1–6 were built on specially prepared terraces, filled with a single layer, with mainland serving as their floor. These dwellings are well preserved. Dwellings 7–12 externally did not stand out. Their floor was layers of different structures. They are preserved much worse, and some of them have only small sections of kans left. The vast majority of these dwellings are dated back to the Bohai period and located in the Bohai material layers. Damaged dwellings were destroyed during constructing the other Bohai dwellings. Complicated stratigraphy was revealed at the excavated site – 5 layers of different colors were recorded there. Ceramic material at the site is diverse as well and belongs to various archeological cultures and historical periods of Primorsky Region's colonization. Besides Bohai ceramics, many fragments, character for the Mohe, Olgin, Kroun cultures and Paleometal period, have been found here. Dwellings № 10 was partly located under the Bohai structure remains. Its filling differed from the Bohai dwelling filling, and there were no practically objects of the Bohai period. Undoubtedly, this dwelling, as well as the site with gates, were built in the pre-Bohai period. Kans in Primorye dwellings appeared only in the Kroun culture, and later were borrowed by migrated Poltses, who became Olgins in Primorye. Dwellings with kans were not common among Mohe people. The Kroun peoples preferred to live in the river valleys. But Olgin peoples, who preferred to settle on the hills, had kans in their dwellings. Therefore, dwelling № 10 of Aurov hillfort was built by Olgins with the highest degree of probability.

Key words: Aurov hillfort, Bohai, Olgin culture, dwellings, stratigraphy, ceramics.

Владимир Эрнстович Шавкунов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, e-mail: vshavkunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2439-1865>.

Vladimir E. Shavkunov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Ауровское городище в средневековой археологии Приморского края занимает особое положение, так как оно является, пожалуй, самым поздним из известных бохайских памятников. Правда, о позднем его происхождении можно судить не по результатам радиоуглеродного анализа или по отдельным хорошо датирующим находкам, а по косвенным данным, которые позволяют считать, что городище функционировало с первой половины X в. до, скорее всего, середины XI в. н.э. [Шавкунов, 2019, с. 22; Шавкунов, Гельман, 2002, с. 107]. Культура бохайцев, оставшихся проживать на территории Приморья после пленения киданями в 926 г. их последнего правителя, еще недостаточно хорошо вычленена из культуры государственного периода. В данной статье будут рассмотрены жилища, раскопанные на Ауровском городище, выявлены новые элементы в домостроении бохайцев в постбохайское время, а также дано соотношение литографических слоев памятника с археологическими культурами.

ОПИСАНИЕ ЖИЛИЩ

Через год после открытия (1971 г.) памятника на нем в северо-восточной части было расчищено одно жилище. План его зарисован не был, но имеется рисунок с фотографии, сделанный Л.К. Розенберг (рис. 1). Жилище это позже получило порядковый номер 1. Оно было сооружено на специально устроенной в склоне площадке, имело сложенные из камня стены (фундамент для деревянных стен), высотой до 0,5 м, Г-образный двухканальный кан, сложенный из каменных плит, и один очаг. Вход в жилище был направлен в сторону ближайших городских ворот. Позже в той же северо-восточной части городища в течение пяти лет проводились масштабные раскопки, в результате которых было вскрыто 446 м². На этой площади были раскопаны ворота и еще 11 жилищ (рис. 2 и 3), которые и будут рассмотрены в данной статье.

Жилище № 2 находилось недалеко от восточного вала этой части городища, было устроено на небольшой терраске, вырытой на пологом склоне. Оно имело Г-образный двухканальный кан, сделанный из вкопанных в материк и поставленных на ребро каменных плит и перекрывавшийся сверху такими же плитами (рис. 3, 1). Ширина кана от 1 до 1,5 м. Границы жилища с трех сторон очерчивают небольшие камни, уложенные на материк в два ряда. На эти камни, по всей видимости, укладывался нижний венец стен, а сама конструкция жилища была срубной. С четвертой стороны жилища находится стенка террасы, также обложенная небольшими камнями. Кан начинался с очага, который был отодвинут от стены внутрь жилища и заканчивался трубой, выведенной

за пределы жилой площади. И очаг, и труба были оформлены врытыми в материк поставленными на ребро плитами. Общая площадь этого помещения составляла около 23 м². Вход в жилище находился с северо-восточной стороны и был направлен в сторону городских ворот. Судя по разрыву в полосе камней, являвшейся фундаментом стен, он был довольно узким – не более 1 м.

Жилище № 3 располагалось в 2 м к северо-востоку от жилища № 2, т.е. ближе к городским воротам. Оно также было устроено на специально выровненной терраске, северным и западным краями врезанной в склон. Кан был также плиточным, но одноканальным и П-образным, шириной до 0,5 м. Правда, левое колено кана оказалось намного короче, но имело продолжение в виде вытянутого очага. Правое колено заканчивалось трубой, устроенной за пределами жилища (рис. 3, 2). Оформлялась труба вкопанными в материк, поставленными на ребро небольшими плитами. К правому колену кана примыкал второй очаг, оконтуренный вкопанными плитами. Вход, скорее всего, находился в восточном углу жилища. С внешней стороны кана кое-где сохранились уложенные в ряд небольшие камни. Они показывали границы жилища и служили фундаментом нижнего венца стен. Площадь этого жилья составляла 14 м².

Жилище № 4 находилось к северо-западу от жилища № 2 и к западу от жилища № 3. Оно было устроено также на выровненной в склоне терраске. Имело почти идеальную квадратную форму и площадь около 16 м². С северо-западной, юго-западной и частично с юго-восточной сторон границы жилища маркировали полосы небольших камней, являвшихся фундаментом для стен. Там, где камней не было, периметр постройки оформлен вырытыми в материке канавками – остатками деревянного фундамента (рис. 3, 3). С северо-восточной стороны между канавками имелся разрыв – здесь, несомненно, находился вход в жилище,

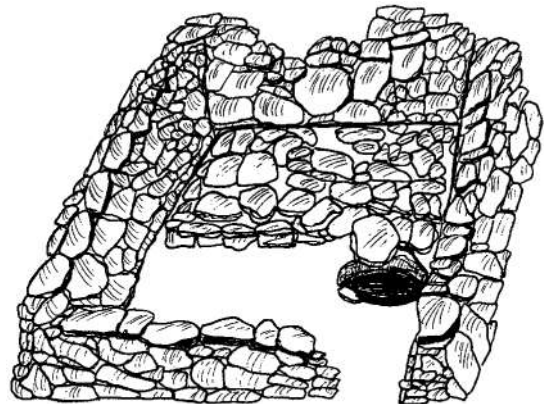

Рис. 1. Жилище № 1 Ауровского городища.

Fig. 1. Dwelling No. 1 of the Aurovskoye fortress.

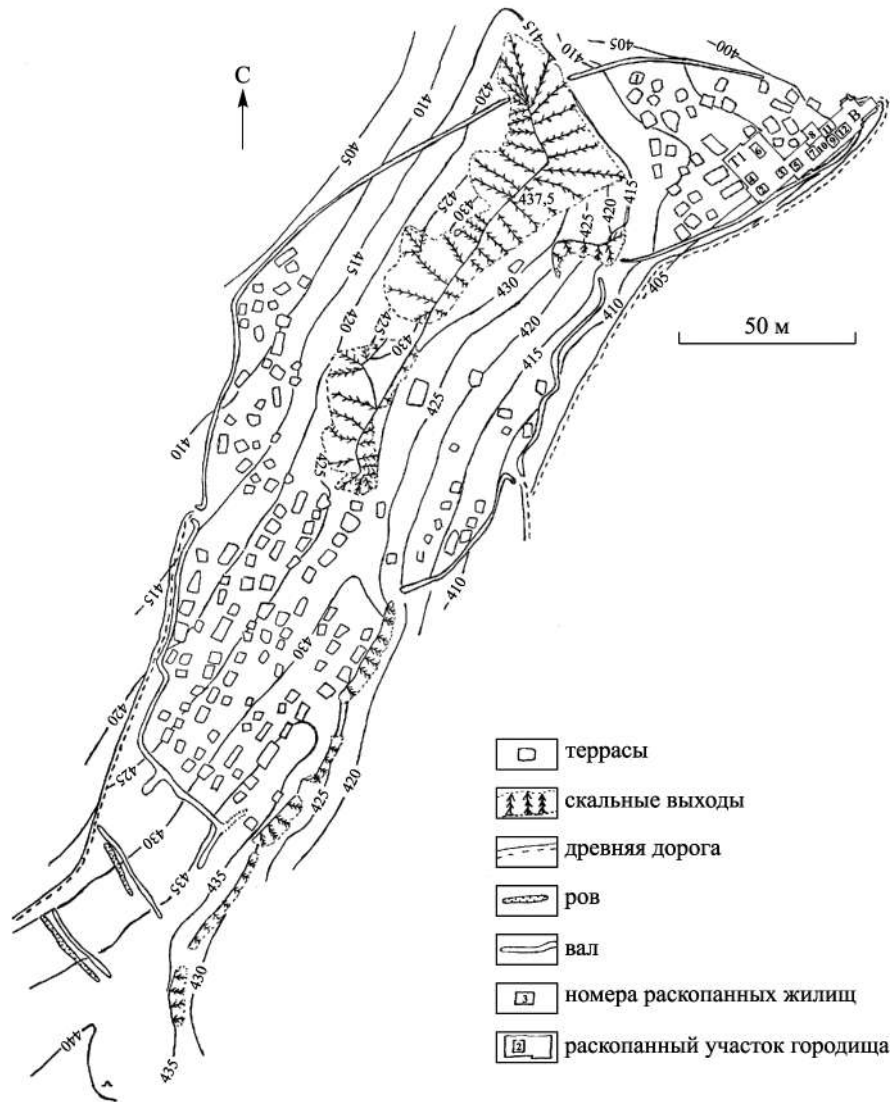

Рис. 2. План Ауровского городища.

Fig. 2. Plan of Aurov hillfort.

который был направлен в сторону городских ворот. Ширина входа – около 1 м. Кан жилища имел Г-образную форму и состоял из двух самостоятельных каналов, двух очагов и трубы. Все они, за исключением одного очага, ведущего к короткому дымоходному каналу, были оформлены вкопанными в материк каменными плитками. Каналы сверху перекрывались большими плоскими плитами. В этом жилище труба не выведена за стены, а являлась как бы углом дома.

Жилище № 5 также построено на подготовленной терраске и располагалось к северо-востоку от жилища № 3. Оно имело П-образный двухканальный плиточный кан, шириной до 1 м, очаг и трубу. Здесь труба также находилась на углу жилища (рис. 3, 4). Стены в нем основывались на каменном фундаменте.

Вход в жилище находился либо в восточном углу, либо в северо-восточной стороне – в любом случае он был направлен в сторону городских ворот. Площадь жилища была около 20 м².

Жилище № 6 располагалось к северу от жилища № 4 и к западу от жилища № 5 и было построено на подготовленной терраске. В нем имелся одноканальный Г-образный плиточный кан. У каждого колена кана был свой очаг, а труба помещалась на стыке этих колен (рис. 3, 5). И очаги, и труба оформлялись поставленными на ребро, вкопанными в материк камнями. Ширина каналов была 40–50 см, а диаметр трубы – 40 см. Это жилище оказалось сильно поврежденным – некоторые плитки основания кана были сдвинуты, а перекрытия западного колена частично

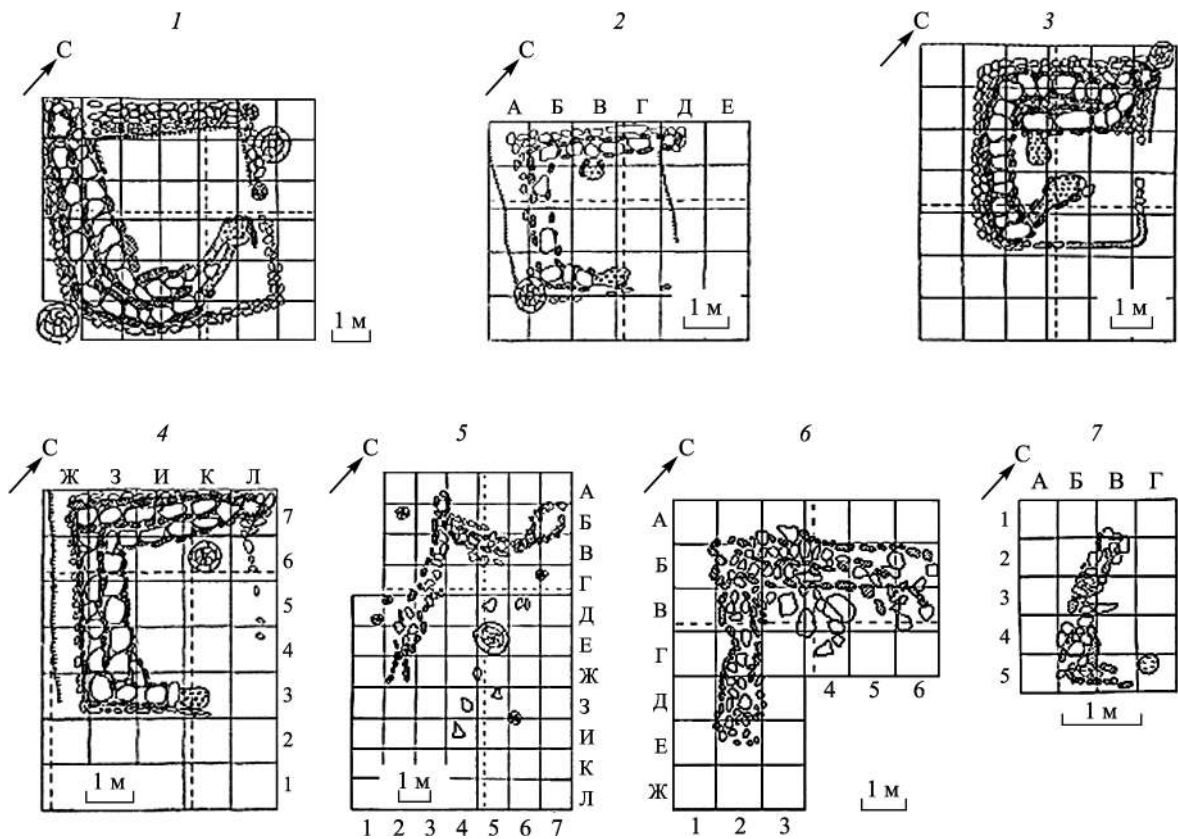

Рис. 3. Планы жилищ Ауровского городища.

1 – жилище № 2; 2 – жилище № 3; 3 – жилище № 4; 4 – жилище № 5; 5 – жилище № 6; 6 – жилище № 7; 7 – жилище № 10.

Fig. 3. Dwelling plans of the Aurovskoye fortress.

1 – dwelling No. 2; 2 – dwelling No. 3; 3 – dwelling No. 4; 4 – dwelling No. 5; 5 – dwelling No. 6; 6 – dwelling No. 7; 7 – dwelling No. 10.

отсутствовали. Очаг северного колена отклонялся как бы за пределы жилища, так что создавалось впечатление изогнутости всего колена. При этом он находился не на терраске, а на склоне. У внешнего борта этого колена частично сохранились камни от фундамента стен. Если судить по их направлению, то и труба, и очаг северной секции кана располагались за пределами стен дома. Это первый случай на Ауровском городище, когда один из очагов вынесли за пределы стен – возможно, им пользовались только в летнее время, когда в доме было и без огня жарко. Площадь жилища – примерно 18 м². Вход в него, скорее всего, находился с восточной стороны, т.е. опять-таки направлен в сторону городских ворот.

Жилище № 7 находилось в 2 м к северо-востоку от жилища № 5 на пологом склоне без каких-либо следов террасы. Оно имело, скорее всего, П-образный плиточный кан, у которого одно колено – одноканальное, а другое – двухканальное. Ширина этих колен почти всюду была около 1 м. На стыке обоих колен находилась труба (рис. 3, 6), но явных следов очагов зафиксировано не было. Не были выявлены и следы

каменного фундамента стен. Площадь этого жилища составляла не меньше 22 м², а вход в него, скорее всего, также был направлен в сторону городских ворот. В отличие от всех предыдущих жилищ, каменные плиты кана этого жилища были вкопаны не в материк, а в культурный слой различного состава и цвета.

То же самое следует сказать и об остальных жилищах. Возможно, именно из-за того, что основа кана этих жилищ была вкопана в более мягкий и рыхлый культурный слой, да еще разной плотности, они сохранились лишь частично. Поэтому полностью их конструкцию и размеры установить не удалось. Располагались они следующим образом (рис. 4). Жилище № 8 находилась к северо-западу от жилища № 7 и практически вплотную к нему. От этого жилища сохранились часть одноканального плиточного кана и труба. Жилище № 9 находилось в 2,5 м к северо-востоку от жилища № 7. От него остался двухканальный Г-образный плиточный кан. Вход, скорее всего, также был направлен в сторону городских ворот. Жилище № 10 расположено также к северо-востоку от жилища № 7. Оно помещалось в котловане между жили-

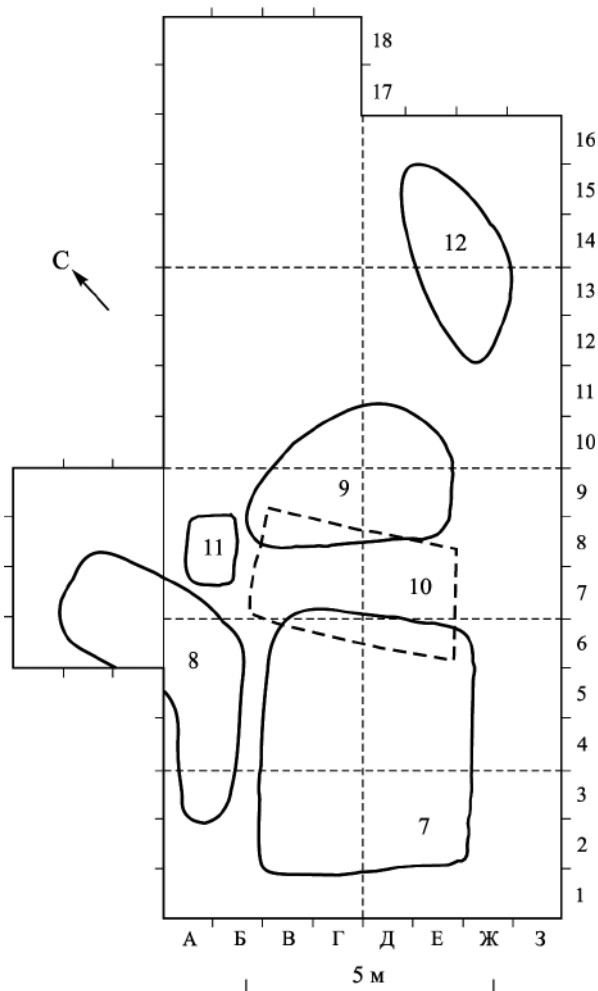

Рис. 4. Расположение жилищ № 7–12 Ауровского городища.

Fig. 4. Location of dwellings No. 7–12 of Aurov hillfort.

щами № 7 и № 9 и частично перекрывались ими. От него сохранились одноканальный Г-образный плиточный кан и труба (рис. 3, 7). Жилище № 11 находилось к северу от жилища № 7 и к северо-западу от жилища № 9. От него сохранился небольшой фрагмент одноканального плиточного кана с трубой. Он как бы был зажат между остатками жилищ № 8 и № 9. Скорее всего, это жилище построено немного раньше соседних и было уничтожено более поздними постройками. Жилище № 12 располагалось к востоку от жилища № 9, на самом краю перед небольшим, но крутым спуском, ведущим к площадке перед воротами. От него сохранилось лишь сильно разрушенное колено одноканального плиточного кана.

Таким образом, если судить по достаточно хорошо сохранившимся жилищам Ауровского городища, все они были наземными. У них имелись Г- или П-образные одно- или двухканальные плиточные каналы. У П-образных канов одна боковая секция всегда

была короче другой. Все жилища имели вытяжную трубу, находившуюся на углу дома, иногда за его пределами. У большинства жилищ сохранились по периметру ряды камней, на которые ставились стены, т.е. в данном случае можно говорить о срубном характере ауровских строений. Жилища такой конструкции, правда, с разнообразными вариантами оформления дымоходных каналов кана, раскопаны на многих бохайских памятниках Приморья – на городище Горбатка [Гельман, 2002, с. 97], на Краскинском городище¹, Константиновском-1 селище² и др. Причем все эти жилища соотносятся с верхними горизонтами бохайского слоя, а некоторые жилища Краскинского городища датируются постбохайским временем. Жилища такой же конструкции были раскопаны и на Смольнинском городище одноименной культуры [Шавкунов, 2012], которая просуществовала, как минимум, до XI в. Все это еще раз подтверждает датировку верхнего слоя Ауровского городища постбохайским временем.

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ СЛОЕВ ПАМЯТНИКА

Создается впечатление, что не все описываемые бохайские жилища функционировали одновременно. Достаточно указать на то, что небольшой участок кана, оставшийся от жилища № 11, был зажат между остатками жилищ № 8 и № 9, имел всего около 1,5 м в длину, а часть его вместе с очагом была разрушена. Кроме того, котлован с жилищем № 10 частично находился под жилищами № 7 и № 9 и явно относился к более раннему времени. Для прояснения этого вопроса необходимо рассмотреть стратиграфию раскопанного участка и содержание археологического материала в различных литографических слоях.

На всех раскопах Ауровского городища под гумусом залегал слой темно-серого суглинки. Он составлял заполнение жилищ № 2 – № 6, где сразу под ним находился материк, который на всей раскопанной площади был представлен светло-желтым суглинком. На этом участке в слое темно-серого суглинки было найдено много фрагментов керамики. Подавляющее большинство их относится к станковой керамике с характерными признаками керамики бохайской культуры. Несомненно, этот слой был оставлен самым поздним населением городища. Под данным слоем на разных участках залегали слои разного состава и цвета. На большей части (раскоп с

¹ Отчет об археологических исследованиях на Краскинском городище Приморского края России в 2005 г. // Фонд изучения Когуре, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сеул: Фонд изучения Когуре, 2006. Рис. 51, 52. (на рус. и кор. яз.).

² Болдин В.И. Отчет об исследованиях на Константиновском-1 селище в 1991 году // Архив ИА РАН. Р. 1. № 16610. Л. 20. Рис. 20.

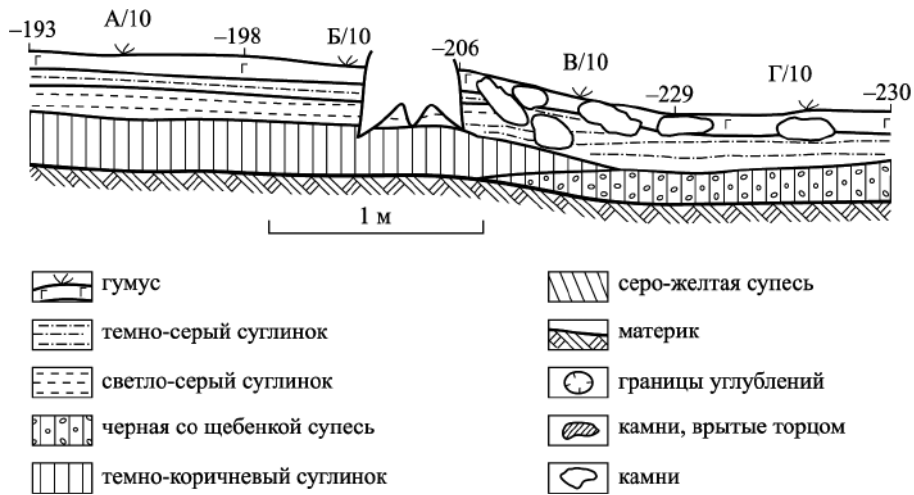

Рис. 5. Разрез на участке жилища № 9.

Fig. 5. The cross section on the plot of dwelling No. 9.

остатками жилища № 7 и раскоп с воротами) под темно-серым суглинком залегал слой светло-серого суглинка. В центральной части этого участка между ними имелась прослойка в виде серо-желтой супеси. Ниже этих слоев находились черная со щебенкой супесь и темно-коричневый суглинок. Последовательность их залегания лучше всего видна на участке с остатками жилища № 9, в разрезе по линии А-Г между квадратами 9 и 10 (рис. 5). Совершенно очевидно, что самым нижним слоем здесь является черная со щебенкой супесь. Над ней идет слой темно-коричневого суглинка, а уже над ним светло-серый суглинок. Таким образом, очередность образования слоев в северо-восточной части Ауровского городища была следующей: самым ранним является слой черной со щебенкой супеси, потом идет темно-коричневый суглинок, позже него образовался слой светло-серого суглинка, за ним серо-желтой супеси и последним появился слой темно-серого суглинка.

Для определения культурно-хронологической принадлежности разных слоев необходимо проанализировать, находившийся в них вещественный материал. В раскопах 1999 г. в слое черной со щебенкой супеси найдено много обсидиановых отщепов, 2 обломка шлифованных шиферных изделий и 432 фрагмента керамики, из которых только 14 станковых. Из лепной керамики 3 фрагмента характерны для культуры мохэ, около 10 принадлежат кроуновской культуре, а остальные (около 400 фрагментов) относятся к эпохе палеометалла (лидовская культура). В 2001 г. в слое черной со щебенкой супеси были найдены железный и шиферный вкладышевые наконечники стрел, железная поясная пряжка и много фрагментов лепной керамики, среди которой основная масса относится к эпохе палеометалла. Таким образом, подавляющее число находок из этого слоя (лепная тонкостенная керамика, обсидиановые отщепы, шлифованные шиферные изделия) имеют отношение к периоду

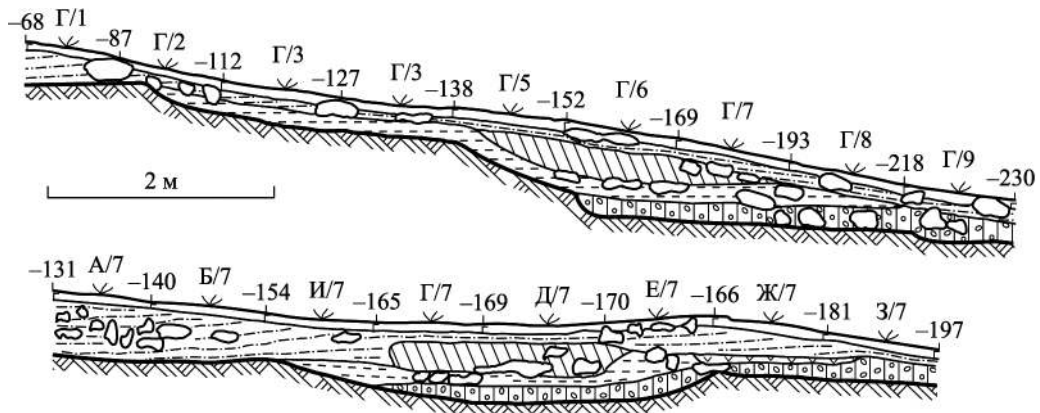

Рис. 6. Разрез над котлованом жилища № 10.

Fig. 6. The cross section above the pit of dwelling No. 10.

палеометалла. Небольшое количество керамики железного века, а также 2 железных изделия и несколько фрагментов станковой керамики не должны вводить в заблуждение – крупные камни на раскопе, поднимаемые корнями больших деревьев, способствуют разрыхлению почвы и проникновению в нижние слои отдельных предметов из верхних слоев. Учитывая сказанное выше, можно уверенно утверждать, что слой черной со щебенкой супеси был оставлен населением эпохи палеометалла.

Следующим слоем, считая снизу, идет темно-коричневый суглинок. Он занимал небольшую площадь на раскопе и в основном находился сразу над материком, лишь в отдельных местах немного наплывая на черную со щебенкой супесь. Этот слой был довольно бедным на находки – содержал только небольшое количество лепной керамики, аналогичной керамике из слоя черной со щебенкой супеси. Оба этих слоя должны относиться к одному культурно-хронологическому периоду. Можно с большой долей уверенности предположить, что слой темно-коричневого суглинка является переотложенным слоем черной со щебенкой супеси с примесью более светлой земли.

Следующим по времени образования идет слой светло-серого суглинка. На раскопах с остатками жилищ № 7 – № 12 он фиксировался не везде (рис. 6), а вот на площадке с воротами он занимал практически весь участок и находился сразу же на материке. Здесь, в расположенном выше него темно-сером суглинке, найдено около 800 фрагментов керамики, из которой около 600 относилось к станковой и было характерно для бохайской культуры. Из лепной керамики этого слоя около 40 фрагментов можно отнести к эпохе палеометалла, около 20 – к кроуновской культуре и около 140 – к мохэской или ольгинской. Следует также учесть, что лепная мохэская керамика, как правило, входит в обычный набор бохайской посуды [Дьякова, 1993, с. 133], т.е. она вполне могла остаться от бохайского населения городища. В целом находки этого слоя на раскопе с воротами подтверждают тезис о принадлежности его бохайскому населению.

В светло-сером суглинке раскопа с воротами почти вся керамика была лепной – на долю круговой пришлось всего 32 фрагмента. Из лепной керамики около 340 фрагментов относятся к эпохе палеометалла, 22 фрагмента характерны для кроуновской культуры и 277 представляют поздний железный век (ольгинскую и мохэскую культуры). Из других находок из этого слоя имеется обломок железного ножа, обсидиановый и шиферный ножи. Следует учесть, что железный нож был без упора со стороны спинки, что характерно для палеоазиатских культур Дальнего Востока. Явное преобладание лепной керамики над станковой в светло-сером суглинке свидетельствует о добохайском происхождении этого слоя. В то же вре-

мя сопоставимое количество керамики эпохи палеометалла и раннего железного века на раскопе с воротами вызывает некоторые сомнения в датировке этого слоя. Еще больше запутывают картину результаты работ на раскопах с остатками жилищ № 7 – № 12, где находился еще один слой – серо-желтой супеси (рис. 6). Этим супесью была заполнена верхняя часть котлована с жилищем № 10. За пределами котлована серо-желтая супесь проявлялась отдельными участками и находилась между темно-серым суглинком и материком. А вот в котловане она располагалась над светло-серым суглинком, который являлся основным заполнением жилища. Нет сомнений в том, что жилище № 10 соотносится со слоем светло-серого суглинка, который, как показали раскопки на площадке с воротами, датируется раньше бохайского времени.

Для определения археологического содержания этих слоев потребовались весьма масштабные их исследования: они были проведены в 1999 г. В светло-сером суглинке тогда было найдено несколько обсидиановых отщепов, ложило по бронзе, железный рыболовный крючок, шиферный наконечник стрелы и обломок шиферного орудия – возможно, наконечника стрелы. Керамический материал представлен незначительным количеством станковых фрагментов и 418 лепных. Среди лепной керамики 3 фрагмента относятся к мохэской культуре, около 10 – к кроуновской, а остальные – к эпохе палеометалла. Интересно отметить, что практически такая же картина фиксируется и для серо-желтой супеси. В том же 1999 г. в ней было найдено несколько обсидиановых отщепов, обломок глиняного конусовидного пряслица, вкладышевый железный наконечник стрелы, незначительное количество станковой керамики и 1083 фрагмента лепной. Из лепной керамики около 50 фрагментов были мохэскими, около 30 – кроуновскими, а остальные относились к эпохе палеометалла. Можно признать, что материалы этих двух слоев относятся к одному хронологическому периоду. Разница в литологическом составе объясняется следующим обстоятельством. Котлован жилища № 10 помимо серо-желтой супеси был заполнен еще камнями, которые были аккуратно уложены в котлован и напоминали каменную платформу. Эти камни лежали поверх жилища, а остальное пространство было заполнено серо-желтой супесью. Несомненно, котлован жилища № 10 был целенаправленно заложен камнями, затем засыпан землей с целью выравнивания поверхности. Серо-желтая супесь, скорее всего, образовалась от смеси светло-серого суглинка и материка, который был светло-желтого цвета. Этим также объясняется идентичность состава находок из обоих слоев.

А что удивляет, так это явное преобладание в этих слоях керамики эпохи палеометалла. Но такая керамика не может служить временным индикатором

слоев, так как с ними тесно связано жилище с каном. А такие жилища появились лишь в раннем железном веке, в кроуновской культуре. Позже они применялись переселившимися в Приморье польцевцами. А мохэсцы предпочитали жилища без канов. Наличие в этих слоях большого количества фрагментов керамики, относящейся к эпохе палеометалла, можно объяснить следующим обстоятельством. При выкапывании котлована под жилище № 10 был прорезан слой лидовской культуры (рис. 6) и материк, а земля с остатками жизнедеятельности лидовцев была разбросана вокруг. Через какое-то время после гибели жилища бохайцы заложили котлован камнями и засыпали землей, которую брали здесь же. В обоих случаях эти слои были перемешаны с материком и находились в переотложенном состоянии. При этом находки в земле лидовской керамики дробились на мелкие фрагменты, что резко увеличивало их количество. Такая ситуация и была зафиксирована во время раскопок – в этих слоях размеры фрагментов лидовской керамики практически не превышали 2–3 см². Поэтому слои светло-серого суглинка и серо-желтой супеси нельзя связывать ни с лидовским населением, ни с мохэ. Претендентами на них остаются кроуновцы и польцевцы-ольгинцы. Последние, придя в Приморье, многие элементы культуры восприняли от кроуновцев, поэтому присутствие у них кроуновской керамики не должно вызывать недоумения. Собственно, это было неоднократно зафиксировано на польцевско-ольгинских памятниках Приморья, где встречаются конические чаши на коническом поддоне [Бродянский, 1987, с. 187–188], глиняные тазы, иногда с отверстиями в дне [Андреева, 1977, с. 173] и миски с массивными налепными ручками [Так же, с. 179]. Все это характерно для кроуновской керамики. Кроме того, подавляющее большинство кроуновских памятников находится в долинах рек, а польцевцы в Приморье предпочитали селиться на труднодоступных возвышенностях. Суммируя высказанные соображения, следует признать, что с наибольшей долей вероятности слои светло-серого суглинка и серо-желтой супеси должны относиться к польцевско-ольгинскому населению и датироваться серединой I тыс. н.э., а значит, и жилище № 10 было построено ольгинцами.

Остается еще разобраться с сильно разрушенным жилищем № 9. От него остались небольшой фрагмент плиточного кана и труба, при этом недостающая часть кана явно была уничтожена при строительстве жилища № 11, которое по всем признакам относится к бохайскому слою. В то же время основным заполнением жилища № 9 был слой темно-серого суглинка (самого позднего на памятнике), а полом в нем служил материк. Это дает все основания полагать, что жилище № 9 также относилось к бохайско-

му времени, но функционировало несколько раньше соседних жилищ (№ 8 и № 11).

ВЫВОДЫ

Раскопки в северо-восточной части Ауровского городища показали, что памятник заселялся неоднократно. Первыми на нем поселились лидовцы, от которых на памятнике сохранились два слоя, частично уничтоженных в более позднее время. В середине I тыс. н. э. на городище пришли ольгинцы. От них осталось жилище № 10. Возможно, они первыми устроили на самой северо-восточной оконечности городища площадку с воротами. Еще позже на городище появились бохайцы. От их первой волны осталось жилище № 11. Вторая волна бохайского населения оставила остальные жилища, насыпав из камня валы и ворота городища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н.э. – VIII в. н.э.). М.: Наука, 1977. 240 с.
- Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. 276 с.
- Гельман Е.И. Предварительные итоги исследований городища Горбатка в 2000–2001 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2002. № 3. С. 95–98.
- Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1993. 408 с.
- Шавкунов В.Э., Гельман Е.И. Многослойный памятник Ауровское городище // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2002. Т. XI: Актуальные проблемы дальневосточной археологии. С. 75–108.
- Шавкунов В.Э. К характеристике жилищ Смольнинского городища // Вестн. ДВО РАН. Владивосток. 2012, № 4. С. 113–118.
- Шавкунов В.Э. Фортификационные особенности Ауровского городища // Россия и АТР. Владивосток, 2019. № 1. С. 16–23.

REFERENCES

- Andreeva Zh.V. (1977). Primorye in the era of the primitive communal system. The Iron Age (I millennium BC — VIII century AD). Moscow, Nauka, 240 p. (In Russ.)
- Brodiansky D.L. (1987). Introduction to Far Eastern archaeology. Vladivostok, Izd-vo DVGU, 276 p. (In Russ.)
- D'yakova O.V. (1993). The origin, formation and development of medieval cultures of the Far East. Vladivostok, Dalnauka, 408 p. (In Russ.)
- Gelman E.I. (2002). Preliminary results of studying Gorbatka settlement in 2000–2001. *Rossiya i ATR*. No. 3, pp. 95–98. (In Russ.)
- Shavkunov V.E. (2012). To the characteristics of Smolninskoye settlement dwellings. *Vestnik DVO RAN*. No. 4, pp. 113–118. (In Russ.)
- Shavkunov V.E. (2019). Fortification features of Aurov settlement. *Rossiya i ATR*. No. 1, pp. 16–23. (In Russ.)
- Shavkunov V.E., Gelman E.I. (2002). Multilayer Aurov settlement site. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka*, vol. 11, pp. 75–108. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.10.2022

Дата рецензирования 01.02.2023

Статья принята к публикации 24.02.2023

DOI: 10.15372/HSS20230103

УДК 903.2 (571.151)

А.Н. ЧИСТЯКОВА

ИДЕНТИФИКАЦИЯ КИТАЙСКОГО ЗЕРКАЛА ИЗ ПАМЯТНИКА МАРКОВО-1Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28

Статья посвящена идентификации древнего бронзового зеркала из памятника Марково-1 Новосибирской области. Китайские исследователи определяют временные рамки существования таких зеркал династией Западная Хань. Задача автора – установить, является данная находка копией или оригиналом. В статье дано подробное описание зеркала, приведены аналогии с территории КНР и России. Установлено, что исследуемый фрагмент относится к китайским зеркалам с так называемым орнаментом трава и листья (или растительный орнамент), однако представляет так называемый смешанный тип. По аналогии с другими зеркалами была идентифицирована иероглифическая надпись 天上見長 心思君王 («Смотрю на небо, постоянно думаю о правителе») по нескольким критериям: маленький размер (не более 9,0 см), распространение за пределами КНР. Автор статьи предполагает, что такие зеркала отливались не в императорских, а в частных мастерских, изготавливались специально в качестве даров и т.п.

Ключевые слова: древние бронзовые зеркала, Китай, династия Хань, растительный орнамент, орнамент трава и листья, реплика, Марково-1.

Для цитирования: Чистякова А.Н. Идентификация китайского зеркала из памятника Марково-1 // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 24–31. DOI: 10.15372/HSS20230103.

A.N. CHISTYAKOVA

IDENTIFICATION OF A CHINESE MIRROR DISCOVERED AT MARKOVO-1 SITE Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation

The paper discusses identification of an ancient bronze mirror found in the Markovo-1 site in the Novosibirsk Region. Chinese researchers determine the temporal frames of such mirrors' existence as the western Han Dynasty. The objective is to establish whether it is an original artifact, or a copy. The author represents the mirror's detailed description, gives analogies from the territory of China and Russia. It was established that the studied fragment should be noted as Chinese mirrors with the so-called "grass and leaves" (or floral) ornament, however, it is an example of the "mixed type" mirror as well. By analogy with other mirrors, the hieroglyphic inscription 天上見長 心思君王 (I look at the sky, I always think about my sovereign) was identified according to several criteria: small size (not exceeding 9,0 cm), distribution outside the PRC territory. The author has assumed that similar mirrors were cast in private workshops rather than in owned by the Emperor workshops, and were made especially as gifts etc.

Key words: ancient bronze mirrors, China, Han Dynasty, floral ornament, replica, Markovo-1 site.

ВВЕДЕНИЕ

Китайские зеркала или их копии, найденные при раскопках памятников Сибири, да и вообще за пределами территории Китая, являются не только важным датированным предметом, но и ценной находкой, подтверждающей торговые контакты между народами. В древности они всегда были значимым элементом китайского экспорта.

В настоящей статье автор рассматривает фрагмент китайского зеркала, найденного в Новосибирской области в погребении № 8 памятника Марково-1. Раскопки проводились под руководством Н.В. Полосьмак. Такое зеркало на территории Сибири найдено впервые [Полосьмак, 1987, с. 83].

В настоящей статье рассматривается проблема идентификации данного фрагмента зеркала. Для это-

Агния Николаевна Чистякова – доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета, e-mail: feng@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8510-5682>.

Agniya N. Chistyakova – Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture and Museum Studies Novosibirsk State Pedagogical University.

го необходимо решить следующие задачи: 1) определить время существования подобного типа зеркал в Китае; 2) для уточнения датировки соотнести орнамент со временем изготовления и стилем; 3) установить, является ли зеркало оригиналом, копией или репликой; 4) по сохранившимся иероглифам идентифицировать иероглифическую надпись.

ОПИСАНИЕ ЗЕРКАЛА

Инвентарный номер зеркала отсутствует, так как оно утеряно, однако описание и прорисовка сохранились в описании памятника Марково-1. В погребении № 8 был найден обломок круглого зеркала с массивным бортиком. Обратная сторона имеет орнамент: на внутреннем поле показаны 4 квадрата, на внешнем – иероглифические символы (рис. 1). Точный диаметр зеркала не определен, но известно, что оно маленькое. Н.В. Полосьмак описывает его как оригинальное китайское зеркало с центром производства в княжестве Чу, датирует его II в. до н.э. [1987, с. 83]. Во внешнем квадрате орнаментального поля сохранились 3 иероглифа: 君 jūn («благородный муж, муж, господин»); 王 wáng («ван, правитель») и 思 sī («думать, вспоминать, тосковать»).

Данный фрагмент зеркала был идентифицирован Е.И. Лубо-Лесниченко как произведенный «в княжестве Чу периода Чжаньго (5 в. до н.э. – 221 г. до н.э.)». Этот вывод был воспроизведен в монографии автора раскопок Н.В. Полосьмак [1987, с. 83]. Нужно отметить, что Ю.В. Оборин в каталоге «Китайские бронзовые зеркала. Коллекция эстампов» также относит подобное зеркало к периоду Чжаньго, правда, не указывая место находки и источник [Оборин, 2018, табл. 22, № 4]. Возможно, данная датировка связана с тем, что у такого рода зеркал держатель выполнен в виде валика «трех струн» – типовой признак зеркал периода Чжаньго, хотя у фрагмента из Марково-1 держатель не сохранился. Второй признак периода Чжаньго – узкий неорнаментированный бортик.

Тщательное изучение прорисовки и описания изучаемого фрагмента, утерянного к настоящему времени, позволяет нам говорить об иной интерпретации этого вида зеркал. Китайские исследователи относят появление указанных зеркал к началу династии Западная Хань и считают, что они существовали до династии Синь (период правления Ван Мана, 9–23 гг. н.э.), но уже при ханском У-ди (правление со 141 г. до н.э. до 87 г. до н.э.) и Чжао-ди (правил с 87 г. до н.э. по 74 г. до н.э.) они постепенно стали вытесняться зеркалами с орнаментом 星云纹 («звездные туманности»), 连弧纹 («соединенные дуги») и др. [Ханьдай, 2008, с. 307]. В каталоге «Древние китайские зеркала» их появление относят к династии Цинь, но уточняют, что популярность они приобрели при ди-

Рис. 1. Прорисовка зеркала с памятника Марково-1. По: [Полосьмак, 1987, с. 39, рис. 33, 4].

Fig. 1. Detailed drawing of the mirror from Markovo-1 site. By: [Polosmak, 1987, p. 39, fig. 33, 4].

настии Западная Хань [Чжао Мин, 1997, с. 89, 90]. Ван Ганхуай датирует их начальным или даже средним периодом династии Западная Хань (220 г. до н.э. – 48 г. до н.э.)¹ [Ван Ганхуай, 2016, т. 1, с. 141]. Однако исследователи не приводят аргументов в пользу принадлежности данного типа орнамента эпохе Западная Хань. Этот вопрос остается открытым, поскольку до настоящего времени не найдено ни одной литейной формы для данного типа зеркал. Изучение и сопоставление орнаментов периодов Чжаньго и Хань позволяют автору настоящей статьи считать, что логичнее отнести зеркала с орнаментом «трава и листья» к династии Западная Хань, потому что в нем можно выделить характерные признаки отливки зеркал ханьской эпохи: 1) появление в орнаменте так называемых жемчужин²; 2) наличие иероглифической

¹ Согласно китайской хронологической традиции, династия Цинь существовала с 221 до 206 г. до н.э.

Ранний период Западной Хань датируется с 206 г. до н.э. до 141 г. до н.э. (первый год правления Гао Цзу – третий год под девизом правления Хоуяоань императора Цзин-ди); средний период – с 140 до 49 г. до н.э. (первый год правления Цяньюань императора У-ди – первый год под девизом правления Хуанлун императора Сюаньди); поздний период Западной Хань – с 48 г. до н.э. (первый год под девизом правления Юаньчу императора Юаньди до падения династии Западная Хань в 8 г. н.э.).

² По поводу наименования этого элемента существует несколько переводов. По-китайски этот термин называется 乳 珠, что переводится как «сосок, грудь». В российской литературе иногда этот элемент называют «шишечки», «полусферы» но более распространенным является «жемчужины».

надписи; 3) четырехчастная структура орнамента (у более ранних зеркал орнамент расположен по кругу); 4) место крепления держателя обрамлено квадратом.

Китайские исследователи такую композицию называют орнамент «в виде травы и листьев» или просто «растительный орнамент» (草叶纹 *цаоэвэнь*) [Ли Сюэмэй, 1998, с. 15]. В более сложных композициях к названию «растительный орнамент» прибавляется название надписи, присутствующей на зеркале, например, «幸毋见忘» 铭草叶规矩四龙镜 – зеркало с орнаментом «циркули, угольники и четыре дракона» и надписью: «даже если не можем увидаться, не смогу забыть» или только название дополнительного декора, например, 四龙草叶镜 – зеркало с орнаментом «четыре дракона, трава и листья» [Ван Чэньи, 2011, с. 102, 104]. Согласно археологическим материалам, такие зеркала были довольно популярны. Их ареал охватывает китайские провинции Хэбэй, Хэнань, Сычуань, Гуандун, Хунань, Аньхой, Шаньси и Шаньдун – основные центры производства зеркал [Ли Сюэмэй, 1998, с. 16].

Интерпретация композиции следующая: представлена космологическая концепция древних китайцев. Зеркало круглое, что знаменует собой небо, квадраты – это земля. Держатель и место крепления в виде черешка хурмы символизирует центр. Четыре жемчужины – это стороны света: восток, запад, юг и север. «Трава» интерпретируется как колосья, растущие на земле. В целом это пожелание гармонии между Небом и Землей, чтобы всегда светило солнце и был богатый урожай злаков. Пожелание богатой жизни³.

Растительный орнамент таких зеркал можно условно разделить на два вида: ранний и классический.

РАННИЕ ЗЕРКАЛА «ТРАВА И ЛИСТЬЯ»

Ранние зеркала – небольшие по размеру и весу: от 8,3 см в диаметре и весом от 60 г. Композиционно они однообразные.

Тип I. Держатель выполнен в виде валика/«трех струн» – это продолжение чжоуской традиции. Место крепления держателя не орнаментировано, обрамлено квадратом. Далее идет большой пустой квадрат. Четыре «травы» или «капли», выходящие из углов квадрата, условно делят орнаментальное пространство на четыре сектора. В каждом секторе присутствует «жемчужина», по сторонам которой имеются иероглифы. Изображение «травы» в орнаментальном поле отсутствует. Соответственно получаем надпись, состоящую из 8 иероглифов. Надписи могли варьиро-

ваться. Самые распространенные – 見日之光天下大明 («гляжу на солнечный свет, в Поднебесной великие светила»); 君來何傷 慎毋相忘: 如日之光所居君王 («государь прибывает, зачем убиваться? преданные не забывают друг друга: подобно солнечным лучам, все вокруг – местонахождение государя»); 玄金之清, 可见信诚/ 金清陰光 可以取信 («темный металл чист, можно увидеть справедливость/металл чист, отражает лунный свет, можно получить доверие») и др. Бортик широкий, не орнаментирован [Ван Ганхуай, 2016, с. 72–79]. Отличительной особенностью является выполнение иероглифической надписи не в квадрате, а между «жемчужинами». Диаметр таких зеркал – от 7,6 до 10 см (рис. 2).

Тип II. Данный тип также относится к ранним. Держатель зеркала выполнен в виде «трех валиков/струн». Место крепления держателя не орнаментировано и обрамлено квадратом. Орнаментальное поле показано в виде второго квадрата с надписью. Из каждой стороны квадрата выходит растительный завиток. Композиция может быть без завитков. Отличительной особенностью является наличие 16 внутренних дуг. Бортик – широкий, неорнаментированный. Характерная надпись: 與天相壽與地相長富貴如言 (意) 長毋相忘 («долголетие, как у Неба, расти вместе с землей, богатства и знатности как пожелаете, никогда не забывайте друг друга»)⁴. Диаметр таких зеркал – от 12 до 15 см, вес – более 200 г [Ван Ганхуай, 2016, с. 99, 100] (рис. 3).

КЛАССИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА «ТРАВА И ЛИСТЬЯ»

У классических зеркал держатель бывает трех типов: у ранних – валик «три струны», полусфера, или выполнен в виде какого-либо животного. Место крепления держателя обычно в виде так называемой плодоножки хурмы и обрамлено квадратом. Следующий квадрат – пустой либо с иероглифической надписью. Эта надпись из секторов переходит в квадрат. Из каждого угла квадрата выходят растительные завитки (цветы с листьями), которые делят композицию на четыре сектора. В каждом секторе изображены по две так называемые травы (по другой версии – «колосья пшеницы») и между ними – по «жемчужине». Бортик выполнен в виде 16 полукружий.

Стилистически классический орнамент «трава и листья» можно разделить на несколько вариантов. Дин Мэн выделяет три типа.

Тип I. Композиция представляет собой большой квадрат, по углам которого выходит «трава» с двумя листьями. В центре каждого сектора расположена «жемчужина», по сторонам у нее изображена одинар-

³ Культура [эпохи] бронзы. Любование зеркалами с орнаментом «трава и листья» (Каталог) [青铜文化 草叶纹镜赏析 (图录)] // URL: http://www.360doc.com/content/18/0209/01/49854881_728726993.shtml (дата обращения: 1.06.2021) (на кит. яз.).

⁴ В самой надписи возможны варианты.

Рис. 2. Ранние зеркала с орнаментом «трава и листья». Тип I. По: [Ван Ганхуай, 2015, т. 1, с. 76, рис. 71].

Fig. 2. Mirrors with “grass and leaves” ornament dated from the early period. Type I. By: [Wang Ganghuai, 2016, vol. 1, p. 76, fig. 71].

Рис. 3. Ранние зеркала с орнаментом «трава и листья». Тип II. По [Ван Ганхуай, 2015, рис. 74, с. 74].

Fig. 3. Mirrors with “grass and leaves” ornament dated from the early period. Type II. By: [Wang Ganghuai, 2015, p. 74, fig. 74].

ная/одноуровневая трава. Бортик выполнен в виде 16 полукружий. Для первого типа характерны надписи 見日之光 天下大明 («гляжу на солнечный свет, в Поднебесной великие светила») и 日有意 宣酒食 常富貴樂毋事 («есть намерение, объявляю пир, желаю богатства, знатности и радости без забот»). Изображение «травы» может быть многоуровневое (два или три уровня) (рис. 4) [Дин Мэн, 2011, с. 36].

Тип II. Более сложный по сравнению с типом I. Вместо травы вокруг жемчужины изображен цветок. Из каждого угла квадрата выходит растительный элемент с двумя листьями и цветком. Держатель может быть полусферой, но чаще выполнен в виде животного – жабы. Бортик выполнен в виде 16 полукружий. Для второго типа характерна надпись из 15–20 иероглифов. Диаметр зеркал – 11–23 см (рис. 5). [Дин Мэн, 2011, с. 36].

Тип III. Зеркала выполнены по типу боцзюй + «трава и листья», т.е. к орнаменту «цветы и листья» прибавляется разметка доски боцзюй для игры в любо (шестерку) или в европейской традиции – знаки TLV. Основной мотив зеркал боцзюй – трава и листья. Бортик выполнен в виде 16 полукружий. Держатель – полукруг, реже имеет вид трех полукруглых валиков или изображена жаба/лягушка. Место крепления держателя выполнено в виде круга или четырехлистника. Как правило, вокруг держателя изображен квадрат и присутствуют благожелательные иероглифы-

ческие надписи: 長毋相忘, 長樂未央 («никогда не забывать друг друга. вечная радость») и 心思美人, 毋忘大王 («человек с высокими помыслами. Не за-

Рис. 4. Классические зеркала с орнаментом «трава и листья». Тип I. По [Ван Ганхуай, 2016, с. 117, рис. 110].

Fig. 4. Classical mirrors with “grass and leaves” ornament. Type I. By: [Wang Ganghuai, 2016, p. 117, fig. 110].

Рис. 5. Классические зеркала с орнаментом «трава и листья». Тип II. По [Ван Ганхуай, 2016, с. 103, рис. 98].

Fig. 5. Classical mirrors with “grass and leaves” ornament. Type II. By: [Wang Ganghuai, 2016, p. 103, fig. 98].

Рис. 6. Классические зеркала с орнаментом «трава и листья» + боцзюй. Тип III. По [Ван Ганхуай, 2016, с. 117, рис. 110].

Fig. 6. Classical mirrors with TVL (boju) and “grass and leaves” ornament. Type III. By: [Wang Ganghuai, 2016, p. 117, fig. 110].

Рис. 7. Классические зеркала с орнаментом «трава и листья» + летучие мыши/пламя. Тип IV. По [Ван Чэньи, 2011, с. 178, рис. 92].

Fig. 7. Classical mirrors with “grass and leaves+bats/flame” ornament. Type IV. By: [Wang Chenyi, 2011, p.178, fig. 92].

Рис. 8. Классические зеркала с орнаментом «трава и листья» + драконы. Тип V. По [Ван Чэньи, 2011, с. 104, рис. 25].

Fig. 8. Classical mirrors with “grass and leaves+dragons” ornament. Type V. By: Wang Chenyi, 2011, p. 104, fig. 25].

бывает дела великих государей») и другие (рис. 6). Такого типа зеркала распространены на раннем этапе Западной Хань [Дин Мэн, 2011, с. 36].

К классификации Дин Мэна автором статьи при работе с каталогами добавлено еще несколько типов.

Тип IV. Летучие мыши – пламя + трава и листья 蝙蝠火焰状草叶纹. Характерная надпись: 見日之光 天下大明 («гляжу на солнечный свет, в Поднебесной великие светила») (рис. 7). Отличительной особенностью является то, что «трава» вокруг «жемчужин» превратилась в летучих мышей или пламя. Бортик выполнен в виде 16 полукружий. Диаметр таких зеркал от 12 до 14 см [Ван Чэнь, 2011, с. 178].

Тип V. Драконы + трава и листья 四龙草叶纹. Зеркала с держателем, изготовленным в виде полусферы, окруженной четырехлистником. Отличительная особенность состоит в том, что оно чаще всего без надписи, и «жемчужины» окружены драконами. Размер зеркал – от 9,7 до 14 см. Бортик выполнен в виде 16 полукружий (рис. 8) [Ван Чэнь, 2011, с. 104].

Конечно, можно дать более подробную классификацию, но уже на данном этапе исследования понятно, что рассматриваемое зеркало не подходит ни одному из вариантов. Это совмещение раннего и классического типов: капли по углам квадрата, неорнаментированный бортик – признаки раннего вида, а надпись, расположенная не в секторах, а вписанная в большой квадрат, наличие «травы» относят зеркало к классическому типу. Второе, что не находит аналогий, – это надпись. Как уже говорилось, на зеркале сохранилось три иероглифа 君, 王 и 思. Это часть одной из благопожелательных надписей. Вариантов надписи могло быть два: 長毋見忘長思君王 или 天上見長 心思君王. Перевод следующий: «долго не видимся и не могу забыть, постоянно думаю о государе» или «долго смотрю на небо, в душе вспоминаю государя». Так как надпись выражает печаль и тоску, то, скорее всего, такие зеркала принадлежали наложницам из дворца и после их смерти укладывались в качестве погребального инвентаря. Эти надписи, характерные только для таких «смешанного» типа зеркал «трава и листья», не встречаются на других зеркалах.

Аналогии исследуемого зеркала находим у Е.Е. Лубо-Лесниченко (зеркало №347 из Минусинской котловины, хранится в Хакасском областном краеведческом музее (г. Абакан)). Судя по описанию, зеркало – из желтого металла, диаметром – 8,5 см, датируется XII–XIV вв. На нем есть надпись: «Когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе» [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 34, рис. 108]. Аналогичные зеркала диаметром 84 мм, весом 60,2 г и с надписью 天上見長 心思君 найдены в Восточном Прибай-

калье; в Бурятии, юго-восточнее Улан-Удэ; Осинском районе Иркутской области (диаметром 87,6 мм). Надписи аналогичны [Оборин, Савосин, 2017, № 1.7–1.10, с. 11, с. 53, 54]. Считаются оригинальными ханьскими зеркалами: фрагмент зеркала из могильника Чендек, курган № 28 (полагают, что это оригинал) [Соенов, Эбель, 1992, с. 49–51]; 3 целых и половина зеркала в Туве, памятник Ала-Тей (трактуются как оригинальные ханьские зеркала) [Леус, 2018, с. 105].

Стоит отметить, что, найденные на территории России зеркала отличаются как по качеству металла (видно даже по цвету), так и по уровню исполнения орнамента. Все они уступают аналогичным зеркалам, обнаруженным на территории КНР.

Среди изученных нами по китайским каталогам более 100 зеркал с орнаментом «трава и листья» на территории Китая Ван Ганхуай в каталоге «Собрание изображений зеркал с надписями династии Хань» приводит только 2 зеркала с аналогичной надписью и орнаментом [2016, с. 139, рис. 132; с. 141, рис. 134]. Хотя он датирует их периодом Хань, но отмечает, что зеркала довольно странные: 1) у них сравнительно маленький диаметр. Действительно, «классический» вариант таких зеркал начинается с 10 см, а исследуемый нами вид зеркал не превышает 9 см; 2) классическая композиция включает черты раннего периода – держатель в виде «трех струн» и неорнаментированный бортик; 3) надпись встречается довольно редко; 4) надпись выполнена с «ошибками»: иероглиф 見 написан в обратную сторону; у иероглифа 心 не хватает одной черты; 5) стиль написания – смешанный.

Кроме того, место находки и местонахождения этих зеркал неизвестно. Ван Гуанхай ссылается на эстамп аналогичного зеркала из собрания известного коллекционера Чэнь Цзеци, но в каталоге эстампов указан только размер зеркала – 9,0 см [2016, с. 141].

Аналогичное зеркало хранится в Национальном музее КНР, указан его диаметр – 8,9 см, но место находки не обозначено. Еще 1 экз. диаметром 9 см найден в провинции Ганьсу, районе Цинъян. Следует отметить, что территория современной провинции Ганьсу не являлась тогда «китайской», считалась «варварской».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, нами установлено следующее:

1. Зеркало из памятника Марково-1 с орнаментом «трава и листья» относится к смешанному виду, сочетая в себе ранний и классический виды.
2. Для таких зеркал характерна единственная определенная надпись 天上見長 心思君王 («когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе»).

**Сравнительная таблица зеркал «трава и листья» с надписью 天上見長 心思君王
(«смотрю на небо, постоянно думаю о правителе»)**

**Comparative table for the «grass and leaves» mirrors with the encryption: 天上見長 心思君王
(I look at the sky, I always think about my sovereign)**

Место находки зеркала Location of the found mirror	Место хранения Storage place	Диаметр, см Diameter, cm	Вес, г Weight, g	Оригинал/копия Original/copy
Фрагмент из Марково-1	Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, г. Новосибирск	?	?	Оригинал
Зеркало № 347 из Минусинской котловины	Хакасский областной краеведческий музей, г. Абакан	8,5 см.	?	XII–XIV вв., копия
Восточное Прибайкалье	Не указано	8,4 см	60,2 г.	Оригинал
Бурятия, юго-восточнее Улан-Удэ	Не указано	?	?	Оригинал
На выдувах о. Осинский Братского водохранилища в Иркутской обл.	Передано в Иркутскую лабораторию археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН	8,7 см	?	Оригинал?
Фрагмент зеркала из могильника Чендек, курган № 28		8,8 см	?	Оригинал ?
Три целых зеркала и одна половина, Тува, памятник Ала-Тей		8,6? см		Оригиналы?
Ван Гухай?	Ссылка на каталог, аналогия из эстампов	9,0 см	61 г	Оригинал
Ван Гухай?	Чжищуйгэ	8,7 см	64 г	Оригинал
?	Музей истории КНР	8,9 см	?	Оригинал
Провинция Ганьсу, район Цинъян	Музей района Цинъян	9 см	Тонкое	Оригинал
Эстамп из каталога Чэнь Цзеци		9 см	?	Оригинал

3. Нетипично для ханьских зеркал небольшие размеры и вес: диаметр не превышает 9 см, средний вес – 60–64 г.

4. Такого типа зеркала фактически не встречаются на территории Китая, но распространены за его пределами (как минимум, нам известно 10 экз. на территории России). Стоит отметить, что качество исполнения большинства зеркал на территории России ниже «китайских» оригиналов.

В связи этим автор предполагает, что такие зеркала, даже если они выполнены при династии Хань, изготавливались не в императорской мастерской. Скорее всего, отливались не для пользования китайцами, а специально для даров, предназначенных правителям сопредельных территорий. Этим объясняются и экономия металла (маленький размер и вес), и качество исполнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ван Ганхуай [王纲怀]. Собрание изображений зеркал с надписями династии Хань [汉镜铭文图集]. Шанхай: Чжунси шучзюй, 2016. Т. 1. 325 с.

Ван Чэньи [王趁意]. Собрание лучших зеркал с Центральной равнины [中原藏镜聚英]. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 2011. 247 с. (на кит. яз.).

Дин Мэн [丁孟]. Золотые правила, которые нужно знать на начальном этапе коллекционирования древних зеркал [古代铜镜

收藏入门不可不知的金律]. Цзинань: Шаньдун мэйшу чубаньшэ, 2011. 190 с. (на кит. яз.).

Леус П.М. Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-тей и Терезин в Туве // Древние культуры Центральной Азии: Тез. Второй Всерос. конф. Посвящ. 90-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача, 10–14 декабря 2018, Санкт-Петербург. СПб., 2018. С. 104–110.

Ли Сюэмэй [李雪梅], *Сяо Бинь* [晓冰]. Бронзовые зеркала [铜镜]. Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1998. 157 с. (на кит. яз.).

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 165 с.

Оборин Ю.В. Китайские бронзовые зеркала. Коллекция эстампов. Красноярск, 2018. 166 с. URL: academia.edu/37842690/Oborin_CHINESE_BRONZE_MIRRORS_A_COLLECTION_OF_PRINTS_pdf (дата обращения: 01.02.2021).

Оборин Ю.В., Савосин С.Л. Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. Красноярск; Москва. 2017. 527 с. URL: https://www.academia.edu/31884315/Oborin_Savosin_CHINESE_BRONZE_MIRRORS_A_Compedium_of_Random_Findings_pdf (дата обращения: 01.02.2021).

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 126 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на верхней Катунь. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. пед. ин-т. 1992. 116 с.

Сведения о материальной культуре эпохи Хань с иллюстрациями и пояснениями [汉代物质文化资料图说]. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2008. 641 с. (на кит. яз.).

Чжао Мин [昭明], *Хун Хай* [洪海]. Древние бронзовые зеркала [古代铜镜]. Пекин: Чжунго шудянь. 1997. 181 с. (на кит. яз.).

REFERENCE

- Ding Meng* [丁孟]. (2011). Golden rule to be known at the initial stage of collecting ancient mirrors [古代铜镜收藏入门不可不知的金律]. Jinan, Shandong meishu chubanshe, 190 p. (In Chin.)
- Leus P.M.* (2018). Chinese bronze mirrors from Ala-Tei and Terezin burial grounds in Tuva. In: Drevniye kul'tury Tsentral'noy Azii i Sankt-Peterburg: tez. Vtoroy Vserossiyskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Danilovicha Gracha, 10–14 dekabrya 2018. Saint Petersburg, pp. 104–110. (In Russ.)
- Li Xiemei* [李雪梅], *Syaо Bingyi* [晓冰一]. (1998). Bronze mirrors [铜镜]. Guiyang, Guizhou renmin chubanshe, 157 p. (In Chin.)
- Lubo-Lesnichenko E.I.* (1975). Mirrors of Minusinsk Hollow brought from offsite (revising the external relations of ancient inhabitants of Southern Siberia). Moscow, Nauka, 165 p. (In Russ.)
- (2008). Materials of the Han Dynasty material culture with comments, illustrated [汉代物质文化资料图说]. Shanghai, Guji chubanshe, 641 p. (In Chin.)
- Oborin Y.V.* (2018). Chinese bronze mirrors. A collection of prints. Krasnoyarsk, 161 p. URL: [academia.edu/37842690/Oborin_CHINESE_BRONZE_MIRRORS_A_COLLECTION_OF_PRINTS_pdf](https://www.academia.edu/37842690/Oborin_CHINESE_BRONZE_MIRRORS_A_COLLECTION_OF_PRINTS_pdf) (accessed: 01.02.2023). (In Russ.)
- Oborin Y.V., Savosin S.L.* (2017). Chinese bronze mirrors. A compendium of random findings. Krasnoyarsk, Moscow, 527 p. URL: https://www.academia.edu/31884315/Oborin_Savosin_CHINESE_BRONZE_MIRRORS_A_Compndium_of_Random_Findings_pdf (accessed: 01.02.2023). (In Russ.)
- Polosmak N.V.* (1987). Baraba in the early Iron Age. Novosibirsk, Nauka, 126 p. (In Russ.)
- Soyenov V.I., Ebel A.V.* (1992). Burial mounds of the Hun-Sarmatian period discovered in the Upper Katun River. Gorno-Altaysk, GAS-PI, 116 p. (In Russ.)
- Wang Chengyi* [王珍意]. (2011). Collection of the best mirrors of the Central plain [中原藏镜聚英]. Zhengzhou, Zhongzhou guji chubanshe, 247 p. (In Chin.)
- Wang Ganghuai* [王纲怀]. (2016). Collection of images of the Han Dynasty mirrors with encriptions [汉镜铭文图集]. Vol. 1. Shanghai, Zhongxi shuju., 325 p. (In Chin.)
- Zhao Ming* [昭明], *Hong Hai* [洪海]. (1997). Ancient bronze mirrors [古代铜镜]. Beijing, Zhongguo shudian, 181 p. (In Chin.)

Статья поступила в редакцию 14.10.2022

Дата рецензирования 01.02.2023

Статья принята к публикации 24.02.2023

DOI: 10.15372/HSS20230104

УДК 903.27+904(571)

С.В. АЛКИН

ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ ИЗ РАСКОПОК УСТЬ-ЧЕРНИНСКОГО ГОРОДИЩА В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17

Статья посвящена находкам астрагалов копытных животных, обнаруженных при раскопках средневекового укрепленного поселения у с. Усть-Черная на р. Шилка в Забайкальском крае (рубеж I – II тыс. н.э.). Специальная обработка астрагалов (подшлифовка, следы от металлургических режущих инструментов) свидетельствует о подготовке их к неутилитарному использованию. Зооархеологический анализ показал, что значительная часть астрагалов кабарги и косули была предметом специального поиска и сбора этих костей среди остатков павших зверей в окрестностях городища. Контекст обнаружения, значительное количество таких находок на этом и на других памятниках региона указывают на устойчивую традицию их использования, что подтверждается широким кругом аналогий в культурах тунгусоязычных и монголоязычных народов. Находки на р. Шилка расширяют источниковую базу для изучения основанных на бросании костей древних игральные и гадательных практик в восточносибирском и дальневосточном регионах.

Ключевые слова: Забайкалье, река Шилка, Средневековье, городище, жилище, культура мохе, астрагалы, игральные кости.

Для цитирования: Алкин С.В. Игральные кости из раскопок Усть-Чернинского городища в Забайкалье // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 32–40. DOI: 10.15372/HSS20230104.

S.V. ALKIN

DICE FROM THE EXCAVATIONS OF THE UST-CHERNAYA FORTRESS ON THE SHILKA RIVER IN THE TRANS-BAIKAL REGION

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentieva ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

This article concerns the findings of the astragalus of ungulate animals in the dwellings of a medieval fortified settlement near the village of Ust-Chernaya on the Shilka River in the Sretensky district of the Trans-Baikal region. The archaeological culture affiliation of the site is determined by the composition of the ceramics collection, in which the Troitsky-type ceramics of the Mohe culture is prominent. The material evidence collected at the research sites specifies the process of cultural and economic adaptation of the Troitsky Mohe in a new environment and also displays their interactions with the local population. At the same time, the archaeological collection from the Ust-Chernaya fortress provides an opportunity to study the spiritual culture of the Shilka River valley population. The traces of artificial processing on the astragalus surface (such as polish and carved marks) indicate their use for non-utilitarian purposes, namely in gaming practices. Zooarchaeological analysis showed that a significant part of musk deer and roe deer astragalus were purposely sought and collected among the other remains of fallen animals in the surrounding area of the settlement. The context of finding the astragalus (including a large cluster of astragalus in one of the dwellings) and a wide range of archaeological and ethnographic analogies indicate a stable tradition of playing the dice game in the region. This fact allows to admit the existence of opportunities for further study and reconstruction of the spiritual culture of the population of the Shilka group of settlements at the turn of the 1st and 2nd millennium AD. The findings on the Shilka River expand the source base for studying ancient play and divination practices based on throwing dice in Eastern Siberia and the Russian Far East.

Key words: Trans-Baikal Region, Shilka River, Middle Age, Fortress, Dwelling, Mohe Culture, Astragalus, Dice.

Работа выполнена по НИР: «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии (FWZG-2022-0004)».

Сергей Владимирович Алкин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: alkin-s@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6319-6448/>

Sergei V. Alkin – Candidate of Historical Sciences of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В составе Шилкинской группы средневековых городищ в Юго-Восточном Забайкалье центральное стратегически важное место занимает самое крупное из них, расположенное в районе с. Усть-Черная на левом берегу р. Шилки.

Впервые об Усть-Чернинском городище сообщили забайкальские краеведы – горный инженер А.Н. Баньщиков и казачий полковник П.П. Орлов. Очень кратко ими были отмечены лишь некоторые особенности этого археологического памятника: расположение его на поверхности высокой горы в отдалении от береговой линии, а также то, что в отличие от иных «городков», защитные сооружения здесь имеют два рва и вал между ними, примерно с семью десятками жилищ [З.Н., 1915, с. 90].

Специальное археологическое изучение этого района началось только через сорок лет. В конце июля 1954 г. отряд Дальневосточной археологической экспедиции ЛО ИИМК под руководством А.П. Окладникова работал несколько дней на Усть-Чернинском городище. Была расчищена одна небольшая по площади жилищная западина. Среди находок в заполнении и на уровне пола обнаружены нескольких астрагалов (альчиков) со следами подшлифовки, которые были определены как игральные кости [Окладников, Ларичев, 1999, с. 12].

Усть-Чернинское укрепленное поселение относится к городищам горного типа. Его фортификационная система незамкнутой П-образной в плане формы представляет собой двойной ров с тремя валами, которые защищают поселение с трех сторон. Южная сторона прилегает к крутому склону, являющемуся естественной защитой. На площади более 9 тыс. м² находится 100 западин от жилых и хозяйственных сооружений. Шесть из них были изучены в ходе исследований 2007–2011 гг. Это жилища с котлованом глубиной в среднем 0,5 м с остатками сгоревшей кровли и несущих каркасно-столбовых конструкций. Выявленные особенности архитектуры и внутреннего устройства свидетельствуют об использовании населением городища приемов жилищного строительства, широко известных в Приамурье на поселениях эпохи раннего Средневековья, ранее не встречавшихся на территории Забайкалья. Мы предполагаем, что это было связано с волной миграции тунгусоязычных мохэ (троицкая группа) с Амура [Алкин, 2019].

Наиболее репрезентативный материал для изучения духовной культуры средневекового времени в изучаемом регионе дают погребальные комплексы. Однако до сих пор в пределах Шилкинской группы городищ практически не исследовались одновременные им погребальные комплексы. Исключение представляет небольшой ритуальный комплекс Усть-Чер-

ная-2, в 300 м северо-западнее Усть-Чернинского городища, одновременный периоду функционирования городища и по своей организации имеющий прямые аналогии в материалах мохэского Троицкого могильника в Западном Приамурье [Ахметов, Алкин, 2012].

Другой перспективный памятник этого типа найден в 33 км ниже устья р. Черной вниз по течению от с. Горбица. Это могильник Сивачи-2, где в 2021 г. было зафиксировано 54 западины диаметром от 1 до 4 м и глубиной 10–40 см. Все они овальной или подпрямоугольно-овальной в плане формы. На первый взгляд, западины распределены по террасе бессистемно, однако в расположении некоторых из них прослеживается определенная упорядоченность, угадывается линейное построение. Визуально выделено три участка концентрации западин: северо-западный (12), центральный (8) и восточный (34) [Ахметов, 2022]. Внешний вид этих западин имеет полную аналогию с западинами могил троицкой группы мохэской культуры в Западном Приамурье, а также с западинами ритуального комплекса Усть-Черная-2 [Деревянко А.П. и др., 2008].

Это делает особо актуальным анализ той части археологической коллекции с Усть-Чернинского городища, которая дает возможности для реконструкции элементов духовной культуры. Значительным исследовательским потенциалом обладают астрагалы, во множестве обнаруженные как на Усть-Чернинском городище, так и на других памятниках Шилкинской группы укрепленных городищ, которые традиционно трактуются археологами, прежде всего, как принадлежности игровых практик.

ПЛАНИГРАФИЯ НАХОДОК АСТРАГАЛОВ УСТЬ-ЧЕРНИНСКОГО ГОРОДИЩА

В распространении астрагалов в культурном слое жилищно-хозяйственного комплекса Усть-Чернинского городища прослеживаются три варианта: наборы или отдельные астрагалы в жилищах, отдельные находки на уровне средневековой дневной поверхности в межжилищном пространстве, а также на склоне, ограничивающем поселение с юга.

Первая представительная группа астрагалов обнаружена при раскопках жилища № 61. Находки в нем сконцентрированы в основном у стенок котлована и под остатками нар. Это фрагменты неорнаментированной керамики, керамическая льячка, каменные плитки со следами утилизации, фрагменты пластинчатых железных изделий, артефакты из кости, рога и др. У основания заполнения жилища в двух смежных квадратах обнаружено скопление из 14 астрагалов, среди которых имеются изделия с подтеской и резными знаками. Отдельные находки астрагалов собраны на бортиках западины [Алкин и др., 2007].

Рис. 1. Усть-Чернинское городище, жилище № 62.

Fig. 1. Ust-Chernaya fortress, dwelling no. 62.

Самое большое количество астрагалов найдено при изучении жилищной конструкции № 62. Находки внутри жилища сконцентрированы у стенок и под нарами. Среди них представлены фрагменты керамики, керамическая льячка, каменные плитки со следами утилизации, орудия труда, украшения из кости и рога, фрагменты железных пластинчатых изделий и костяные наконечники стрел. Обращает на себя внимание набор из 124 астрагалов, большая часть из которых обнаружена в юго-восточном углу котлована. Причем четыре из них подрезаны с широких сторон и имеют просверленные сквозные отверстия. Установлено, что весь набор находился в своеобразном тайнике. Ниша для него была выбрана в стенке угла жилища, имеет овальную форму. Ее длина 50 см, ширина 20, высота 12–14 см [Алкин и др., 2008, с. 119–120].

Несколько астрагалов обнаружено при раскопках жилища № 76 – одного из самых крупных на городище [Алкин, Нестеренко, 2010]. Особенностью этого жилища является наличие уникального сочетания двух теплотехнических устройств: печи со сво-

дом и дополнительного открытого углубленного очага. Как и в других жилищах Усть-Чернинского городища, находок на полу котлована собрано немного, а зона их концентрации приурочена к пространству под нарами, где наряду с фрагментами керамики и железных изделий, костяными наконечниками стрел обнаружены и единичные астрагалы. Под нарами вдоль западной, северной и восточной стенок жилищ имелось небольшое скопление (5 экз.) астрагалов в жилище № 66 и 3 отдельные находки в жилище № 65 [Алкин и др., 2011].

ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АСТРАГАЛОВ

Зоологическое определение фаунистических остатков из коллекции разведки ДВАЭ 1954 г., из материалов раскопок Усть-Чернинского городища и некоторых других объектов археологического наследия в среднем течении р. Шилки проведено канд. биол. наук, старшим научным сотрудником ИАЭТ СО РАН С.К. Васильевым. Всего было проанализировано око-

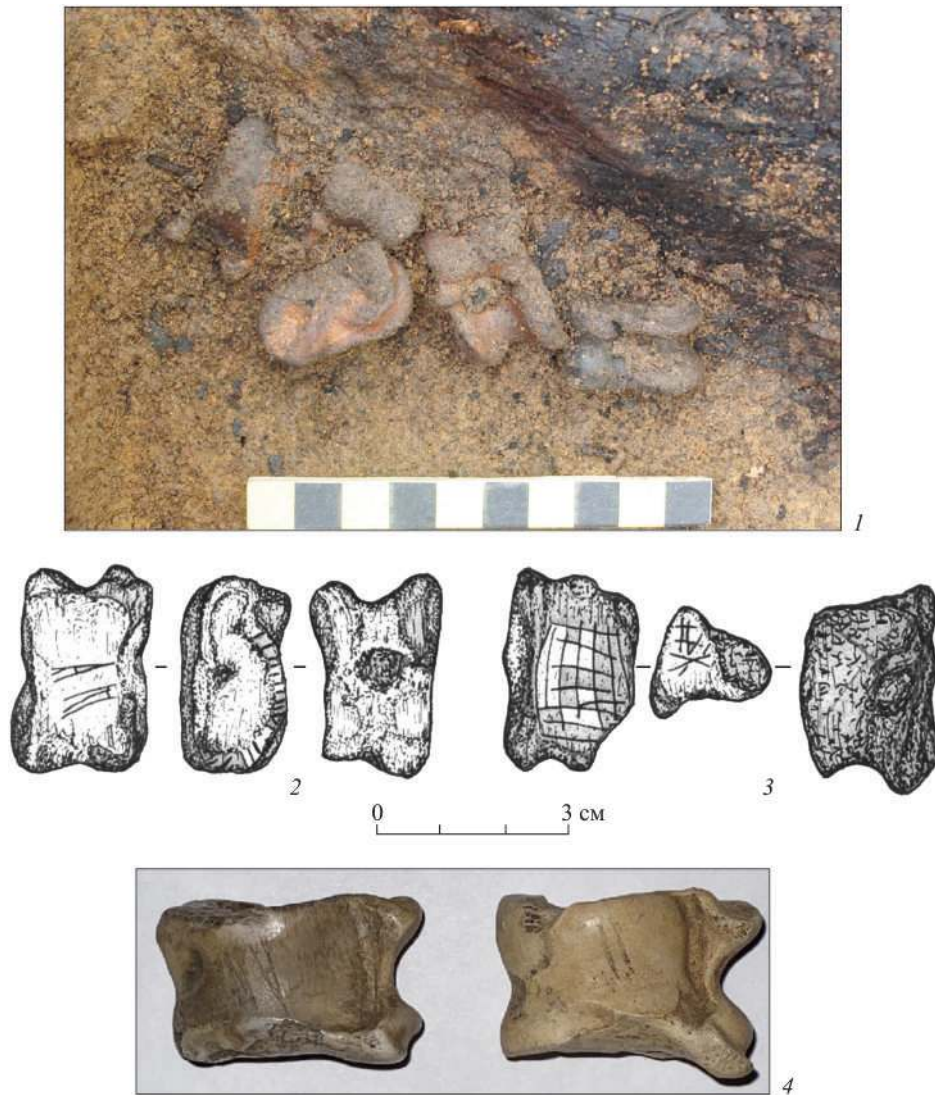

Рис. 2. Усть-Чернинское городище.

1 – скопление астрагалов в жилище № 65, 2–4 – астрагалы из жилища № 61.

Fig. 2. Ust-Chernaya fortress.

1 – accumulation of astragalus in dwelling No. 65, 2–4 – astragalus from dwelling, no. 61.

ло 2 тыс. костных остатков. Для Усть-Чернинского городища установлена принадлежность определенных из них: к 8 видам диких и 7 видам домашних животных. Кости домашних млекопитающих (коза, овца, корова, лошадь, свинья и др.), как правило, сильно фрагментированы и обожжены, что определяет их как кухонные отходы. А вот многочисленные остатки охотничье-промысловой фауны представлены целыми костями, и это почти исключительно астрагалы. Среди остатков косули (*Capreolus pygargus* Pallas, 1779) преобладают таранные кости (астрагалы) – более 80 %, а кабарги (*Moschus moschiferus* L., 1758) – 100 % [Васильев, Алкин, 2017, с. 153, 160].

При этом десятая часть астрагалов названных животных несет на своей поверхности глубокие следы погрызов зубов полевок, это позволяет предположить, что данные образцы костей были добыты не в результате охоты, а подняты в окрестностях поселения в ходе преднамеренного поиска этих костей, например, среди остатков павших зверей [Там же, с. 156]. Заметим, что кости с погрызами включены в наборы с астрагалами, которые несут на себе следы искусственной модификации. Очевидно, такое «коллекционирование» должно было иметь причину.

В представительной серии костей косули (61) подавляющее число (51) относится к астрагалам (24 ле-

вых и 27 правых). Значительная часть из них имеет следы обработки в виде подтески и подшлифовки. В 7 случаях кости обработаны с медиальной стороны, в 3 – с латеральной, с наружной и внутренней поверхности – в 9 и 2 случаях соответственно. Подобная модификация астрагала, а также наличие на некоторых из них резных знаков в виде крестообразных, параллельных, пересекающихся линий, нанесенных с помощью режущих металлических инструментов, указывают на подготовку астрагалов к использованию в игральным или ритуальным практикам [Там же, с. 155, 162]. Сами знаки могли быть свидетельством обозначения достоинства кости или же обозначать астрагал, используемый в качестве битка.

Астрагалами представлены все костные остатки кабарги из раскопок Усть-Чернинского городища (22 – левые и 29 – правые). Аналогично случаю с косулей астрагалы кабарги целенаправленно собирались жителями поселения. Один из астрагалов кабарги тоже имеет подработку с медиальной стороны вплоть до образования гладкой площадки.

На поселении встречаются и таранные кости свиньи (*Sus scrofa domestica*). Они составляют треть от числа всех находок костей указанного животного. Это наиболее массово представленный элемент скелета, размеры костей указывают на принадлежность остатков к домашней форме свиньи. Астрагалы свиньи, по-видимому, также намеренно отбирались. Во всяком случае, один из них имеет искусственно уплощенные площадки и с медиальной, и с латеральной стороны [Там же, с. 153].

Фаунистическая коллекция Усть-Чернинского городища содержит 12 таранных костей козы-овцы (*Capra et Ovis*). Но ни на одной из них нет следов искусственной обработки. Очевидно, угловатая конфигурация астрагалов коз, с выступающим отростком латерального гребня верхнего конца, делала их наименее подходящими для использования в качестве игральным костей [Там же, с. 154].

Среди костей промысловых и домашних животных сходного размерного класса присутствуют все основные элементы скелета, представляющие типичный набор кухонных остатков. Полное отсутствие других элементов скелета кабарги и косули позволяет предположить, что их мясо по каким-то соображениям не употреблялось в пищу древними жителями городища, а наличие в культурном слое памятника астрагалов не связано напрямую с охотничьей деятельностью. Впрочем, следы погрызов полевок на поверхности астрагалов не обязательно связаны с особенностями коллекционной добычи их в окрестностях поселения после экспонирования остатков павших зверей. Такие погрызы могли появиться в связи с тем, что мешочки с наборами игральным кос-

тей прятали в мышинных норах и (или) полевки оставляли погрызы в процессе устройстве своих подземных ходов.

Принадлежность кабарге определена С.К. Васильевым для астрагала из раскопок жилища поселения Сивачи-1 (см.: [Ахметов, Алкин, 2015]). Астрагалы косули, в том числе со следами обработки, имеются в материалах ряда памятников, обнаруженных в ходе разведки ДВАЭ 1954 г. [Вальченко, 2020]. Известно о находках астрагалов при раскопках средневековых жилищ городища Проезжая-1, которое изучалось под руководством Е.В. Ковычева в 2007–2008 гг. Памятник открыт в 1954 г. экспедицией А.П. Окладникова в пади Кантога (Проезжая) на правом берегу р. Шилки в 3 км ниже с. Усть-Черное. К сожалению, видовая принадлежность астрагалов точно не указана. Но для изученного жилища № 28 отмечена находка набора (количество неизвестно) астрагалов в берестяном пакете [Ковычев и др., 2018, с. 90–91].

АСТРАГАЛЫ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ИНВЕНТАРЯ

Таранные (пястные) кости животных, в зоологии и культурологии известны также как астрагалы или альчики, являются важной категорией археологических артефактов, которая может быть источником для изучения игровых и гадательных практик, погребального обряда и т.п. Существует длительная традиция изучения находок таких артефактов на территории Евразии, прежде всего, в археологии степных и лесостепных районов – от Восточной Европы до Западной Сибири. Наибольшее число астрагалов из археологических комплексов Евразии относится к раннему и развитому бронзовому веку [Молодин, Ефремова, 1998; Сотникова, 2014; Усачук, Панасюк, 2014; Епимахов, Берсенева, 2015; Стефанов и др., 2016; Подобед, 2019]. В отличие от степной и лесостепной Евразии, для Восточной Сибири, районов Дальнего Востока России и сопредельных территорий находки астрагалов не частые и пока редко подвергались специальному изучению.

Априори считается, что астрагалы (альчики), если они специально модифицированы и (или) несут на себе резные знаки, были принадлежностями игры в кости. Тем не менее, вопрос назначении альчиков нередко вызывал споры. Диапазон мнений об их использовании широк – от принадлежностей в играх или в гадательных практиках до амулетов и оберегов. Полагаем, только археологический контекст находки астрагала поможет сузить сферу его вероятного функционирования в древней или средневековой культурах. Очевидно, что наборы астрагалов, скорее всего, имели отношение к разным вариантам игры с

бросанием костей. В то же время отмечено, что астрагалы в погребальном обряде, особенно при захоронении ребенка, приобретали ярко выраженный сакральный статус [Сотникова, 2014, с. 32].

Благодаря тому, что этнографами собран значительный материал по играм с астрагалами у народов Центральной Азии, Сибири (особенно Саяно-Алтая) и Дальнего Востока, имеется возможность сопоставить археологические находки с этнографическими материалами. Поэтому уже первые находки (альчиков с отшлифованными плоскостями [Окладников, Ларичев, 1999, с. 13]) на Усть-Чернинском городище в 1954 г. были однозначно определены как принадлежности для игры в кости, так же они трактовались и в дальнейшем [Дервянко Е.И., 1972, с. 84]. В ходе сплава экспедиции А.П. Окладникова вниз по Шилке и Амуру подобные находки встречались в подъемном материале, и они тоже определялись как игральные кости. Некоторые из них имели не только подшлифованные поверхности, но и резные или наколотые точечными вдавлениями знаки [Окладников, Ларичев, 1999, с. 24].

На сегодняшний день количество астрагалов из нескольких жилищ Усть-Чернинского городища в десятки раз превосходит данные об их находках в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях.

Астрагалы известны на памятниках бохайской культуры в Приморье. Это важно отметить, поскольку она генетически связана с троицкой группой (*сумо мохэ* китайских хроник) мохэской культуры, носители которой являются мигрантами-создателями системы укрепленных городищ на р. Шилке. Среди костяных предметов в коллекции селища Константиновское-1 имеются астрагалы домашних и диких животных, которые, по мнению исследователей, использовались не только как принадлежности игровых практик, но и (астрагалы со сквозными отверстиями) как амулеты или нэцке [Лещенко Болдин, 1990, с. 66; Лещенко, 2010 с. 51–52]. Уникальной является находка астрагала косули в бохайском слое поселения Чернятино-2, на котором вырезан орнамент [Асташенкова, 2003, с. 13]. В обзоре по находкам костных остатков на памятниках северных районов Бохая в Китае (бассейн р. Амур) отмечено, что хотя овцеводство в этом районе не было развито, тем не менее на городище Синнун в округе Хайлинь обнаружено 6 астрагалов (овцы или косули?) с искусственной подработкой, что указывает на их использование в игровых практиках [Стоякин, 2020, с. 181].

При интерпретации находок игровых астрагалов в мохэской и бохайской культурах необходимо учитывать традиции игр с бросанием костей у народов изучаемого региона в этнографический период.

Широко известны игры с использованием астрагалов баранов (*шагай*) у бурят Забайкалья и у монголов [Жуковская, 1988, с. 56–57]. Подробно описано значение *шагая* как принадлежности не только игры, но и гадания [Скородумова, Соловьева, 2014, с. 59–60]. Множество вариантов игры с астрагалами изучено у народов Дальнего Востока [Прокопенко В.И., Прокопенко В.В., 2011]. Менее известны игры в кости эвенков, но некоторые сведения все же об этом в литературе имеются. Для игры использовались астрагалы *аю* [Эвенки Приамурья, 2012, с. 315]. Вероятно, правила игры с астрагалами у бурят и монголов близки играм в альчики *сака* баранов и косули у дауров [Цыбенков, 2012, с. 175]. Кости от суставов ног диких оленей в качестве амулетов хранили эвены-охотники [Сирина, 2012, с. 542]. В вариантах детских игр с астрагалами в Восточной Сибири, собранных Г.С. Виноградовым, просматривается не только русская традиция, но и элементы ее взаимодействия с играми аборигенного населения [2019, с. 619–641].

В связи с массовым обнаружением астрагалов косули и кабарги на Усть-Чернинском городище обратим внимание на один сюжет в дискуссии об этнокультурной принадлежности населения городищ на Шилке. Несогласие с точкой зрения о мохэской миграции Е.В. Ковычев обосновывает, прежде всего, материалами изучавшегося им памятника Проезжая-1. В качестве одного из важных свидетельств самобытности культуры, присущей племенам бассейна р. Шилки, он отмечает, что в отличие от мохэских памятников Приамурья, где обычно встречаются лошадиные бабки (астрагалы), на Шилкинских городищах распространены астрагалы баранов. А это, по мнению исследователя, в совокупности с другими аргументами свидетельствует в пользу отнесения населения к шивэйскому (монголоязычному) этническому типу [Ковычев, 2009, с. 176].

Однако лошадиные бабки широко представлены и в фаунистических коллекциях с восточнозбайкальских памятников. Их упоминали в своих заметках краеведы П.П. Орлов и А.Н. Баньщиков. Они присутствуют в и коллекции Усть-Чернинского городища.

Действительно, орнаментированные лошадиные бабки широко представлены на мохэских памятниках Западного Приамурья. Они известны на поселенческих памятниках (Осиновое Озеро, у с. Черемхово) [Дервянко, 1975, с. 46, 134]. Их немало в фаунистической коллекции Троицкого могильника (20), но там также присутствуют астрагалы косули и свиньи (определения С.К. Васильева материалов из раскопок 1969–2007 гг. [2008]).

Астрагалы крупного рогатого скота, начиная с бронзового века и до Средневековья, в разных культурах степной и лесостепной Евразии, включая регио-

ны Восточной Сибири и Дальнего Востока, использовались, прежде всего, как сырье для изготовления такого рода предметов. Например, в этом качестве они широко представлены в культуре хунну Монголии и Забайкалья [Руденко, 1962, с. 52; Коновалов, 1976, с. 72, 86]. Однако известны они и как принадлежности обрядовых практик. Причем знаковая нагрузка могла зависеть от многих факторов. Наиболее часто такие астрагалы выступали в качестве своеобразного вместилища души [Деревянко Е.И., 1975, с. 178–179]. В этнографии тунгусов астрагалы крупного скота использовались в подражательных детских играх, бабки «без одежды» изображали животных, «в одежде» – людей [Василевич, 1969, с. 174]. Допустимо предположить, что преобладание астрагалов лошадей и свиней в Троицком могильнике определялось, прежде всего, сакральным статусом лошадиных астрагалов с нанесенными на них изображениями, а также тем, что в мохэском погребальном обряде в основном использовались части скелета лошади и свиньи [Деревянко Е.И., 1975, с. 180–182]. Контекст обнаружения известных на сегодня лошадиных бабок в жилищах на Шилке, видимо, иной.

ВЫВОДЫ

Коллекция астрагалов косули и кабарги и некоторые другие артефакты, обнаруженные при раскопках средневекового укрепленного поселения у с. Усть-Черная на р. Шилке в Забайкальском крае, значительно расширили восточносибирскую и дальневосточную источниковую базу для изучения древних игральные и гадательные практик, основанных на бросании костей. Специальная обработка астрагалов с очевидностью свидетельствует об их связи с некоторыми сторонами духовной культуры средневекового населения бассейна р. Шилки, источников для изучения которой до сих пор недостаточно, а актуальность этого направления исследований очевидна.

Анализ контекста обнаружения астрагалов, в том числе крупного их набора в одном из жилищ, а также широкий круг археологических и этнографических аналогий позволяет прийти к выводу о возможности археологической реконструкции игральные практик у населения Шилкинской системы городищ рубежа I и II тыс. н.э. Значительное количество находок обработанных астрагалов, аналоги на близких культурно и хронологически памятниках Приамурья и Приамурья указывают на устойчивую традицию игры в кости в регионе.

География распространения археологических находок, которые могут быть связаны с игрой в кости с использованием астрагалов, поможет изучению генетических связей и контактов археологических культур изучаемого региона, уточнению хронологии

этого обычая. Реконструкция сценариев игры, возможно, позволит определить обряды или гадательные практики, с которыми связано появление самой игры, которая к этнографической современности у народов региона стала детской, сохраняя одновременно изначальную семантическую составляющую.

Дальнейшим направлением исследования может быть реконструкция вариантов игр с астрагалами у населения Шилкинских городищ. Основой для этого служат количественные характеристики наборов астрагалов из археологических комплексов, а также сведения о сценариях игры у тунгусо- и монголоязычных этносов Восточной Сибири, российского Дальнего Востока и сопредельных территорий Монголии и Северо-Восточного Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алкин С.В. Результаты изучения средневековых городищ на реке Шилка в Юго-Восточном Забайкалье // Первые Аносовские чтения. М.: Изд-во «Перо», 2019. С. 105–112.
- Алкин С.В., Нестеренко В.В. Работы на Усть-Чернинском городище в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 138–144.
- Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К. Работы на Усть-Чернинском городище в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 127–130.
- Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К. Исследования на городище Усть-Черная в Сретенском районе Читинской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 168–172.
- Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К., Мороз П.В. Полевые исследования в Сретенском районе Забайкальского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 116–121.
- Астащенко Е.В. Орнаментированный алыч из поселения Черятино-2 // Россия и АТР. 2003. № 3. С. 12–16.
- Ахметов В.В. Отчет об археологической разведке в долине р. Шилка от устья р. Унекача до устья р. Сивачи в Сретенском районе Забайкальского края в 2021 году // Архив ИАЭТ СО РАН.
- Ахметов В.В., Алкин С.В. Разведочные работы в районе Усть-Чернинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 160–163.
- Ахметов В.В., Алкин С.В. Укрепленное поселение Сивачи в составе Шилкинской системы средневековых городищ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 189–192.
- Вальченко В.Е. Зооархеологическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 г. с реки Шилка // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 198–199.
- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVII–начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Васильев С.К. Фаунистические остатки из Троицкого могильника // Материалы и исследования российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэдзон:

Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. Вып. 1. Ч. 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 году. С. 179–182.

Васильев С.К., Алкин С.В. Фаунистические остатки из средневекового Усть-Чернинского городища в Юго-Восточном Забайкалье // *Universum Humanitarium*. 2017. № 2 (5). С. 150–162.

Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Вост. лит., 2009. 894 с.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хен У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. Вып. 1. Ч. 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 году. 218 с.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья и Забайкалья // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита: ЧГПИ, 1972. С. 81–89.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 252 с.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Homo Ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки) // *Вестн. КемГУ*. 2015. №2–6 (62). С. 24–28.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Глав. ред. вост. лит. 1988. 200 с.

З.Н. Древние «городки» // *Вестн. Азии*. Харбин, 1915. Кн. III–IV. № 35–36. С. 89–91.

Ковычев Е.В. О некоторых знаковых аспектах изучения Шилкинских городищ // *Социогенез в Северной Азии*. Иркутск: Изд-во Ир. ГТУ, 2009. С. 170–177.

Ковычев Е.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н. Шивэйское городище Проезжая-1 на реке Шилке // *Изв. Лаборатории древних технологий*. 2018. № 4. С. 78–102.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 218 с.

Леценко Н.В. Обработка кости на Константиновском-1 селище в Приморье // *Россия и АТР*. 2010. № 1. С. 46–55.

Леценко Н.В., Болдин В.И. Изделия из кости и рога с бохайских памятников Приморья // *Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР*. Владивосток: Б.и. 1990, с. 60–69.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 300–309.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 г. // *Традиционная культура востока Азии*. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. Вып. 2. С. 4–29.

Подобед В., Усачук А., Цимиданов В. Таранные кости крупнорогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // *Теория и практика археологических исследований*. 2019. № 2 (10). С. 31–56.

Прокопенко В.И., Прокопенко В.В. Игры коренных народов Северного Приамурья и Сахалина. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2011. 328 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 208 с.

Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012. 604 с.

Скородумова Л.Г., Соловьева А.А. Кости в монгольских обрядах и поверьях: предварительные материалы // *Mongolica-XIII*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 52–64.

Сотникова С.В. Дестские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. 2014. № 2 (25). С. 26–34.

Стефанов В.И., Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П., Коряков И.О. Эволюция древней игры в кости: источники позднего бронзового века // *Stratum plus*. 2016. № 2. С. 235–253.

Стоякин М.А. Остатки животных с бохайских памятников в Китае: использование животных в повседневной жизни и погребальной практике // *Россия и АТР*. 2020. № 4. С. 175–187.

Усачук А.Н., Панасюк Н.В. Некоторые аспекты использования астрагалов в погребальном обряде эпохи ранней и средней бронзы // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Всеобщая история*. 2014. № 4. С. 34–46.

Цыбенко Б.Д. История и культура дауров Китая. Улан-Удэ: Изд-во Вос. Сиб. гос. ун-та технологий и управления, 2012. 252 с.

Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. Благовещенск: РИО, 2012. 383 с.

REFERENCES

Akhmetov V.V. Report on archaeological exploration in the valley of the Shilka river from the estuary of Unekacha river to the estuary of the Sivachi river in the Sretensky district of the Trans-Baikal region in 2021 // *Archive of the IAET SB RAS*.

Akhmetov V.V. Alkin S.V. (2012). Exploration Work in the Area of Ust-Cherninsk Fortress. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. XVIII, pp.160–163. (In Russ.)

Akhmetov V.V. Alkin S.V. (2015). The Fortified Settlement of Sivachi as Part of the Shilka System of Medieval Settlements. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. XXI, pp. 189–192. (In Russ.)

Alkin S.V. (2019). The Results of the Study of Medieval Settlements on the Shilka River in the South-Eastern Transbaikalia. *Pervye Anosovskie chteniya*. Moscow, pp. 105–112. (In Russ.)

Alkin S.V., Nesterenko V.V. (2010). Works on the Ust-Cherninsk Fortress in 2010. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. XVI, pp. 138–144. (In Russ.)

Alkin S.V., Nesterenko V.V., Kolosov V.K. (2011). Works at the Ust-Cherninsk Settlement in 2011. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. XVII, pp. 127–130. (In Russ.)

Alkin S.V., Nesterenko V.V., Kolosov V.K., Moroz P.V. (2008). Field Research in the Sretensky District of the Trans-Baikal Territory. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. XIV, pp. 116–121. (In Russ.)

Alkin S.V., Nesterenko V.V., Vasiliev S.G., Kolosov V.K. (2007). Research at the Settlement of Ust-Chernaya in the Sretensky District of the Chita Region. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. XIII, pp. 168–172. (In Russ.)

Astashenkova E.V. (2003). Ornamented Alchik from the Settlement of Chernyatino-2. *Rossiya i ATR*. No. 3, pp.12–16. (In Russ.)

Valchenko V.E. (2020). Zooarchaeological Collection of the Far Eastern Archaeological Expedition in 1954 from the Shilka River. *Materialy LX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchennykh s mezhdunarodnym uchastiem*. Irkutsk, pp. 198–199. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (1969). Evenki. Historical and Ethnographic Essays (XVII – Early XX Century). Leningrad, 304 p. (In Russ.)

Vasiliev S.K. (2008). Faunistic Remains from the Troitskiy Burial Ground. In: *Materials and Research of the Russian-Korean Archaeological Expedition in the Western Amur Region*. Daejeon, vol. 1, pt. 1: Excavations of the Early Medieval Troitskiy Burial Ground in 2007, pp. 179–182. (In Russ.)

Vasiliev S.K., Alkin S.V. (2017). Faunistic Remains from the Medieval Ust-Cherninsk Settlement in South-Eastern Transbaikalia. *Universum Humanitarium*. No. 2 (5), pp. 150–162. (In Russ.)

Vinogradov G.S. (2009). Ethnography of Childhood and Russian Folk Culture in Siberia. Moscow, 894 p. (In Russ.)

Derevianko A.P., Kim Bon Gun, Nesterov S.P., Choi Man Sik, Hong Hyun Woo, Alkin S.V., Subbotina A.L., Yu Eun Sik (2008). Materials and Research of the Russian-Korean Archaeological Expedition in

the Western Amur Region. Daejeon, vol. 1, pt. 1: Excavations of the Early Medieval Troitskiy Burial Ground in 2007, 218 p. (In Russ.)

Derevyanko E.I. (1972). Tribes of the Amur and Transbaikalia. In: *50 let osvobodzheniya Zabaikal'ya ot belogvardeitsev i inostrannykh interventov*. Chita, pp. 81–89 (In Russ.)

Derevyanko E.I. (1975). Mohe Sites of the Middle Amur. Novosibirsk, 1975, 252 p. (In Russ.)

Epimakhov A.V., Berseneva N.A. (2015). Homo Ludens of the Bronze Age of the Southern Urals (Games and Toys). *Vestnik KemGU*. No. 2–6 (62), pp. 24–28. (In Russ.)

Zhukovskaya N.L. (1988). Categories and Symbols of the Traditional Culture of the Mongols. Moscow, 200 p. (In Russ.)

Z.N. (1915). Ancient "Towns". *Vestnik Azii*. Kharbin. Book III–IV. № 35–36, pp. 89–91. (In Russ.)

Kovychev E.V. (2009). On Some Significant Aspects of the Study of the Shilkinskiy Settlements. In: *Sotsiogenez v Severnoy Azii*. Irkutsk, pp. 170–177. (In Russ.)

Kovychev E.V., Kharinskiy A.V., Kradin N.N. (2018). Shivei Hill Fort Proezzhaya-1 on the Shilka River. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. No. 4, pp. 78–102. (In Russ.)

Konovalov P.B. (1976). Xiongnu in Transbaikalia. Ulan-Ude, 218 p. (In Russ.)

Leshchenko N.V. (2010). Bone Processing at the Konstantinovskiy-1 Settlement in Primorye. *Rossiya i ATR*. No. 1, pp. 46–55. (In Russ.)

Leshchenko N.V., Boldin V.I. (1990). Products Made of Bone and Horn from the Bohai Sites of Primorye. *Materialy po srednevekovoy arkheologii i istorii Dal'nego Vostoka SSSR. Vladivostok*, pp. 60–69. (In Russ.)

Molodin V.I., Efremova N.S. (1998). Collection of Astragals of the Kucherla-1 Sanctuary. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nykh territoriy*, Novosibirsk, vol. IV, pp. 300–309. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Larichev V.E. (1999). Archaeological Research in the Amur Basin in 1954. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk, vol. 2, pp. 4–29. (In Russ.)

Podobed V., Usachuk A., Tsimidanov V. (2019). Talus Bones of Cattle in the Cultures of the Bronze Age of the Steppe and Forest-steppe Eurasia. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. No. 2 (10), pp. 31–56. (In Russ.)

Prokopenko V.I., Prokopenko V.V. (2011). Games of the Indigenous Peoples of the Northern Amur Region and Sakhalin. *Yekaterinburg*, 328 p. (In Russ.)

Rudenko S.I. (1962). The Culture of the Xiongnu and the Noynulinsky Kurgans. Moscow, Leningrad, 208 p. (In Russ.)

Sirina A.A. (2012). Evenks and Evens in the Modern World: Self-awareness, Nature Management, Worldview. Moscow, 604 p. (In Russ.)

Skorodumova L.G., Solovieva A.A. (2014). Bones in Mongolian Rituals and Beliefs: Preliminary Materials. In: *Mongolica-XIII*. Saint Petersburg, pp. 52–64. (In Russ.)

Sotnikova S.V. (2014). Children's Burials with Sets of Alchik's and the Role of Play in the Societies of the Steppe Population of the Bronze Age. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. No. 2 (25), pp. 26–34. (In Russ.)

Stefanov V.I., Kuzminykh S.V., Chemyakin Yu.P., Koryakov I.O. (2016). Evolution of the Ancient Game of Dice: Sources of the Late Bronze Age. *Stratum plus*. No. 2, pp. 235–253. (In Russ.)

Stoyakin M.A. (2020). Animal remains from the Bohai sites in China: the Use of Animals in Everyday Life and Burial Practice. *Rossiya i ATR*, No. 4, pp. 175–187. (In Russ.)

Usachuk A.N., Panasyuk N.V. (2014). Some Aspects of the Use of Astragalus in the Funeral Rite of the Early and Middle Bronze Age. *Vestnik RUDN. Ser. Vseobshchaya istoriya*. No. 4, pp. 34–46. (In Russ.)

Tsybenov B.D. (2012). History and Culture of the Daurs of China. Ulan-Ude, 252 p. (In Russ.)

Zabiyako, A.P. (Eds.) (2012). Evenki of the Amur Region: Deer Path of History and Culture. Blagoveshchensk, 383 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2023

Дата рецензирования 27.02.2023

Статья принята к публикации 28.02.2023

DOI: 10.15372/HSS20230105
УДК 902(571)

С.В. КОВАЛЕНКО

АРЕАЛ ОСИНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области,
РФ, 675000, г. Благовещенск, пер. Уралова, 5/2

В статье рассматривается распространение памятников осиноозерской позднелевосторонней культуры на территории Западного Приамурья (современной Амурской области) в контексте разнообразия физико-географических условий региона. Хронологические рамки существования культуры определены 3338–1452 гг. до н.э. (5360–3474 л.н.), что соответствует концу атлантического, наиболее теплого и влажного климатического периода голоцена с его температурным оптимумом и первой половине суббореального периода, который характеризуется похолоданием и несколько менее благоприятными природными условиями. Рассматривается картография культуры и дается краткая характеристика хозяйственно-культурного типа населения, проживавшего на данной территории в период позднего неолита. Палеоэкономика носителей этой культуры основывалась на охоте, рыболовстве и собирательстве, возможно, имелись зачатки земледелия. В целом хозяйство носило присваивающий характер.

Ключевые слова: Амурская область, осиноозерская культура, картография, хронология, средний голоцен, хозяйственно-культурный тип.

Для цитирования: Коваленко С.В. Ареал осиноозерской культуры в контексте физико-географических условий Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 41–50. DOI: 10.15372/HSS20230105.

S.V. KOVALENKO

THE OSINOOZERSK CULTURE AREA IN THE CONTEXT OF PHYSIO-GEOGRAPHY CONDITION OF WESTERN AMUR REGION

Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region,
5/2, Uralova lane, Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation

In 1961, during work in the Konstantinovskiy District of Amur Region, A.P. Okladnikov found a large archaeological object with a Neolithic layer on the Osinovo Lake shore. This site's discovery served as the beginning of studying the identified new Late Neolithic Osinoozersk archaeological culture in western Amur Region. At this stage of the study, the most important task is to generalize and analyze the totality of available information on regional chronology, physiographic and climatic conditions, as well as economic and cultural type. Mapping cultural monuments has shown that its bearers settled along banks of the Amur and Zeya Rivers and their tributaries, practically throughout the entire flat territory of the western Amur Region, and in the taiga zone of the region. The culture artefacts were found in more than two dozen settlements and sites known to date. The samples obtained at three sites for radiocarbon dating, represented by ten dates, made it possible to determine the chronological framework for the culture existence as 3338–1452 BC (5360–3474 years ago). The time of culture existence for 1900 years corresponds to the late Atlantic period of the Holocene, with the warmest and most humid climate and temperature optimum, and the first half of the Subboreal period characterized by cooling and less favorable natural conditions. The population of the Osinoozersk culture was sedentary. They lived in valleys of the Amur and Zeya River basins, which are highly productive areas of the region due to the richness, diversity of resources and the presence of running fresh water. The main vegetation of that period was broad-leaved and coniferous forests. The paleo-economy of the Osinoozersk culture bearers, in conditions of adaptation to the environment, was based on hunting, fishing, and gathering of aboveground plants; some artifacts suggested the presence of the agriculture beginnings.

Key words: Amur Region, Osinoozersk culture, cartography, chronology, Mid Holocene, economic and cultural type.

Станислав Викторович Коваленко – начальник археологического отдела, Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, e-mail: stas-kov7@yandex.ru. <http://orcid.org/0000-0003-0840-2920>.

Stanislav V. Kovalenko – Head of the Archeological Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region.

ВВЕДЕНИЕ

Открытие А.П. Окладниковым в 1961 г. в Константиновском районе Амурской области на берегу оз. Осинового крупного археологического объекта – поселения со слоем неолитического времени послужило началом изучения новой неолитической культуры на территории Западного Приамурья (рис. 1, 3). В 1962 и в 1965 гг. на поселении было раскопано несколько жилищ, получен обширный материал для характеристики культуры проживавшего здесь населения в эпоху позднего неолита. Жилища были полуподземного типа округлой формы, с небольшими рабочими площадками для производства ретушированных и шлифованных каменных орудий труда, также найдены остатки керамических плоскодонных сосудов, украшенных рассеченными налепными валиками (рис. 2). По результатам проведенных исследований была выделена поздненеолитическая осиноозерская культура (первоначальное наименование –

войковская), носители которой вели оседлый образ жизни, проживали на данной территории в III–II тыс. до н.э. Занимались в основном охотой, рыболовством и собирательством. На основании найденного в заполнении жилищ значительного числа пестов и зернотерок, а также зерен проса, обнаруженных в очажном заполнении одного из жилищ, был сделан вывод о появлении здесь земледелия [Окладников и др., 1971; Окладников, Деревянко, 1973]. Несмотря на то, что в последнее десятилетие археологами изучены новые памятники, существенно расширившие источниковую базу осиноозерской культуры, она остается наименее изученной среди неолитических культур региона, а вопрос о появлении земледелия является дискуссионным и требует дополнительных данных. В настоящее время одной из важнейших задач является анализ и обобщение всей имеющейся информации по ее хронологии, физико-географическим и климатическим условиям региона, хозяйственно-куль-

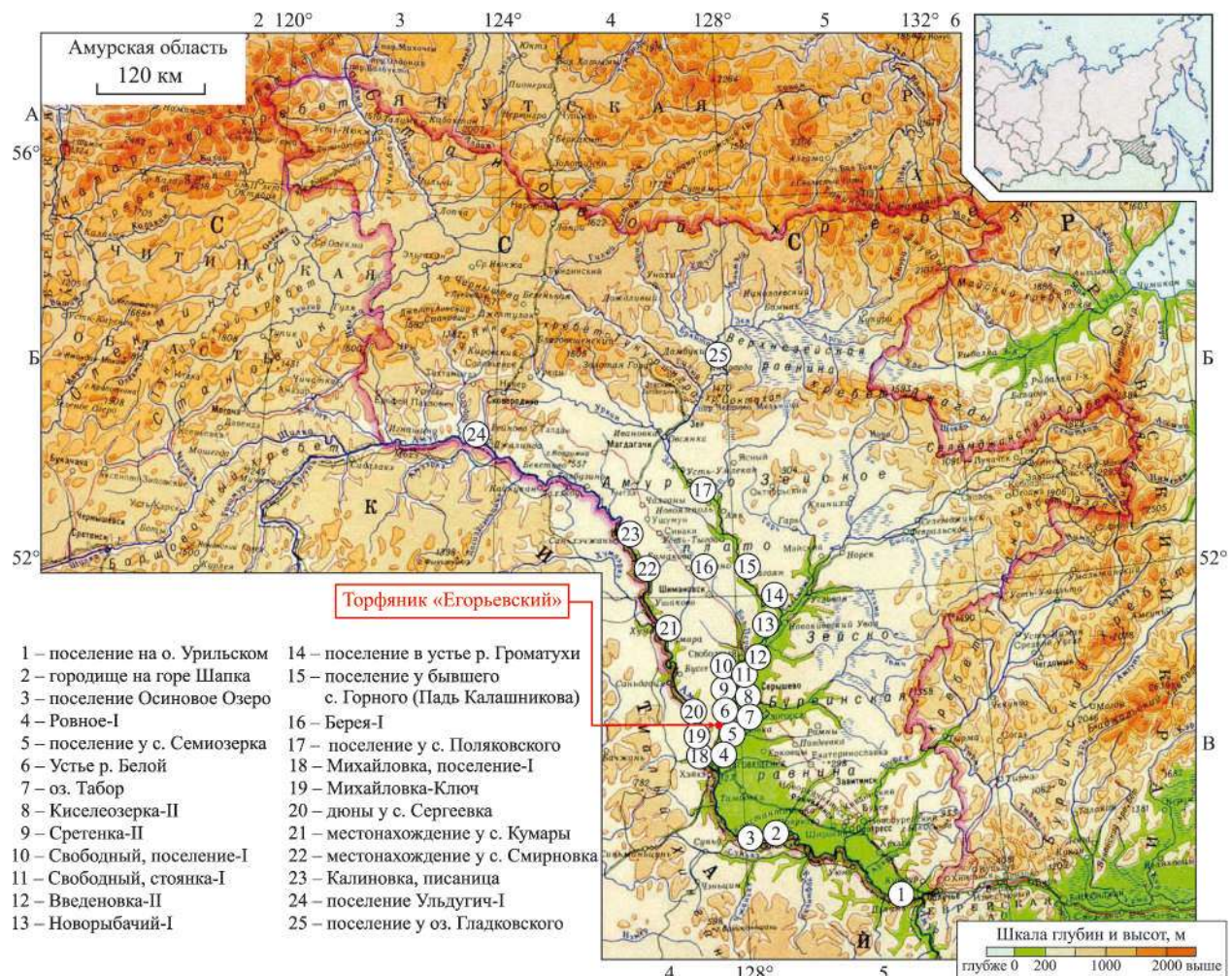

Рис. 1. Карта основных памятников осиноозерской культуры в Амурской области.

Fig. 1. Map of the main sites of the Osinoozerskaya culture in the Amur region.

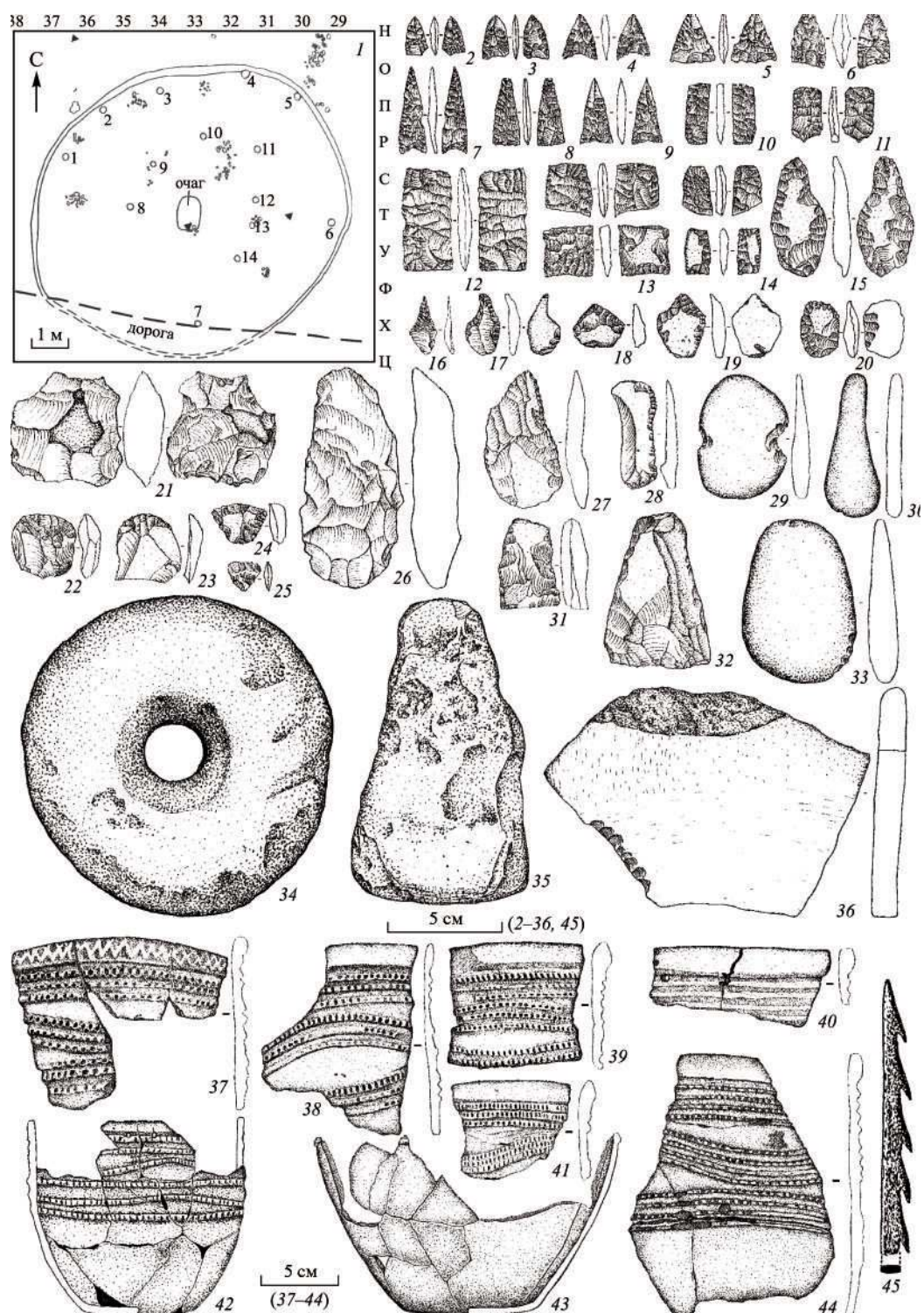

Рис. 2. Материалы осиноозерской культуры.

1-3, 5-8, 10-45 – Осинное Озеро; 4, 9 – Киселеозёрка II. 1 – по: [Коваленко, 2016, с. 56]; 2-3, 5-8, 10-14, 18-29, 36-44 – Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН; 4, 9, 15-17, 30-35 – коллекция ГАУ «ЦСН Амурской области»; 45 – по: [Окладников 1966, с. 38, рис. 4]. 2-44 – художник М.С. Сидорук.

Fig. 2. Materials of the Osinoozerskaya culture.

1-3, 5-8, 10-45 – Osinnoe Ozero; 4, 9 – Kiseleozerka II. 1 – by: [Kovalenko, 2016, p. 56]; 2-3, 5-8, 10-14, 18-29, 36-44 – Museum of the History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East, IAET SB RAS; 4, 9, 15-17, 30-35 – collection of State Autonomous Institution “CSN of the Amur Region”; 45 – by: [Okladnikov 1966, p. 38, fig. 4]. 2-44 – by artist M.S. Sidoruk.

турному типу с целью определения места и роли поздненеолитической осиноозерской культуры в древней истории Западного Приамурья.

Рассматриваемая территория находится в восточной части Азиатского материка в пределах водосборного бассейна Тихого океана. Географическое положение района исследований в целом можно определить как умеренный пояс Восточной Азии. Изучаемая территория находится в пределах бореальной ландшафтной зоны. Рельеф региона характеризуется чередованием горных хребтов и обширных межгорных равнин и низменностей [Кузьмин, 2005, с. 25].

Территория Западного Приамурья представляет собой неоднородный географический регион, расположенный между Большим Хинганом на западе и Малым Хинганом на востоке. На юге от Маньчжурской равнины его отделяет хребет Ильхури-Алинь и западная ветвь Малого Хингана, на севере от бассейна Лены – Становой хребет. Этот район включает бассейн верхнего и среднего Амура и р. Зеи в пределах современной Амурской области с российской стороны и уезд Хэйхэ провинции Хэйлуцзян – с китайской [Нестеров, 1998, с. 12].

Географическое расположение, климатические и орографические особенности делают регион важным для реконструкции культурно-исторических процессов в период позднего неолита, где происходило формирование оригинального культурного центра. Эта территория, несмотря на свой особый локальный, закрытый в природно-территориальном плане характер, играла роль связующего звена в регионе.

КАРТОГРАФИЯ ПЯМЯТНИКОВ ОСИНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Материалы осиноозерской культуры встречены более чем в двух десятках местонахождений как на Зейско-Буреинской, Амуро-Зейской и Верхнезейской равнинах, так и в таежных областях региона (рис. 1).

Памятники Зейско-Буреинской равнины

Зейско-Буреинская равнина располагается между реками Зеей и Селемджой на западе, Амуром – на юге и юго-востоке и хребтом Турана на востоке. На юго-востоке равнина заходит за р. Бурею, достигая Буреинского хребта. Равнина пересечена широкими падами, в которых текут узкие речки. Поверхность равнины полого-волнистая, имеет уплощенную структуру, относительно небольшое расчленение и понижается от 350 м на севере до 200 м и менее на юге и юго-востоке (рис. 1) [Алексеев, 2008, с. 41–43].

Поселение на о. Урильском. В 1915–1916 гг. экспедицией С.М. Широкогорова на о. Урильском найдены артефакты, часть из которых аналогична элементам культурно-бытового комплекса осиноозерской неолитической культуры. Это позволило расширить

ее ареал на территории Западного Приамурья, определив самой южной точкой ее дислокации (рис. 1, 1) [Забяко и др., 2022, 153–159, 177, 190, 191].

Городище на горе Шапка (неолитический слой). Проведенные в 2009 г. исследования возвышенной части средневекового городища на горе Шапка позволили выявить неолитический слой, относящийся к осиноозерской культуре. В целом материал коллекции определен как поселенческий с высокой долей утилизации орудий (рис. 1, 2) [Зайцев и др., 2010, с. 120–127].

Неолитическое поселение Осинное Озеро. Эпонимный памятник культуры (рис. 1, 3) [Окладников и др., 1971; Окладников, Деревянко, 1973].

Ровное I. Памятник обследован в 1995 г. на краю надпойменной террасы р. Зеи в 150 м севернее с. Ровное Благовещенского района. Определено, что каменные орудия сделаны методом ретуширования, а первичное скалывание производилось с халцедоновых и обсидиановых желваков. Исходя из техники обработки камня, памятник отнесен к осиноозерской культуре (рис. 1, 4) [Коваленко, 2016, с. 52].

Поселение у с. Семиозерки. В 1965 г. на береговой юго-западной террасе оз. Мочалище, расположенного в 300 м северо-западнее с. Семиозерка Ивановского района, была собрана керамика и небольшое количество отщепов. В 1966 г. при проведении раскопок раннесредневекового жилища в культурных отложениях памятника был выявлен археологический материал, представленный фрагментами керамики, украшенной налепными рассеченными валиками, и халцедоновыми отщепами: находка отнесена к осиноозерской культуре (рис. 1, 5) [Деревянко Е.И., 1975, с. 130–133].

Устье р. Белой. Во время разведочных работ 1960 г. был выявлен памятник с развешанным неолитическим слоем в долине р. Зеи при впадении в нее р. Белой. А.П. Окладников отнес его к разрушенному погребению, так как наряду с характерной осиноозерской керамикой там были найдены обломки нефритовых браслетов, цилиндрические бусины и подвески. Среди подъемного материала имелись обработанные с обеих сторон отжимной ретушью вкладные лезвия и наконечники стрел, а это, по мнению исследователя, также свидетельствует о том, что памятник относится к погребениям (рис. 1, 6) [Окладников, 1966, с. 38; Окладников, Деревянко, 1973, с. 40].

Озеро Табор. В середине 2000-х гг. на Троицком могильнике на р. Белой в северо-западной части Ивановского района были зафиксированы остатки слоя осиноозерской культуры. Культурная принадлежность памятника определена по совокупности находок – характерной керамике, орнаментированной налепными криволинейными валиками с насечками, и ретушированным каменным инструментам, выпол-

ненным преимущественно на отщепах из халцедона (рис. 1, 7) [Алкин, 2011, с. 191].

Киселеозерка II. В 1999 г. Н.Н. Зайцевым в 3,5 км к северо-западу от с. Киселеозерка Белогорского района на песчаной дюне, расположенной на северо-восточном берегу одноименного озера, открыто многослойное поселение. Коллекция археологического материала осиноозерской культуры представлена каменными ретушированными орудиями из халцедона и фрагментами лепной керамики, орнаментированными налепными расщепленными валиками (рис. 1, 8) [Коваленко, 2016, с. 52].

Сретенка II. В 2004 г. в окрестностях с. Сретенка Серышевского района были выявлены артефакты, относящиеся к периоду неолита. Материал представлен уплощенными гальками со следами длительного температурного воздействия, халцедоновыми сколами и отщепами, а также фрагментами керамики с расщепленными параллельными валиками. Археологический материал датирован III–II тыс. до н.э. и отнесен к осиноозерской культуре (рис. 1, 9) [Коваленко, 2016, с. 53].

Свободный, поселение-I. В 2002 г. в 3,8 км к юго-востоку от г. Свободный обследовано разрушенное карьером многослойное поселение, культурный слой которого сохранился фрагментарно. Обнаруженный археологический материал позволил один из слоев памятника отнести к осиноозерской культуре (рис. 1, 10) [Коваленко, 2016, с. 52].

Свободный, стоянка I. По результатам разведочных работ 2021 г. в 1,7 км к юго-западу от южного въезда в г. Свободный на вершине невысокой релки обнаружен однослойный памятник осиноозерской культуры (рис. 1, 11).

Введеновка II. Археологический объект обнаружен в 2004 г. в 3,6 км к северо-востоку от с. Введеновка на вершине релки высотой 3 м над современным урезом воды в р. Арге (приток р. Зеи). На поверхности пашни собрана коллекция археологического материала, в которую вошли фрагменты лепных керамических сосудов с налепными расщепленными и гладкими валиками, грузила и тесла из яшмовидных пород камня, а также орудия труда и отходы их производства из халцедона (рис. 1, 12) [Коваленко, 2016, с. 52–53].

Памятники Амура-Зейской равнины

Амура-Зейская равнина имеет четкие границы, образованные руслами рек Амура и Зеи. Значительная расчлененность долинами, долинообразными и балкообразными понижениями характерна для всей территории равнины, особенно в южных и восточных районах. Пойменные площадки характеризуются небольшой шириной, за исключением высокой поймы крайнего юга Амура-Зейского междуречья (рис. 1) [Алексеев, 2008, с. 41].

Новорыбачий I. В 1972 г. в районе впадения в Зею р. Селемджи, вблизи бывшего пос. Новорыбачий, обнаружен многослойный археологический объект, один из культурных слоев которого содержал материалы осиноозерской культуры (рис. 1, 13) [Коваленко, 2016, с. 51].

Поселение в устье р. Громатухи. В результате исследований поселения в 2004 г. изучено осиноозерское жилище, которое интерпретируется как сезонная промысловая постройка. Это первое жилище осиноозерской культуры в пределах северной части ее ареала (рис. 1, 14) [Волков, Нестеров, 2008 с. 90–110].

Поселение у бывшего с. Горного (надь Калашникова). Многослойное поселение на левом берегу р. Зеи, в 3 км выше устья р. Анго в Шимановском районе, открыто в 1968 г. Б.С. Сапуновым и В.В. Сухих. Среди разновременных жилых построек сохранились западины неолитических жилищ осиноозерской культуры. Они частично разрушили культурный слой поселения громатухинской культуры. Осиноозерская керамика и орудия располагались в одном культурном горизонте с артефактами громатухинской культуры (рис. 1, 15) [Деревянко, 1973, с. 107].

Берея I. Памятник выявлен в 2003 г. на разрушенной карьером поверхности террасы правого берега р. Урги в центральной части Шимановского района, в 15 км к северо-западу от ст. Берея. Обнаруженные халцедоновые отщепы и орудия труда, а также фрагмент керамики с налепными горизонтальными и вертикальными перпендикулярно расщепленными валиками отнесены к осиноозерской культуре (рис. 1, 16) [Коваленко, 2016, с. 52].

Поселение у с. Поляковского. В 1961 г. в одном из слоев высокой песчаной террасы р. Зеи, на которой располагалось поселение, обнаружены материальные остатки осиноозерской культуры: отщепы, отдельные изделия из халцедона и фрагменты плоскостных керамических сосудов, украшенных налепными расщепленными валиками (рис. 1, 17) [Деревянко, 1973, с. 107].

Михайловка, поселение I. Археологический объект обнаружен в 2020 г. на поверхности первой надпойменной террасы левого берега в приустьевой части безымянного ручья, вблизи впадения в протоку Глухая. Терраса представлена узкой подошвой скалистого сопочного массива левобережной террасы р. Амур, высота которой достигает 2,5 м относительно современной поймы реки. Здесь обнаружен культурный слой, археологический материал которого отнесен к осиноозерской культуре (рис. 1, 18) [Коваленко, Крючко, 2021, с. 42–44].

Михайловка-Ключ. Памятник выявлен в 1996 г. в 3 км северо-западнее с. Михайловка Благовещенского района, на пологом склоне поверхности второй надпойменной террасы р. Амур. С 2000 г. на памят-

нике проводились исследования, по результатам которых объект был интерпретирован как мастерская по изготовлению каменных орудий. Она функционировала на протяжении длительного времени в районе выходов качественного халцедонового сырья и по хронологии отнесена к осиноозерской культуре (рис. 1, 19) [Алкин, 2011, с. 188–190].

Дюны у с. Сергеевка. В результате исследований 1960-х гг. здесь обнаружено два культурных слоя. Верхний неолитический характеризуется двусторонне ретушированными наконечниками стрел треугольной формы и множеством фрагментов осиноозерской керамики, украшенной валиками (рис. 1, 20) [Окладников, 1966, с. 36; Бродянский, 1987, с. 117].

Местонахождения у с. Кумары. Здесь в 1957 г. Э.В. Шавкуновым найдены следы неолитических стоянок, часть из которых отнесена к осиноозерской культуре. Помимо различных орудий из халцедона встречены фрагменты сосудов, украшенные рядами параллельных, иногда перпендикулярных по отношению друг к другу небольших валиков с частыми и глубокими прорезами (рис. 1, 21) [Коваленко, 2015, с. 43].

Местонахождения у с. Смирновка. В 1954 г. А.П. Окладниковым в районе д. Смирновка на р. Амур, у знака 350 км на 25-метровой террасе, обнаружена неолитическая стоянка, где найдены отщепы из халцедона, яшмы и кремня, а также фрагмент венчика с орнаментом осиноозерской культуры в виде продольных валиков с поперечными насечками (рис. 1, 22) [Коваленко, 2015, с. 43].

Калиновка, писаница. В ходе исследований 2006–2014 гг. памятника обнаружено значительное количество фрагментов керамики, орнаментированной параллельными налепными валиками, и единичные каменные орудия поздненеолитического времени, среди которых имелись халцедоновые ядрища, наконечники стрел, вкладышевое орудие. Один из культурных горизонтов отнесен к осиноозерской культуре (рис. 1, 23) [Забяко, Миронов, 2017, с. 9].

Поселение Ульдугичи I. Обнаружено в 2011 г. в окрестностях с. Албазино. Раскопки в 2012 г. выявили остатки неолитического слоя, который был частично разрушен более поздним средневековым поселением. Керамика и каменные артефакты из этого слоя отнесены к осиноозерской культуре [Вальчак, Черкасов, 2014, с. 494–498]. На данный момент этот памятник является самым западным в ареале данной культуры (рис. 1, 24).

Памятники Верхнезейской равнины

Верхнезейская равнина – единственный равнинный участок неправильной овальной формы в северном горном районе. Она имеет заболоченный характер, за исключением высоких надпойменных террас

р. Зеи. По поверхности долины протекали многочисленные горные реки, впадавшие в Зею. На сегодняшний день большая часть пригодной для проживания древнего человека территории равнины затоплена Зейским водохранилищем.

Поселение у оз. Гладковского. Выявлено в 1961 г. А.П. Окладниковым. В 1973–1974 гг. здесь проводились раскопки под руководством А.П. Деревянко. По материалу и стратиграфии выделены три основных культурных горизонта. Самым насыщенным находками являлся второй горизонт, который отнесен к периоду существования осиноозерской культуры. Этот памятник является и сегодня самым северным в ареале культуры (рис. 1, 25) [Коваленко, 2016, с. 51].

Таким образом, все памятники осиноозерской культуры расположены в пределах высоких пойм и надпойменных террас Амура и Зеи. Долины этих рек по богатству, разнообразию ресурсов с учетом запасов проточной пресной воды и удобных маршрутов для передвижения являются высокопродуктивными ландшафтами региона.

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ОСИНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Впервые датировка памятников осиноозерской культуры были конкретизирована в 1966 г. периодом конца III–II тыс. до н.э. (около 2000–1500 гг. до н.э.), по аналогии с материалами сопредельных территорий [Окладников, 1966, с. 38]. Осиноозерская культура имеет наименьший корпус радиоуглеродных дат (10) среди неолитических культур региона (табл. 1) [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 103–107]. На их основе хронологические рамки культуры определяются периодом 3338–1452 гг. до н.э. (5360–3474 л.н.), или второй половиной IV – первой половиной II тыс. до н.э. Таким образом, осиноозерская культура в Амурской области существовала около 1900 лет (рис. 3).

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕГИОНА В СРЕДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ

В голоцене в бассейне Амура и Зеи происходит формирование флоры и фауны, типичных для настоящего времени. Для этих районов характерно наличие послеледникового максимума, когда основную часть в растительности занимали широколиственные и хвойные породы. Животный мир формировался, за исключением, из представителей плейстоценовой фауны. Человек в голоцене расселялся преимущественно на территориях речной и озерной систем [Деревянко, 1983, с. 22–23].

Имеющиеся радиоуглеродные даты позволяют определить существование осиноозерской культуры в период среднего голоцена. Хронологические рамки

OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); r:5 Atmospheric data from Reimer et al (2020)

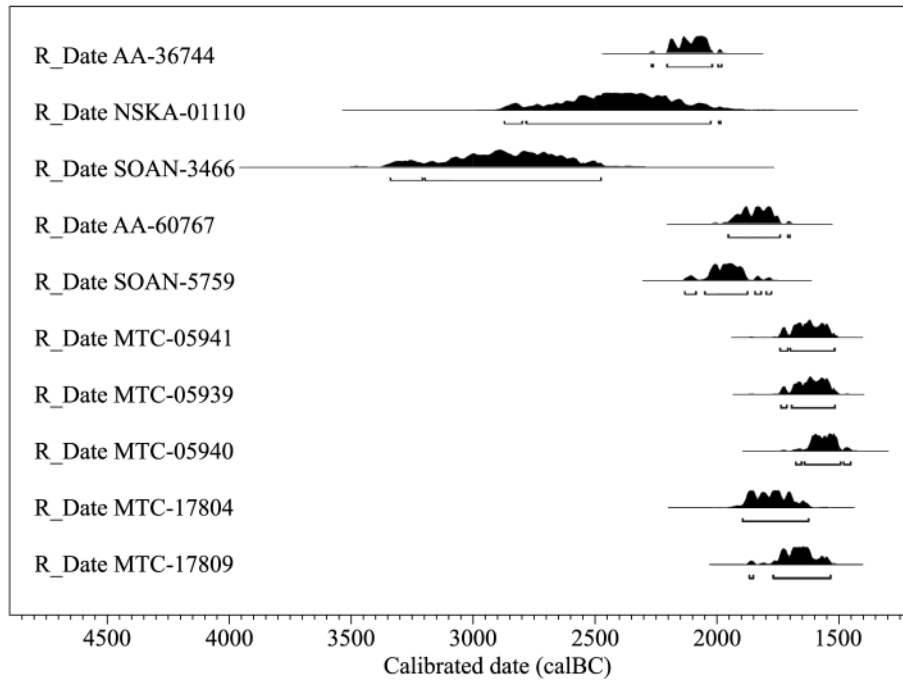

Рис. 3. Диапазоны радиоуглеродных дат осинозерской культуры.

Fig. 3. Ranges of radiocarbon dates of the Osinozerskaya culture.

культуры соответствует концу атлантического, наиболее теплого и влажного климатического периода голоцена с его температурным оптимумом, и первой половине суббореального периода, который характеризуется похолоданием и несколько менее благоприятными природными условиями.

В 1998 г. на эпонимном памятнике осинозерской культуры Осинное Озеро (рис. 1) были взяты пробы грунта на палинологический анализ. Результаты позволили установить, что во время формирования культурного слоя растительность в окрестностях поселения изменялась от лесостепи с участием березово-осиновых и кустарниково-широколиственных ассоциаций в начале существования поселения до разреженных лиственнично-широколиственных лесов и злаково-разнотравных лугов в конце его бытования [Кузьмин, 2005, с. 105].

На сегодняшний день осуществлена детальная реконструкция динамики растительности и климата среднего и позднего голоцена (последние 6000 лет) по разрезу торфяника «Егорьевский» (рис. 1). Диапазон его отложений охватывает конец атлантического, суббореальный и субатлантический периоды голоцена [Клименко и др., 2000, с. 44].

Растительный покров в районе торфяника Егорьевский в период 5435–3380 л.н., сравнимый со временем существования осинозерской культуры, представлен следующими палеосообществами. Между 5835–5435 л.н. здесь была дубрава ольхово-лещи-

ново-папоротниковая с примесью ясеня и клена; 5435–5320 л.н. – дубрава кустарниково-разнотравная с примесью мелколиственных пород; 5320–5195 л.н. – дубрава ольхово-лещиново-папоротниковая с примесью ясеня и клена; 5195–5065 л.н. – дубрава кустарниково-разнотравная с примесью мелколиственных пород; 5065–4795 л.н. – березняк хвойно-широколиственный папоротниково-сфагновый; 4795–4510 л.н. – дубрава ольхово-лещиново-папоротниковая с примесью ясеня и клена; 4510–4365 л.н. – сосново-дубовый лес с примесью лиственницы и ели, полынно-разнотравный-злаковый; 4365–4075 л.н. – дубрава ольхово-лещиново-папоротниковая с примесью ясеня и клена; 4075–3790 л.н. – сосняк елово-лещиново-папоротниково-злаковый с примесью дуба; 3790–3580 л.н. – дубрава кустарниково-разнотравная с примесью мелколиственных пород; 3580–3515 л.н. – дубрава ольхово-лещиново-папоротниковая с примесью ясеня и клена; 3515–3380 л.н. – сосняк елово-лещиново-папоротниково-злаковый с примесью дуба [Клименко и др., 2000, с. 45].

В конце атлантического периода выявлено пять потеплений, которые имели место около 6700, 6300, 6100, 5750, 5350 (или радиоуглеродных – 5900, 5500, 5300, 5000, 4600) л.н. В максимальное потепление голоцена, датируемое временем 6300 (5500) л.н., средние температуры июля были выше современных, а количество осадков было близко к современным зна-

чениям. Максимум количества осадков не совпадает со временем максимального потепления и приходится на второстепенный теплый период около 5750 л.н. В периоды похолоданий температуры и количество осадков опускались ниже современных значений.

На протяжении суббореального периода реконструировано пять потеплений – около 4850, 4400, 3950, 3700, 2900 (или радиоуглеродных – 4300, 3950, 3650, 3450, 2650 л.н.). В максимальное потепление около 3700 л.н. все показатели температуры и количества осадков превышали современные. В похолодания суббореального периода температуры не опускались ниже современных, кроме похолодания около 4100 л.н., а уровень осадков не поднимался выше, чем в настоящее время [Клименко и др., 2000, с. 46].

Анализ динамики растительности показал, что формирование сообществ происходило как под влиянием климата, так и в результате автогенетических изменений. Судя по палеоклиматическим реконструкциям Амуро-Зейского междуречья, на протяжении голоцена происходили неоднократные изменения климата с амплитудой от оптимума голоцена к современности, когда наблюдается направленно-ритмичное похолодание, что характерно и для других регионов Северной Евразии [Клименко и др., 2000, с. 49].

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ТИП НОСИТЕЛЕЙ ОСИНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Из-за высокой кислотности почв в Западном Приамурье найдено очень незначительное количество артефактов, характеризующих палеоэкономику – находок костей животных и рыб из культурных слоев памятников осиноозерской культуры. С учетом указанных обстоятельств важнейшее значение приобретают функциональные характеристики орудий, связанные с определенными видами деятельности, а также палинологические и палеогеографические данные.

Рыболовство играло большую роль в хозяйстве, в особенности осиноозерского населения, проживавшего на территории Зейско-Буреинской равнины, о чем свидетельствуют грузила для сетей, обнаруженные на памятниках культуры (рис. 2, 29). Не случайно в заполнении очагов жилищ поселения Осиновое Озеро в большом количестве встречались остатки рыбных костей, плавников, иногда значительных размеров. Ловили рыбу не только сетями, били ее острой и гарпуном, что подтверждается обнаружением у очага жилища поселения Осиновое Озеро костяного одностороннего гарпуна (рис. 2, 45). Одним из возможных способов добычи рыбы могло быть ее глушение поздней осенью, когда лед еще не окреп. Об этом факте косвенно свидетельствуют находки на памятниках культуры крупных булавовидных изделий с

отверстиями в центре (рис. 2, 34). О разделке крупной рыбы также свидетельствуют результаты трасологического анализа орудий из неолитического слоя городища на горе Шапке [Окладников и др., 1971, с. 385–387; Окладников, Деревянко, 1973, с. 41–42; Зайцев и др., 2010, с. 125].

Охота являлась одним из основных видов хозяйственной деятельности носителей данной культуры. Охотились на крупных животных, о чем свидетельствует находка в заполнении очага жилища № 3 поселения Осиновое Озеро рога оленя и крупные наконечники стрел, кроме того, наконечники стрел небольших размеров для охоты на водоплавающих птиц и мелкого зверя. Главенствующую роль охоты, особенно у населения, проживавшего в таежной зоне Амуро-Зейской и Верхнезейской равнин, подтверждают трасологические исследования орудий труда, которые использовались для добычи и обработки мяса и шкур животных [Окладников, Деревянко, 1973, с. 36–37, 43; Волков, Нестеров, 2008 с. 96–97; Зайцев и др., 2010, с. 123–127].

Собирательство. Прямых свидетельств сбора дикоросов у носителей осиноозерской культуры на современном этапе исследования не имеется, но большое количество видов съедобной ягоды, грибов, орехов, произрастающих на территории Западного Приамурья, говорит в пользу существования данного вида хозяйственной деятельности.

Земледелие. Вопрос о появлении у носителей осиноозерской культуры зачатков земледелия является одним из самых дискуссионных. Отнесение осиноозерцев к носителям раннеземледельческих культур аргументируется на основе находок зерен проса в очажном заполнении одного из жилищ на поселении Осиновое Озеро. Косвенным свидетельством о занятии земледелием могут служить песты и плитки зернотерок с этого поселения [Алкин, 2011, с. 193]. Частичным подтверждением данных выводов стал результат спорово-пыльцевого анализа грунта, полученного из отложений вблизи раскопа 1962 г., пробы взяты на глубине 30 см у развала осиноозерского сосуда. В нем определена пыльца культурных злаков наряду с другими растениями (*Cerealia*) [Кузьмин, 2005, с. 105–106]. Однако в целом вопрос о начале производящего хозяйства в Западном Приамурье остается открытым и требует дополнительных исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Население осиноозерской культуры было оседлым и проживало на территории Западного Приамурья в пределах высоких пойм и надпойменных террас Амура и Зеи в конце атлантического наиболее теплого и влажного климатического периода голоце-

Радиоуглеродные даты памятников осиноозерской культуры в Западном Приамурье

Radiocarbon dates of the sites of the Osinozero culture in the Western Amur region

Памятник Site	Материал, год Material, Year	Индекс лаборатории Laboratory index	Радиоуглеродная дата, л.н. Radiocarbon date, BP	Калиброванная дата (до н.э.) ($\pm 1\sigma$; $\pm 2\sigma$) Calibrated date (BC) ($\pm 1\sigma$; $\pm 2\sigma$)
Осиновое Озеро, жилище № 2	Береста, 1962	АА-36744	3715 $\pm$ 35	2194 – 2037 2268 – 1981
Осиновое Озеро, жилище № 2	Береста, 1962	Nska-01110	3911 $\pm$ 148	2617 – 2144 2872 – 1958
Михайловка-Ключ	Уголь, 1996	СОАН-3466	4255 $\pm$ 150	3086 – 2584 3338 – 2476
Михайловка-Ключ	Уголь, 2001	АА-60767	3520 $\pm$ 40	1918 – 1770 1953 – 1700
Громатуха, слой 1)	Уголь, 2004	СОАН-5759	3600 $\pm$ 45	2022 – 1896 2132 – 1778
Громатуха? очаг в жилище	Уголь, 2004	МТС-05941	3350 $\pm$ 40	1686 – 1544 1741 – 1518
Громатуха, пол у края жилища	Уголь, 2004	МТС-05939	3340 $\pm$ 40	1671 – 1538 1738 – 1516
Громатуха, пол жилища	Уголь, 2004	МТС-05940	3290 $\pm$ 40	1611 – 1510 1677 – 1452
Громатуха, жилище	Нагар на внутренней стороне венчика, 2004	МТС-17804	3460 $\pm$ 50	1878 – 1692 1895 – 1624
Громатуха, слой 1	Нагар на внутренней стороне венчика, 2004	МТС-17809	3380 $\pm$ 45	1742 – 1613 1867 – 1534

Таблица составлена по: [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 105; Деревянко и др., 2017, с. 7–9].

на с его температурным оптимумом и в первой половине суббореального периода, который характеризовался похолоданием и несколько менее благоприятными природными условиями. В данный период доминировали широколиственные и хвойные леса. Палеоэкономика носителей культуры основывалась на охоте, рыболовстве и собирательстве наземных растений; возможно, в процессе адаптации к факторам окружающей среды появились зачатки земледелия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев И.А. Геоморфология: учебн. пособие. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. 180 с.
- Алкин С.В. Современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры Среднего Приамурья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 188–198.
- Бродянский Д.Л. Введение в Дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 276 с.
- Вальчак С.Б., Черкасов А.Н. Раскопки поселения Ульдугичи I в Амурской области. // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 494–498.
- Волков П.В., Нестеров С.П. Осиноозерское жилище на поселении Громатуха // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. Вып. 5. С. 90–110.
- Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.

Деревянко А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск: Наука, 1983. 216 с.

Деревянко А.П., Деревянко Е.И., Нестеров С.П., Табаров А.В., Кадзунори Учидэ, Даи Куникита, Кацуки Морисаки, Хироюки Мацудзаки. Новые радиоуглеродные даты громатухинской культуры начального этапа неолита в Западном Приамурье // Археология, этнография, и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 4. С. 3–12.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.

Забяко А.П., Миронов М.А. Культурный комплекс Калиновка: основные результаты археологических исследований 2006–2014 гг. // Религиоведение. 2017. № 4. С. 5–20.

Забяко А.П., Коваленко С.В., Комарова Н.А., Волков Д.П. А.Я. Гуров – первый амурский археолог: вехи судьбы и коллекции / под ред. А.П. Забяко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2022. 230 с.

Зайцев Н.Н., Волков П.В., Волков Д.П., Коваленко С.В. Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области (по результатам раскопок 2009 г.) // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 120–127.

Клименко В.В., Климанов В.А., Кожаринов А.В. Динамика растительности и климата Амура-Зейского междуречья в голоцене и прогноз их естественных изменений // Изв. РАН. Сер. геогр., 2000. № 2. С. 42–50.

Коваленко С.В. Памятники осиноозерской неолитической культуры левого берега Верхнего и Среднего Амура // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. Вып. 5. С. 41–55.

Коваленко С.В. Памятники осиноозерской неолитической культуры бассейна реки Зеи // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. С. 49–57.

Коваленко С.В., Крючко Е.И. Археологические исследования на территории Благовещенского района Амурской области в 2020 году // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2021. Вып. 8. С. 31–46.

Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток: Тихоокеанский ин-т географии ДВО РАН, 2005. – 282 с.

Кузьмин Я.В., Нестеров С.П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 103–110.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 184 с.

Нестеров С.П., Алкин С.В., Петров В.Г., Канг Чан Хва, Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Имамтура М., Сакамото М. Результаты радиоуглеродного датирования эпонимных памятников громатухинской и новопетровской культур Западного Приамурья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI, ч. 1. С. 168–172.

Окладников А.П. Археология долины реки Зеи и Среднего Амуре // СА. 1966. № 1. С. 32–41.

Окладников А.П., Васильевский Р.С., Деревянко А.П. Археологические исследования на Осиновом озере (раскопки 1965 года) // Материалы полевых исслед. Дальневост. археол. экспедиции. Новосибирск, 1971. Ч. II. С. 323–392.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Осиннозерская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР, 1973. Т. 9. С. 33–42.

REFERENCES

Alekseev I.A. (2008). Geomorphology: textbook. Blagoveshchensk, 180 p. (In Russ.)

Alkin S.V. (2011). Contemporary State of studying the Neolithic Osinozersk Culture of the Mid – Amur Region. In: *Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Ussuriysk, pp. 188–198. (In Russ.)

Brodyansky D.L. (1987). Introduction to Far Eastern archeology. Vladivostok, Izd-vo Dalnevostochnogo universiteta, 276 p. (In Russ.)

Derevianko A.P. (1973). The Early Iron Age of the Far East. Novosibirsk, Nauka, 354 p. (In Russ.)

Derevianko A.P. (1983). Paleolithic of the Far East and Korea. Novosibirsk, Nauka, 216 p.

Derevianko A.P., Derevianko E.I., Nesterov S.P., Tabarev A.V., Kadzunori Uchida, Dai Kunikita, Katsuki Morisaki, Hirouki Matsudzaki. (2017). New radiocarbon dates of the early Neolithic Gromatukha culture in the western Amur Region. *Arkheologiya, etnografiya, i antropologiya Evrazii*. Vol. 45, no. 4, pp. 3–12. (In Russ.)

Derevianko E.I. (1975). Mohe sites of the Middle Amur. Novosibirsk, Nauka, 250 p. (In Russ.)

Klimenko V.V., Klimanov V.A., Kozharinov A.V. (2000). Dynamics of vegetation and climate of the Amur-Zeya interfluvium in the Holocene and prediction of their natural changes. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. No 2, pp. 42–50. (In Russ.)

Kovalenko S.V., Kryuchko E.I. (2021). Archaeological research in the territory of the Blagoveshchensky District of the Amur Region in 2020. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, iss. 8, pp. 31–46. (In Russ.)

Kovalenko S.V. (2015). Sites of the Neolithic Osinozersk Culture of the Upper and Mid Amur River left bank. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva*. Blagoveshchensk, vol. 5, pp. 41–55. (In Russ.)

Kovalenko S.V. (2016). Sites of the Neolithic Osinozersk culture of the Zeya River basin. In: *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva*. Blagoveshchensk, vol. 6, pp. 49–57. (In Russ.)

Kuz'min Ya.V. (2005). Geochronology and paleoenvironment of the late Paleolithic and Neolithic in temperate zone of East Asia. Vladivostok, Tikhookeanskiy institut geografii DVO RAN, 282 p. (In Russ.)

Kuz'min Ya.V., Nesterov S.P. (2010). Chronology of Neolithic cultures of the western Amur Region. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, vol. 6, pp. 103–110. (In Russ.)

Nesterov S.P., Alkin S.V., Petrov V.G., Kang Chan Khva, Orlova L.A., Kuz'min Ya.V., Imamura M., Sakamoto M. (2005). Results of radiocarbon dating of eponymous sites of the Gromatukha and Novopetrovsk cultures of the western Amur Region. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Vol. 11, pt. 1, pp. 168–172. (In Russ.)

Nesterov S.P. (1998). Peoples of the Amur Region in the early Middle Ages. Novosibirsk, Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii, 184 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1966). Archeology of the Zeya Valley and the Middle Amur. *Sovetskaya arkheologiya*. No. 1, pp. 32–41. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Derevianko A.P. (1973). The Osinozersk culture on the Middle Amur. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka (istoriya, arkheologiya, etnografiya, filologiya)*. Vladivostok, vol. 9, pp. 33–42. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Vasil'evsky R.S., Derevianko A.P. (1971). Archaeological studies on Lake Osinovo (excavations of 1965). *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nnevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. Novosibirsk, pt. 2, pp. 323–392. (In Russ.)

Val'chak S.B., Cherkasov A.N. (2014). Excavations of the settlement Uldugichi I in the Amur Region. *Trudy IV (XX) vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda*. Kazan, vol. 3, pp. 494–498. (In Russ.)

Volkov P.V., Nesterov S.P. (2008). Osinozerskaya culture's dwelling at the Gromatukha settlement. In: *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, vol. 5, pp. 90–110. (In Russ.)

Zabiyako A.P., Kovalenko S.V., Komarova N.A., Volkov D.P. (2022). A.Y. Gurov – the first Amur archaeologist: milestones of fate and collections. Blagoveshchensk, Izd-vo Amur. gos. un-ta, 230 p. (In Russ.)

Zabiyako A.P., Mironov M.A. (2017). The Kalinovka cult complex: the main results of the archaeological discoveries in 2006–2014. *Religiovedenie*, no. 4, pp. 5–20. (In Russ.)

Zaitsev N.N., Volkov P.V., Volkov D.P., Kovalenko S.V. (2010). Neolithic collection from Mount Shapka in the Amur Region (based on the results of the excavations in 2009). *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, vol. 6, pp. 120–127. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.01.2023

Дата рецензирования 27.01.2023

Статья принята к публикации 01.02.2023

DOI: 10.15372/HSS20230106
УДК 903.3

С.А. КОЛОМИЕЦ

ЖИЛИЩА ПАМЯТНИКА БУКИНСКИЙ КЛЮЧ-2: ПРЕДЛАГАЕМЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы,
РФ, 690016, г. Владивосток, ул. Нестерова, 13

Статья посвящена реконструкции наземных жилищ памятника Букинский Ключ-2 на Амуре. Автор корректирует некоторые положения реконструкции, предложенной А.В. Гребеншиковым и С.П. Нестеровым после раскопок этого памятника. В настоящей статье обоснована идея считать этнографическими аналогиями для данных построек жилища *голомо*, существовавшие у народов Сибири и Дальнего Востока. В новой схеме реконструкции поддерживается высказанная предшественниками гипотеза о пирамидальном каркасе постройки, но существенно уменьшена предложенная высота жилых помещений. Устройство деревянного фундамента жилища предлагается считать сходным с применявшимся в домостроении негидальцев. Рассмотрены технические приемы крепления плах кровли без металлических гвоздей, прослеженные у негидальцев и якутов. Подчеркивается широкое распространение жилищ *голомо* у народов таежной зоны Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: археология Дальнего Востока, реконструкция жилищ, жилища народов Сибири и Дальнего Востока.

Для цитирования: Коломиец С.А. Жилища памятника Букинский Ключ-2: предлагаемые реконструкции и этнографические параллели // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 51–61. DOI: 10.15372/HSS20230106.

S.A. KOLOMIETS

DWELLINGS OF BUKINSKY KLYUCH-2 MONUMENT: PROPOSED RECONSTRUCTIONS AND ETHNOGRAPHIC PARALLELS

Scientific and Production Centre of Historical and Cultural Expertise,
13, Nesterova str., Vladivostok, 690016, Russian Federation

The dwelling reconstruction of Bukinsky Klyuch-2 site, proposed by A.V. Grebenschikov and S.P. Nesterov in 1991, influenced significantly on the activity of archaeologists in the Amur Region. The main provisions of this theory have been used for the last 30 years in reconstructing both ground dwellings and semi-dugouts. The key thesis is to use a building frame in the form of 4 inclined rafters fastened with vertices into a pyramid. Nevertheless, some details in the existing scheme are in doubt. This is a large height of buildings – up to 7 m, a particular laying of a wooden base-foundation made of logs, covering the roof slopes with turf over birch bark, using metal nails for the roof.

The article proposes a correction of these provisions. For this, published ethnographic data were used, which related to techniques in the housing construction area by peoples of the taiga zone, as well as the dwelling typology. When searching for ethnographic analogies, attention was drawn to *holomo* – a type of land dwellings common among the Siberian and Far Eastern peoples. These dwellings, as in their predecessors' reconstruction, have a pyramidal frame of 4 rafters fastened at the tops, but significantly lower height of the dwelling. The flat roof of such dwellings was insulated with turf, which made it possible to explain the burnt soil occurrence in the archaeological site cultural layer.

Based on data on the housing construction by Negidals, a new scheme to lay a wooden foundation of 3 blocks is proposed. The dwelling roofing construction of obliquely placed boards without metal nails can also be explained by the Negidals' and Yakuts' woodworking techniques.

In conclusion, the author pays attention to a wide spreading of *holomo* dwellings in Siberia and the Far East, and their similarity with the nomad dwellings in the tundra-taiga zone. Perhaps, these dwellings can be classified as an empirical type.

Key words: archeology of the Far East, reconstruction of dwellings, dwellings of the peoples of Siberia and the Far East.

Сергей Артурович Коломиец – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы, e-mail: sartbox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8850-1699>.

Sergey A. Kolomiets – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, “Scientific and Production Centre of Historical and Cultural Expertise” ltd.

ВВЕДЕНИЕ

В изучении археологических культур Приамурья важное место занимают результаты, представленные С.П. Нестеровым по итогам работ на р. Буреи. Видную роль среди них играют выводы, основанные на материалах исследований памятника Букинский Ключ-2 в 1988 г. Здесь А.В. Гребенщиковым и С.П. Нестеровым были раскопаны два жилища, чьи признаки выделили их в общем контексте построек, характерных как для мохэской, так и михайловской культуры. Полученные эмпирические данные легли в основу оригинальной реконструкции и вместе с ней вскоре были опубликованы [Гребенщиков, Нестеров, 1991].

Данные полевых исследований памятника и реконструктивная часть почти без изменений были включены в другие публикации [Нестеров, 1995; 1998; Древности Буреи, 2000]. Кроме того, предложенная схема в последующие годы повлияла и на предлагаемые реконструкции полуподземных жилищ Приамурья [Нестеров, 1998; Волков, 2011; Шеломихин и др., 2017; и др.] и в определенной степени на методику исследований жилых комплексов.

Настоящая статья имеет цель – уточнить существующую схему реконструкции с учетом дополнительных данных о традициях и технических приемах в домостроении кочевых народов Сибири и Дальнего Востока.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Памятник Букинский Ключ-2 расположен на уровне высокой поймы – первой надпойменной террасы правого берега р. Буреи. Раскопом вскрыты 2 наземные постройки без котлованов. В плане остатки построек представляют собой скопления углистых плах и угля в виде 2 пятен ромбовидной формы, лежащих на материковом песке (рис. 1, 1). Изменение формы от первоначальной квадратной до ромбической связывается авторами с оползанием слоя по склону.

Жилище № 1. В плане его исходные размеры составляли, по-видимому, около 6×6 м. Описание остатков постройки в публикациях разных лет несколько меняется: «...представляет собой замкнутое пространство, периметр которого выложен обугленными жердями и плахами...» [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 120–121]; «...замкнутое пространство, периметр которого ограничен двойной рамой-основой, образованной обугленными жердями и плахами...» [Древности Буреи, 2000, с. 134]. Наиболее крупные из плах рамы имели в ширину 16 см, в толщину 4 см. Сверху перпендикулярно плахам на них опирались концы расколотых вдоль жердей, пригнанных друг к другу, видимо – остатки кровли.

В центре жилища находился очаг овальной в плане формы. На полу жилища были зафиксированы 2 столбовые ямы, глубиной 15 см; как сообщается, диаметр столбов в них составлял 14 и 16 см, а часть пола была обмазана глиной. Посередине юго-восточной стенки постройки исследователи отметили разрыв рамы, «который образован хорошо утопанным насыпным пандусом-входом, перекрывающим жерди каркаса...» [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 121].

Жилище № 2. Размеры (исходные) – около $4 \times 5,5$ м. Конструкция, по мнению авторов раскопок, аналогична жилищу № 1. В одном из углов постройки зафиксирована яма, глубиной 10 см, диаметр втущенного в нее столба составлял 15 см. Авторы отмечают, что очаг в жилище № 2 отсутствует. Поэтому данная постройка была отнесена к подсобным помещениям (амбар или склад).

Реконструкция жилищ памятника Букинский Ключ-2, предложенная А.В. Гребенщиковым и С.П. Нестеровым, выглядит следующим образом. Основу постройки составляла прямоугольная в плане рама или своего рода двухвенцовый сруб, уложенный таким образом, что бревна верхнего венца укладывались с небольшим смещением относительно нижнего, внутри периметра «сруба» (рис. 1, 2). Предполагаемая техника укладки бревен венцов, прослеженная в углах, несколько необычна. Исходя из полевых наблюдений, исследователи полагают, что бревна соединялись друг с другом без вырубki чаши, или лапы, как принято в знакомой нам плотницкой традиции. «При таком способе сочленения... каждое бревно одним из своих концов перекрывало предыдущее...» [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 122]. В углах постройки между бревнами (плахами) были зафиксированы короткие горелые жерди. По мнению авторов реконструкции, эти жерди вставлялись между бревнами для стягивания (скрепления) венцов сруба.

Предполагается, что жилища внешне представляли собой «четырёхскатные конструкции пирамидальных очертаний» (рис. 1, 2). «Жердевые стропила выводились из углов “сруба” к центру жилого помещения, располагаясь к плоскости пола под углом в 60° . Их верхние концы соединялись между собой внахлест, образуя один пучок. Ниже на стропила могла насаживаться верхняя рама-обвязка, которая придавала жесткость верхней части конструкции. Высота жилища №1 при расчетных размерах основания и величине угла наклона стропил равнялась приблизительно 7,5 м, а высота жилища № 2 – около 6 м.

Кровля собиралась из продольно расщепленных стволов каменной березы, вплотную подогнанных друг к другу. Нижние их концы упирались в грунт, а верхние, сходящиеся на «конус», крепились к стропилам и раме-обвязке. Для этих целей, вероятно, ис-

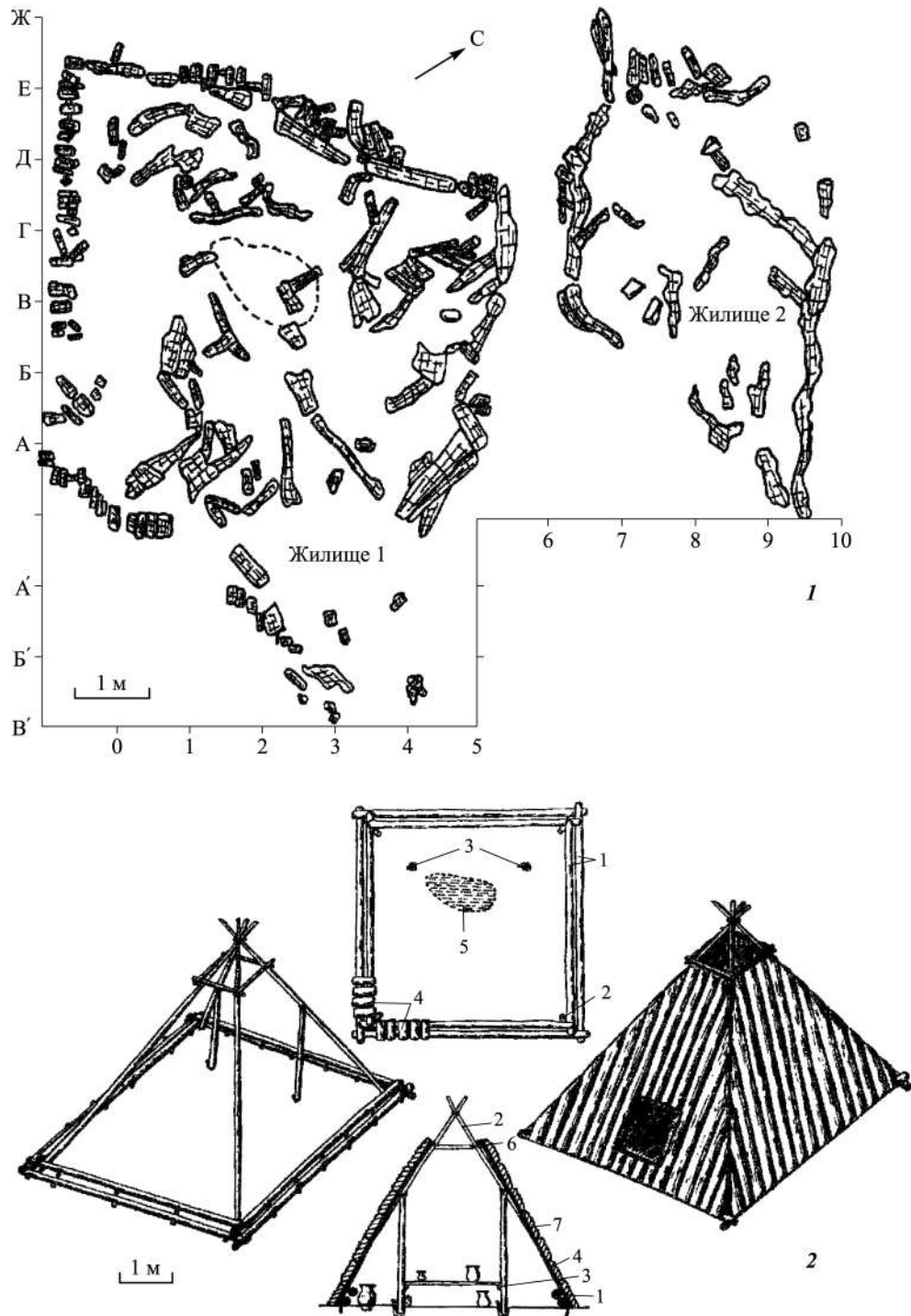

Рис. 1. План жилищ 1 и 2 памятника Букинский Ключ-2 (1) и графическая реконструкция жилища-1, предложенная С.П. Нестеровым (по: [Древности Буреи, 2000, с. 167, рис. 67, 309, рис. 83]).

Fig. 1. Plan of dwellings 1 and 2 of the Bukinsky Klyuch-2 site (1) and graphic reconstruction of dwelling 1 proposed by S.P. Nesterov [Nesterov, Grebenshchikov, Alkin et al., 2000, p. 167, fig. 67, 309, fig. 83].

пользовались железные гвозди, обнаруженные при расчистке пожарищ, а также различного рода веревки и заменяющие их гибкие стволы дикорастущих лиан... дополнительной опорой для жердей перекрытия могли служить подпорки в виде одного /жилище № 2/ или двух /жилище № 1/ столбов, о которых уже упоминалось выше.

Сверху жерди перекрытия покрывались большими листьями бересты, а затем обкладывались дерном. При вскрытии культурного слоя в наджилищном пространстве была обнаружена сгоревшая кора белоствольной березы, а также многочисленные пятна интенсивно прокаленной почвы, расположенные поверх обугленных деревянных конструкций... Вершина пирамиды оставалась, вероятно, открытой. Образовавшееся отверстие служило для освещения внутреннего пространства и вывода дыма...» [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 123].

Памятник был определен, исходя из комплекса артефактов и экофактов, как сезонная промысловая заимка, обитатели которой занимались осенними заготовками дикоросов, охотой и рыболовством, выделкой шкур и первичной обработкой болотных руд [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 128]. Позднее сезон обитания стоянки Букинский Ключ-2 был уточнен: это теплое время года – весна, лето и осень [Древности Буреи, 2000, с. 147, 167].

РЕКОНСТРУКЦИЯ, ПРЕДЛОЖЕННАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Начиная с первой публикации материалов памятника, его исследователи отмечали сходство данных сооружений с жилищами, бытовавшими у отдельных групп якутов [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 124–125]. Так, в материалах «Историко-этнографического атласа Сибири» мы находим описание наземных строений, внешне выглядящих как четырехгранная пирамида [с. 145; с. 208, табл. XI, рис. 8]. Основными опорными конструкциями для них служат невысокий сруб и установленные на грунт в углах этого сруба четыре наклонных стропила, скрепленных вершинами в пирамидальный каркас кровли.

Представляется, что при проведении аналогий авторы исходили из таких черт сходства, как наземное жилище, отсутствие столбовых ям, наличие низкого сруба по периметру. Еще одной особенностью якутских жилищ данного типа (по-видимому, окончательно решившей ситуацию в их пользу) было устройство входа. «Два нижних бревна сруба (основания) служили порогом. Порог был высокий, поэтому перед ним насыпали землю в виде пологого ската...» [Там же, с. 145]. Схожую деталь, зафиксированную при раскопках Букинского Ключа-2, исследователи называли пандусом, что отмечалось [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 125].

Отдельные видимые различия этнографических данных и предложенной реконструкции были сразу замечены исследователями. Так, оговаривалось, что якутские срубы относительно высокие, в 5–6 венцов. Напомним, что исследователи памятника, описывая конструкцию постройки, порой говорят о двухвенцовом срубе из бревен, подчеркивая условный характер применения термина «сруб» кавычками. Позднее С.П. Нестеров, касаясь конструкции жилищ, говорит уже не об углистых плахах, а о прямоугольной в плане раме из обугленных жердей и плах, ширина которых составляет до 16 см, и толщина до 4 см [Древности Буреи, 2000, с. 134–135]. Но в любом случае, даже с учетом выгорания деревянных конструкций и уменьшения их сечения, изначальная высота основания из плах по периметру жилища была невелика. Как представляется, понимание этого и привело к более частому использованию термина «рама-основа», а не *сруб*.

Также было отмечено, что у этнографических жилищ щели сруба и крыши заделывались мхом, после чего кровля покрывалась пластами лиственничной коры, без применения дерна [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 124–125]. Что касается построек Букинского Ключа-2, то у них над горелыми конструкциями кровли, в центральной части сооружений, фиксировались береста и прокаленный грунт. Это было расценено авторами как результат сгорания скатов крыши, крытых не только берестой, но и дерном.

Отметим неясности в описании планиграфической и стратиграфической ситуации в раскопе, допускающие произвольное толкование.

1. Размещенные в публикациях планы не позволяют отчетливо видеть по периметру жилищ № 1 и 2 два венца рамы-основы, о которых говорит С.П. Нестеров [1998, с. 35; Древности Буреи, с. 134]. Примем как информацию это мнение, основанное на полевых наблюдениях.

2. Противоречива информация о планиграфии участка, где отмечен разрыв рамы-основы в юго-восточной стене постройки. Этот разрыв авторы рассматривают как вход. Так, говорится о расположенном здесь утоптанном пандусе, *перекрывавшем* жерди рамы каркаса [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 121; Древности Буреи, с. 135]. Опубликованные планы не подтверждают этого, перекрытие плах не обозначено. Возможно, рама здесь попросту разорвана вследствие упомянутого авторами оползания слоя по склону [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 120], искажившего и контур построек. Добавим, что разрыв жердей рамы и перекрытие жердей насыпью – понятия не тождественные.

Реконструкция, предложенная авторами в публикации 1991 г., имея ряд сильных сторон, также вызывает некоторые сомнения.

О конструкции каркаса и крыши. Вызывает сомнения часть положений реконструкции, относящаяся к расчетам пропорций и размеров построек. Так, авторы полагают, что стропила выходили под углом в 60° к плоскости пола, при этом предложенная ими высота жилища должна составлять около 7,5 м. Скорее всего, здесь мы имеем дело с ошибкой в расчетах (так, исходя из указанной высоты, вычисляемая длина угловых стропил достигнет 8,5–9 м). Соответственно до близких величин возрастает и длина жердей или бревен кровли, особенно в центральной части каждого из 4 скатов.

В целом при сохранении тезиса о форме постройки в виде пирамиды предлагаемый размер настаивает даже при уменьшении длины стропил до 6 м, а высоты жилища, соответственно, до 4 м. При расчете конструкции из 4 стропил длиной 6 м, а также жердей или плах кровли немного меньшей длины, к тому же покрытых пластами дерна, вес крыши достигает 10 т. В этом варианте нагрузка на наклонные стропила представляется чрезмерной и даже опасной для обитателей. Кроме того, при такой длине скатов (при покрытии их по всей площади) потребуются изготовление соизмеримых плах кровли. Усложнится и рабочий процесс подгонки и крепления плах и корьевого покрытия на большой высоте от земли. Как следствие, данные работы представляются слишком трудоемкими для сооружения сезонной заимки.

При большой высоте нерационально велик будет неиспользуемый объем помещения, потребуются дополнительный расход топлива для обогрева. Заметим, что в суровых климатических условиях Приамурья высота этнографических жилищ, отапливаемых очагом, редко превышала 2,5–3 м.

Предполагаемое крепление жердей крыши к каркасу с помощью гвоздей [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 123] и вообще применение гвоздей в таком объеме представляется крайне расточительной технологией до XX в., когда распространилось их фабричное производство. К тому же однозначно назвать гвоздями 3 железных стержня без шляпок из двух жилищ Букинского Ключа-2 [Древности Буреи, с. 314, рис. 88, 2, 3, 4] не совсем корректно.

Также авторы реконструкции предположили, что скаты крыши¹ могли быть выложены пластами дерна поверх бересты. Напомним, что предлагаемая крутизна скатов 60° . Поэтому вероятность, что дерн

удержится на поверхности с таким углом падения очень мала. Например, при создании *реконструкции-имитации* мохэского жилища существенно меньших размеров дерн был уложен только на $2/3$ высоты скатов. Дерн все же на скатах удерживался, но судя по тексту, на них были набиты частые поперечные перекладины [Нестеров и др., 2014, с. 69]. Подобный технический прием, причем с существенным расходом гвоздей, представляется маловероятным для раннего Средневековья таежной зоны. Залегание прокаленного грунта поверх горелых конструкций и бересты для построек Букинского Ключа-2 необходимо обосновать иначе.

О конструкции оснований жилищ. Вызывает большие сомнения предложенная исследователями идея об укладке плах или бревен рамы – «костром» и «веерным способом сочленения углов», согласно предлагаемой терминологии (см.: [Нестеров и др., 2014, с. 66]). «При таком способе сочленения, когда каждое последующее бревно одним из своих концов перекрывало предыдущее, образовавшаяся связка получалась достаточно прочной и устойчивой к разрушению» [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 122]. Иначе говоря, предполагается, что каждое укладываемое бревно рамы одним концом подсовывали под торцовую часть примыкающего бревна, уложенного перпендикулярно, а другим концом укладывали сверху на конец противоположного, также перпендикулярного (рис. 1, 2).

Предполагаемый авторами такой технический прием не совсем совместим, по нашему мнению, с тезисом об использовании бревен. Рама из леса-кругляка, уложенного по предлагаемой схеме, изначально является потенциально неустойчивой. Велика вероятность, что при таком способе крепления углов рамы на «довольно крутом склоне» [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 125] бревна могут раскатиться от общей нагрузки. А укладка подобным образом второго венца может быть еще менее устойчивой. Ошибочным представляется и тезис о назначении коротких жердей, которые были зафиксированы между бревнами (плахами) сруба. Сомнительно, чтобы такой прием помогал стягивать или скреплять бревна конструкции, а не наоборот, разрывал их сцепку.

Добавим, что при укладке бревен «веерным способом» теряется сам смысл сооружения «сруба», слишком велики будут щели. Так, в углах «сруба» или рамы-основы щель между поверхностью земли и нижней поверхностью бревна, уложенного поверх конца перпендикулярного бревна, будет достигать диаметра нижнего бревна. По нашему мнению, нижний ряд основания стен (рамы-основы) мог состоять только из *плах*. Причем плахи должны лежать на грунте плашмя, плоской стороной вниз, для большей сцепки.

¹ Общим недостатком терминологии является отсутствие или исчезновение в русском языке понятия, обозначающего скаты крыши или наклонные грани крыш для построек, у которых вертикальных стен практически нет. Термины «крыша» или «скаты крыши» в этом случае не совсем точны, термин «стень» вообще не применим. На сходную проблему при анализе китайских источников исследователи уже обращали внимание [Гребенщиков, Нестеров, с. 127].

Вообще, зафиксированное исследователями применение именно плах при строительстве жилищ Букинского Ключа-2 представляется достаточно важным признаком. Изготовление плах – процесс более трудоемкий, по сравнению с использованием просто и быстро заготавливаемого кругляка. Закономерен вопрос – чем были обусловлены дополнительные трудозатраты?

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И АНАЛОГИИ

Среди материалов о домостроении коренных народов Дальнего Востока наше внимание привлекло описание строительства сезонной постройки негидальцев. Согласно сообщению информатора С.А. Гохты, опубликованному Д.В. Янчевым: «...для такой постройки требовалось заготовить 50–52 плахи. Бревна разрубались на две части по длине и получались плахи 2,25–2,5 м. Зимой счищали с земли снег до дерна и устанавливали две опоры – фундамент. Каждая опора состояла из трех длинных плах (3–4 м): две из них плотно и вдоль клали на землю, а третью – на них сверху. Ширина между опорами – 3–4 м. На верхней плахе вырубался глубокий паз, в который вставляли вертикальные с небольшим наклоном плахи, служащие стенами» [Янчев, 2010, с. 94].

Обратим внимание на описание устройства вертикальных опор конструкции. «...Перед тем, как установить стены с внутренней стороны опор² ставился каркас из вертикально стоящих столбов-плах с небольшим наклоном к крыше и прямоугольной рамой наверху. Полученный каркас обставляли вертикальными с наклоном плахами, оставляя неприкрытым только входное и дымовое отверстия в зимовье» [Там же, с. 94].

Дополнительно приведем сведения о внутреннем интерьере жилища негидальцев: «...Наверху

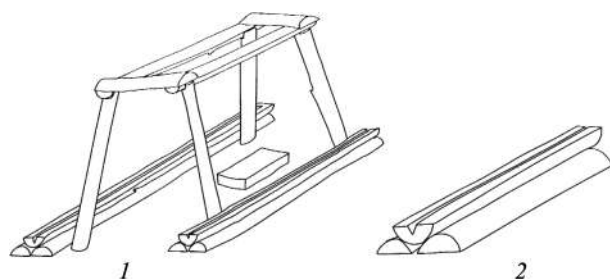

Рис. 2. Графическая схема основы конструкции зимовья негидальцев. Составлено по: [Янчев, 2010].

Fig. 2. Graphic scheme of the construction base of the Negidal winter hut. Compiled by: [Yanchev, 2010].

² Под термином «опоры» в цитируемой статье, и только здесь, подразумевается уложенный на землю своеобразный деревянный фундамент, точнее – основание стен (скатов крыши) из плах.

имелось отверстие для выхода дыма. Место для очага огораживали камнями или срубом из плах, внутренность его засыпалась землей. Огонь в очаге поддерживался круглые сутки. Под стенами из жердей сооружались настилы для продовольствия, снаряжения и продукции охотничьего промысла» [Там же, с. 94]. Отметим, что в приведенном тексте не содержится сведений об использовании дерна для утепления кровли. К сожалению, и сам способ утепления вообще не оговаривается.

Устройство низкого основания для скатов крыши (стен) у негидальцев вызывает особый интерес. В отличие от имеющейся реконструкции *рамы-основы*, предложенной А.В. Гребенщиковым и С.П. Нестеровым для Букинского Ключа-2, здесь 2 секции основания стен состояли из 3 плах, уложенных в 2 яруса по высоте (рис. 2, 2).

Мы полагаем, по аналогии с этнографическими данными, что конструкция оснований жилищ на Букинском Ключе-2 была схожей. Вероятнее всего, у археологических построек отдельные части (секции) *рамы-основы* также состояли из 3 плах. А фиксация всего 2 плах, составляющих секцию, может быть следствием истлевания или разрушения конструкций в ходе археологизации жилищ. Логично сочетается с этим и упомянутое авторами искажение контура построек склоновыми процессами.

Использование плах при сооружении основания стен является весьма рациональным. В частности, их применение упрощает строительство зимой, без рытья мерзлого грунта. В отличие от круглых бревен, плахи, обращенные плоской стороной вниз, имеют большую площадь соприкосновения с грунтом и большую устойчивость к поперечному смещению. Укладка 3-й плахи (бревна?) в верхний ряд также рациональна, учитывая прорубленный по ее длине паз, в который вставлялись нижние концы плах кровли.

Однако необходимо отметить и различие конструкции негидальского зимовья и жилищ на Букинском Ключе-2. В этнографическом описании говорится о сооружении 2 секций оснований стен на 2 противоположных сторонах постройки (рис. 2, 1). А в жилищах, исследованных археологами, рама из плах расположена по всему периметру.

Сопоставить устройство верхней части зимовья негидальцев и жилищ Букинского Ключа-2 сложно. В жилище негидальцев прямоугольная рама крыши была плоской и накрывала сверху скрепляемые ею плахи-столбы. Отсутствие более подробных деталей позволяет лишь предполагать врезку рамы по торцам плах посредством шиповых и пазовых соединений. Подобное скрепление верха опорных конструкций, конечно, возможно и в археологических жилищах, однако вряд ли было распространено при скудном наборе инструментов в таежной зоне Приамурья в ран-

нем Средневековье. Скорее всего, наиболее предпочтительным, а для наших современников и само собой разумеющимся способом, является использование крупных гвоздей или плотницких скоб. Однако распространение в хозяйстве подобных технологических усовершенствований (гвозди, скобы) произошло достаточно поздно – в эпоху развитого Средневековья, а для большинства народов таежной зоны Дальнего Востока – в XX в.

Исходя из сказанного, более предпочтительным для сооружения каркаса временного жилища (промыслового зимовья) представляется наименее трудозатратный способ, без использования металлического крепежа. Поэтому откажемся от рамы, размещенной поверх плах, и вернемся к предположению авторов раскопа на Букинском Ключе-2 об использовании в качестве основной опорной конструкции 4 наклонных стропил, скрепленных вершинами. Данная схема представляется наиболее вероятной и в силу ее широкого распространения в таежной зоне. Этнографам такие сооружения известны, и это не только жилища якутов с пирамидальной крышей.

В поисках максимально близких аналогов обратимся к уже упомянутой ссылке авторов на материалы «Историко-этнографического атласа Сибири» [с. 145, табл. XI, рис. 8–13]. Эти данные в монографии непосредственно соседствуют с описаниями и изображениями своеобразных построек (рис. 4), основными опорными конструкциями которых также являются 4 стропила, соединенных вершинами [Там же, табл. XI, рис. 14–15]. Такие жилища, называемые «голомо», имеют вид усеченной пирамиды с 4 скатами и каркасом из стропил над плоской площадкой крыши; еще в XX в. они были характерны для ряда народов Севера и Сибири [Соколова, 1998]. Заметим, что в «Историко-этнографическом атласе Сибири» термин «голомо» не используется.

КОРРЕКЦИЯ ИМЕЮЩЕЙСЯ СХЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

Обобщим приведенные выше данные археологических и этнографических источников, учитывая сильные стороны предложенной авторами реконструкции построек Букинского ключа-2.

Изначально квадратом, по периметру будущей постройки, укладывались 4 секции основания стен, образуя раму-основу, согласно терминологии С.П. Нестерова. При этом каждая секция основания состояла из 3 плах. Две из них укладывались на грунт вплотную к друг другу, плоской стороной вниз. На нижние 2 плахи каждой секции или в образованное между ними углубление помещалась плаха (или бревно) верхнего ряда. Вероятнее всего, при укладке она специально сдвигалась продольно на нижние плахи

примыкающей перпендикулярной секции (рис. 3, 1). Это смещение, видимо, и зафиксировано при раскопках, но интерпретировано как укладка бревен или плах рамы-основы так называемым костром [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 123]. Подобное смещение вполне рационально, с учетом последующей нагрузки, вызываемой весом плах, образующих скаты крыши. Оно увеличивает сцепку между секциями в углах рамы без вырубки соединений «в лапу» и т.п. Кстати, при этом вполне возможна подтека конца верхней плахи, укладываемого поверх поперечных стыкуемых плах.

Внутри образованной из 4 секций рамы на грунт устанавливалась пирамидальная конструкция из 4 стропил, скрепленных вершинами. Судя по этнографическим данным, стропила чаще всего скреплялись путем связывания или сцепки оставленных развилок и сучьев.

В плахах или бревнах верхнего ряда рамы-основы прорубался продольный паз. В паз вставлялись нижние концы плах, из которых составлялись наклонные скаты. Подгонка нижних концов этих плах могла осуществляться, как у негидальцев, просто и эффективно – заострением и установкой в продольный паз (рис. 3, 2). Другой вариант – в случае, если нижние концы плах крыши не были приострены. Тогда их могли также упирать в верхнее бревно рамы основания, но уже с более широко вырубленным в нем пазом (например, выбранной так называемой четвертью).

Здесь к месту повторить, что авторы раскопа на Букинском Ключе-2 сообщают об использовании в качестве плах крыши «...продольно расщепленных

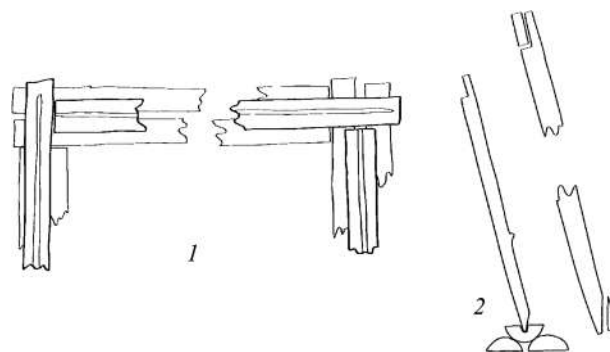

Рис. 3. Предлагаемая реконструкция конструктивных элементов каркаса жилищ Букинского Ключа-2 согласно этнографическим данным.

1 – схема нижней рамы из плах; 2 – установка плах крыши без применения гвоздей.

Fig. 3. The proposed reconstruction of structural elements of the dwelling frame of Bukinsky Klyuch-2 according to ethnographic data.

1 – diagram of the lower frame made of blocks; 2 – installation of a roof block without nails.

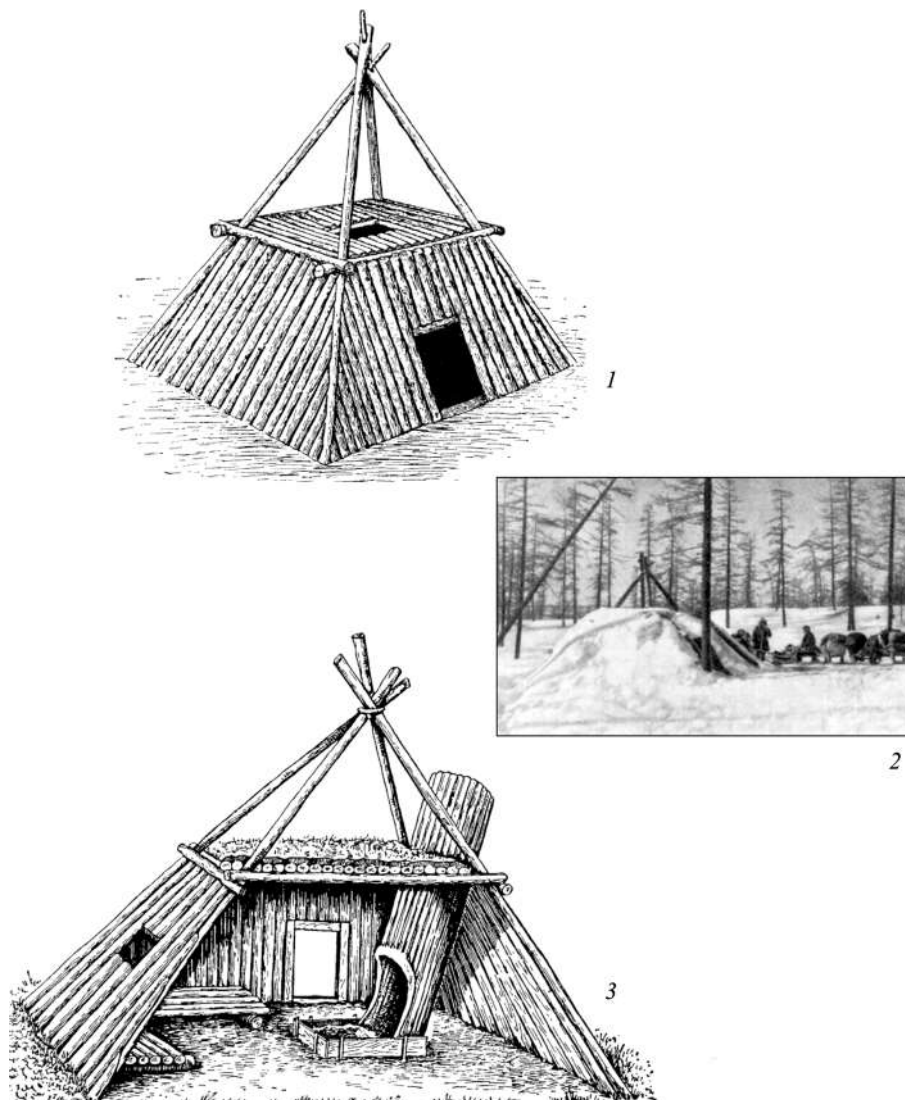

Рис. 4. Зимние жилища эвенков и долган (1, 2), якутов (3).

По: [Этнографический атлас..., 1961, с. 183, табл. 23; 208, табл. XI, рис. 14, 15].

Fig. 4. Winter dwellings of Evenks and Dolgans (1, 2), Yakuts (3).

By: [Levin, Potapov, 1961, p. 183, tab. 23; 208, tab. XI, fig. 14, 15].

стволов каменной березы³, вплотную подогнанных друг к другу...» [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 123].

На высоте около 2–2,5 м на скрепленные пирамидой стропила опиралась квадратная рама плоской крыши. При этом ее врезка в стропила могла вообще

не производиться или была неглубокой. Раму вполне надежно подпирали верхние концы плах кровли, упирающиеся в нее. Вверху они могли фиксироваться с помощью обычного прямоугольного выреза на торце (рис. 3, 2). Данный технический прием, без примене-

³ Каменная береза (она же береза Эрмана) широко распространена на огромной территории – от Ангары до Камчатки и Кореи. Как сообщают дендрологи, каменная береза в молодом возрасте соперничает с белоствольной березой «...стройностью стволов, а также белизной и нежностью коры...». По мере взросления, в возрасте около 150(!) лет, начинается искривление и скручивание древесины ствола, растет толщина бересты, меняются ее структура и цвет [Быкасов, 2017, с. 92].

Для дальневосточной археологии вопрос об использовании древними строителями каменной березы довольно интересен, в

связи с неоднократными сообщениями о ее применении в конструкциях различных жилищ. В нашем случае мы имеем дело с информацией о применении плах для скатов крыши из стволов каменной березы, расколотых вдоль на Букинском Ключе-2. В контексте сказанного выше расщепление взрослых, скрученных и свилеватых стволов на ровные плахи длиной около 2–2,5 м. (даже не 5–7-метровых!), представляется маловероятным. Возможным объяснением будет изготовление плах из молодых стволов каменной березы, а уже позднее происходила деградация древесины и коры в ходе археологизации остатков жилища, при пожаре или в грунте.

ния гвоздей или вязок, зафиксирован этнографами, и его упоминали со ссылкой на якутские жилища авторы реконструкции [Гребенщиков, Нестеров, 1991, с. 125].

Важно, что при такой установке плахи скатов выполняли функции сплошной опоры для рамы крыши по всему ее периметру. Тем самым со стропил снималась основная часть нагрузки. При этом, как представляется, большой вес крыши составляли именно ее плахи. Кстати, целесообразность применения плах, а не круглого леса при строительстве, может быть объяснена исходя из очевидной задачи – снижения веса всей конструкции. К применению плах пришла и группа С.П. Нестерова при создании реконструкции-имитации мохэского жилища [Нестеров и др., 2014, с. 67].

После установки наклонных стен (скатов) на раму укладывалась плоская крыша из плах. Далее крыша и ее наклонные скаты утеплялись корой деревьев. На Букинском Ключе-2, согласно опубликованным данным, использовалась береста белоствольной березы. Плоскую часть крыши (верх) дополнительно покрывали пластами дерна. В этом случае дерн не только выполнял задачу тепло- и гидроизоляции плоской части крыши, но и удерживал полотнища бересты.

Внешний вид жилища представлял собой усеченную пирамиду, над плоской вершиной которой возвышался каркас из 4 пирамидально сходящихся стропил. Утепление скатов кровли дерном или грунтом производилось только в их нижней части. Естественно, зимой скаты утепляли снегом (рис. 4, 2).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

ГОЛОМО: ПОНЯТИЕ, ТЕРМИН ИЛИ ТИП

Как уже сказано, к наземным жилищам Восточной Сибири, основной опорной конструкцией которых являлись 4 стропила, соединенных вершинами, в этнографии применяется название *голомо*. Обычно эти постройки имели вид пирамиды либо усеченной пирамиды с 4 скатами и каркасом из стропил над плоской площадкой крыши.

Неоднократно упоминание названия «голомо» при описании жилищ этнографического времени таежной зоны, и главное – параллели между археологическими и этнографическими данными заставляют обратить больше внимания на содержание данного понятия. Представляется, что в первую очередь необходимо рассмотреть набор признаков, характерных для жилищ, называемых «голомо», и, в случае расширенного толкования понятия – оговорить рамки его возможного использования.

Голомо широко распространено почти по всей территории Западной и Восточной Сибири и Дальне-

го Востока (от Таймыра – долганы, нганасаны, Оби и устья Енисея – ханты, кеты, до Якутии и Приамурья – якуты, юкагиры, эвенки) [Соколова, 1998, с. 19, 62–63, 65, 73].

«У хантов отмечены пирамидообразные и усеченно-пирамидообразные жилища, лишь на высоту дерна углубленные в землю (т. е. почти наземные), в т.ч. и наземные, с основой из 4 опорных наклонных столбов, похожие на голомо...» [Там же, с. 38]. Отметим, что «Историко-этнографический атлас Сибири», характеризуя домостроение хантов, представляет только иллюстрацию пирамидальной постройки, без плоского верха крыши [с. 208, табл. XI, рис. 1]. Ее опорная конструкция также состоит из 4 стропил, поставленных по углам на грунт и соединенных вершинами.

Однако двумя указанными вариантами морфологии голомо не ограничивается. Широкое разнообразие демонстрируют разновидности голомо, строившиеся одним из самых распространенных этносов Сибири и Дальнего Востока – эвенками. Одной из первых описала данный вид жилищ Г.М. Василевич, называя его коническим корьевым чумом и относя к постоянным зимним жилищам: «Сооружали его из плах – расколотых пополам нетолстых стволов. Основу остова составляли, как и в чуме, из 4–5 плах (из них две – у входа и одна, срединная – нерасколотый пополам ствол), их прислоняли друг к другу или связывали вверху, ...снаружи внизу окапывали землей, обкладывали сверху дерном, а зимой еще и снегом. Некоторые из эвенков ставили жерди не вплотную и остов покрывали снаружи корой лиственницы, пригнетая ее толстыми палками... Голомо (утэн) от эвенков проникло к якутам, но последние строили его по-своему, поэтому его конструкция отличалась от тунгусской. Эвенки, жившие среди якутов, ставили утэн по якутскому образцу» [Василевич, 1969, с. 112–113].

«Полуоседлые и бродячие группы эвенков... зимой жили в постоянных стационарных постройках, четырехугольных или округлых в плане – голомо (*голомо, голомо утэн, удама дю...*)... Форма его могла быть пирамидальной или усеченно-пирамидальной в зависимости от способа соединения основных (4 или 5) опорных шестов (упирающихся вершинами друг в друга, как в чуме, соединенных вершинами парами или посредством четырехугольной рамы на расстоянии 2/3 высоты). ...наклонно приставляли плахи, жерди, сверху все покрывали корой лиственницы, затем дерном, землей, зимой – и снегом... Планировка внутри голомо – такая же, как в чуме. Голомо используется и сейчас в качестве промыслового жилища.

Среди голомо встречаются прямоугольные и округлые в плане за счет того, что бревна и плахи приставляются к остова по кругу. Но четыре основ-

ных опорных столба соединены наверху четырехугольной рамой... По-видимому, голомо с округлым основанием – либо переходная форма от чума к голомо, либо смешанная форма, когда элементы разных типов жилищ соединены в одном» [Соколова, с. 51].

Добавим, что при характеристике построек дальневосточного этноса – эвенов, З.П. Соколова использует термин – «голомо тунгусского типа» [Там же, с. 59]. Содержание определения не раскрыто, сведения ограничиваются лишь названием, но судя по примененному этнониму, в виду имеются описанные выше разновидности голомо у эвенов.

Жилище голомо, иногда со снятием дерна внутри, отмечено у кетов. Его описание дано крайне скудно, оговаривается, что форма могла быть конической, и что основу каркаса могли составлять 4–5 стропил. Попутно отметим наблюдение со ссылкой на предшествующих исследователей, считающих, что по некоторым деталям опор и их расположению можно предполагать конструктивное сходство голомо кетов с чумом [Соколова, с. 49].

Как мы видим, кроме пирамидальных и усеченно-пирамидальных построек, к голомо отнесены и наземные жилища, также опирающиеся на 4 опоры, но имеющие в плане не прямоугольное, а округлое основание. Представленное разнообразие признаков, их неустойчивое сочетание некоторым образом размывают содержание понятия «голомо» и, по-видимому, свидетельствуют о весьма широком его применении. Или же мы имеем дело с достаточно свободной трактовкой определения голомо из-за небрежности исследователей, его применяющих. В контексте сказанного говорить о типе представляется затруднительным. Однако считаем, что наиболее устойчивое сочетание признаков в группе жилищ, относимых к голомо, может быть рационально отсечено от остального разнообразия.

По-видимому, сооружение крыши в виде пирамиды характерно для построек малой площади и, соответственно, малой высоты. В свою очередь, усеченно-пирамидальная форма оправдана для больших жилищ, высота которых в случае сооружения пирамидальной крыши почти на всю длину стропил была бы чрезмерной.

Как выглядела опора или основание этнографических голомо, данных нет. Можно допустить, что порой жилище сооружалось без какой-либо рамы, тем более сруба, прямо на грунте. Или описывавшие жилища этнографы сочли эти детали малозначащими, больше обращая внимание на непривычный для европейцев пирамидальный вид постройки и ее каркас.

При этом надо заметить, что голомо является общим атрибутом культуры народов Севера, долго сохранявших кочевой хозяйственно-культурный тип и

относительно недавно оставивших его. В его конструкции, как уже сказано, явственно прослеживаются некоторые общие черты с чумом, что, видимо, говорит об их генетическом родстве. Специально отметим, что у голомо порой встречается специфическое оформление узла соединения наклонных опор [Историко-этнографический атлас Сибири, с. 208, табл. XI, рис. 2, 7, 9–10]. Такой узел схож по оформлению и конструктивным особенностям с деталями верхнего крепления шестов чума.

Видимо, наблюдаемое этнографами разнообразие голомо отражает прослеживаемое в динамике эволюционное развитие жилища, взявшего за основу чум. Множество вариантов, называемых «голомо», может быть показателем многолинейности процесса развития домостроения при освоении таежной зоны народами – носителями различных традиций. Вероятно, архаичные черты, перенесенные в конструкцию голомо, являются свидетельством определенной инерции в культуре, что выражается в сохранении отработанного тысячелетиями жилища таежных и тундровых обитателей.

Потенциально возможно использование термина «голомо» на уровне типа при реконструкции или классификации археологических объектов. При этом необходимо учесть его широкое распространение и неясную этимологию, возможно, распространенную среди многих народов Севера с древности. Вопрос о корректном применении данного термина предлагается для обсуждения.

В нашем случае к голомо как типу предварительно предлагается отнести по набору устойчивых признаков именно наземные жилища с четырехскатной кровлей, центральной опорной конструкцией которых являются 4 стропила, скрепленных вершинами. При этом тип может быть разделен на 2 подтипа – пирамидальной и усеченно-пирамидальной формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Быкасов В.Е. Каменная береза Камчатки // Природа. 2017. № 2. С. 88–95.
- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.), Л.: 1969. 304 с.
- Волков Д.В. Домостроение найфельдской группы мохэ в Восточной Азии // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7. С. 176–182.
- Гребенчиков А.В., Нестеров С.П. Средневековая заимка на р. Буре (реконструкция жилищ) // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1991. С. 119–137.
- Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенчиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табаров, А.В. Чернюк / отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 352 с.
- Историко-этнографический атлас Сибири / ред.: М.Г. Левин и Л.П. Потапов. М.; Л.: Изд-о АН СССР, 1961. 496 с.
- Нестеров С.П. Северные шивэй в Приамурье // Традиционная культура востока Азии: Археология и культурная антропология. Благовещенск. 1995. С. 105–122, 244–249.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Издательство ИАЭ СОАН, 1998. 184 с.

Нестеров С.П., Мельников В.П., Волков Д.П., Наумченко Б.В. Реконструкция-имитация раннесредневекового жилища в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 64–76.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ИПА «Три Л», 1998. 284 с.

Шеломихин О.А., Нестеров С.П., Алкин С.В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы и исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. 194 с.

Янчев Д.В. Жилые, промысловые, хозяйственные и ритуальные постройки негидальцев (середина XIX–XX вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. №3 (14). С. 92–99.

REFERENCES

Bykasov V.E. (2017). Stone birch of Kamchatka. *Priroda*. No. 2, pp. 88–95. (In Russ.)

Grebenshchikov A.V., Nesterov S.P. (1991). Medieval hunting hut on the Bureya River (dwelling reconstruction). *Material'naya kul'tura i problemy arkhеologicheskoy rekonstruktsii*. Novosibirsk, pp. 119–137. (In Russ.)

Levin M., Potapov L. (Eds). (1961). Historical and ethnographic atlas of Siberia. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sciences Publ., 496 p. (In Russ.)

Nesterov S.P., Grebenshchikov A.V., Alkin S.V., Bolotin D.P., Volkov P.V., Kononenko N.A., Kuz'min Ya.V., Myl'nikova L.N., Tabarev A.V., Chernyuk A.V. (2000). Antiquities of Bureya. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 352 p. (In Russ.)

Nesterov S.P., Myl'nikov V.P., Volkov D.P., Naumchenko B.V. (2014). Reconstruction-imitation of an early medieval dwelling in the western Amur Region. *Archeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia*. No. 4, pp. 64–76. (In Russ.)

Nesterov S.P. (1995). Northern shiwei in the Amur Region. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii: arkhеologiya i kul'turnaya antropologiya*. Blagoveshchensk, pp. 105–122, 244–249. (In Russ.)

Nesterov S.P. (1998). The Amur Region peoples in the early Middle Ages. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 184 p. (In Russ.)

Sokolova Z.P. Dwelling of the Siberian peoples (the typology experience). Moscow, Tri L, 284 p. (In Russ.)

Shelomikhin O.A., Nesterov S.P., Alkin S.V. (2017). The Bureya Valley in the Paleometal age: materials and studies of Bukinsky Klyuch-1 and Bezumka sites. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 194 p. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (1969). Evenki. Historical and ethnographic essays: (the XVIII – early XX centuries). Leningrad, 304 p. (In Russ.)

Volkov D.V. (2011). Housing construction of the Naifeld Mokhe group in East Asia. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 10, no. 7, pp. 176–182. (In Russ.)

Yanchev D.V. (2010). Residential, hunting, householding and ritual buildings of the Negidals (the mid XIX–XX centuries). *Oikumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*. No. 3, pp. 92–99. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2023

Дата рецензирования 26.01.2023

Статья принята к публикации 01.02.2023

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20230107
УДК 94(571) "162/163"

И.Р. СОКОЛОВСКИЙ

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ТОМСКИХ СОБЫТИЙ 14 ИЮНЯ 1634 г.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Так называемый заговор, который, согласно воеводской отписке 1634 г., составила томская «литва», привлекает внимание ученых с конца XIX в. – момента появления публикации Н.Н. Оглоблина. Однако все попытки рассмотреть и описать это события делались без учета внешнеполитического контекста. В настоящей статье впервые предпринята попытка рассмотреть, какое влияние на поведение томских воевод могли оказать события, происходившие в Южной Сибири под влиянием миграционных процессов – западных монголов («ойратов», «черных колмаков»). На основе широкого круга исторической литературы показано, что миграционные процессы прежде всего затронули местное аборигенное население, обострив его отношения как с пришлыми кочевниками, так и с русскими. На основе анализа исторических фактов, с учетом цитат из делопроизводственных документов, делается вывод, что воеводы в своих действиях могли руководствоваться страхом и общей атмосферой «военной тревоги». Показано, что изучение страха является легитимной темой современной историографии. Такая интерпретация не только объясняет беспрецедентную жестокость реакции воевод, но и распределение ссыльных по городам Сибири вплоть до конца XVII в.

Ключевые слова: уезд, русские власти, татары, русские, «литва», Тарлав, ойраты, Томск, Г.Ф. Миллер, В.Д. Пузанов.

Для цитирования: Соколовский И.Р. Внешние факторы томских событий 14 июня 1634 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 62–71. DOI: 10.15372/HSS20230107.

I.R. SOKOLOVSKY

EXTERNAL FACTORS OF THE TOMSK EVENTS ON JUNE 14, 1634

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva st., 630090, Novosibirsk, Russian Federation

The existing historiography of “conspiracy” of Tomsk “Lithuanians” in 1634, including the work of this article’s author (2014), attempted to interpret this event without regard to the broader context. Therefore, all works, starting with N.N. Ogloblin’s publication, lacked certainty to reveal the logic of Tomsk governors. The external situation in South Siberia and Northern Kazakhstan was as follows: under the influence of the migration processes of Western Mongols (“Oirats”, “Black Kolmaks”) the local aboriginal population partially went to aggravate their relations with the Russians. On the border of Siberia and Kazakh steppe, the tense situation developed for a long time. In 1620, Ufa voivodes reported on a conflict between the Mongols and the Kazakhs. In spring 1625, Russian sources found Oirats in the Ishim and Tobol River areas. In 1628, the Oirats were three days away from Tara, occupying the southern volosts of the district. In June 1628, an uprising of the Baraba Tatars led by Prince Kogutai took place, which lasted until 1630. In July 1629, the combined forces of the Tatars, Kuchum princes, Kalmyk taishas and Tarlav Tatars (about 2,000 people) marched near Tomsk. In 1630, the Oirats, together with Kuchum princes, plundered the Tebenda volost in the lower Ishim River. On May 20, 1630, in the Ob River valley, a Russian-Tatars under the command of Gavril Chernitsyn, a boyar’s son, inflicted a crushing defeat on the enemy forces. However, sources record the fact of an attack on Tomsk by “foreigners” in November 1630. Already in 1631, the Kuchum princes and Kalmyks attacked the Tara uyezd, and the Oirats occupied the southern Tyumen District. In November 1631, the Kuchum princes, Ablai and Devlet-Kirei with a detachment of 150 Barabans and Kalmyks made another sortie. In 1632–33 warriors of the Kuchum princes raided the Yasak Turks’

Иван Ростиславович Соколовский – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: sokolowski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1718-6115>.

Ivan R. Sokolovsky – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

settlements along the Iset River three times. In August 1633, the Russian detachment was surrounded and besieged near the Yamysh Lake with large forces of the Oirats (2,000 heavy horsemen). The next year, 1634, the summer camps of Talai taisha were located east of the Ishim River. Against the backdrop of these events, on June 14, 1634, Tomsk "Lithuanians conspiracy" was revealed. Three months after the events in Tomsk, on the morning of September 12, 1634, Tara was attacked. A month later (November 11, 1634) Tyumen suffered as well. It turns out that the danger for Tomsk was quite real. The author provides quotes from a number of primary sources that demonstrate fear and general atmosphere of "military anxiety". Such reading of them is quite possible within the framework of the hermeneutic approach to sources. The paper demonstrates, that fear has long been studied in modern historiography. The fear by the authority explains both the unprecedented cruelty of the reaction to the "conspiracy", and the exiles distribution among the cities of Siberia until the late XVII century.

Key words: *uyezd, Russian authorities, Tatars, Russians, "Lithuania", Tarlav, Oirats, Tomsk, G.F. Miller, V.D. Puzanov.*

ВВЕДЕНИЕ (ИСТОРИОГРАФИЯ)

Томские события лета 1634 г. получили достаточно скромное освещение в историографии. Кроме статьи Н.Н. Оглоблина [1894] они упоминаются в публикации В.С. Флерова [1954] и в разделе монографии Е.В. Чистяковой [1975]. В 2014 г. вышла наша публикация [Соколовский, 2014, с. 5–8], в которой мы даем, в частности, подробную характеристику работе Н.Н. Оглоблина. По крайней мере, так, как она видится нам. С тех пор наша точка зрения не изменилась. О других публикациях кратко будет сказано.

В.С. Флеров, томский, а затем ярославский историк, который фактически не занимался XVII в., в своей небольшой работе не только пересказывает фактологическую канву событий, но и дает интересную, на наш взгляд, оценку: «Воеводы мотивировали зверскую расправу необходимостью пресечь всякие попытки протеста со стороны ссыльных, запугать их, заставить отбросить всякую мысль о подготовке побегов. В «отписке» воевод говорилось, что «во многих, государь, в Томском в ссыльных в литовских и русских людех, в донских и волских казаках и в пашенных крестьянах о побеге "шатость"». Он полагает, что «в этом первом из известных нам движений против феодального гнета в Томске обращает на себя внимание подготовка совместного выступления служилых людей и пашенных крестьян, стремившихся избавиться от феодального гнета и искавших спасения в организованном бегстве». То есть причины конфликта трактует как исключительно социально-экономические¹ [Флеров, 1954, с. 293]. Е.В. Чистякова фактически разделяет его точку зрения [1975, с. 210].

В нашей работе мы сделали выводы о том, что «согласно приводимым им данным в заговоре приняла участие не вся «литва», а только 25 % от общего числа ссыльных», «обыск выявил вину меньше чем половины, из которой под пытками призналось менее 10 чел.». Поэтому мы полагаем, что несмотря на определенное единство культуры и веры, как и известную близость языков, существовало определенное

¹ Искреннюю благодарность выражаю, д-ру ист. наук, профессору, заведующей кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова Виктории Михайловне Марасановой за помощь в получении доступа к этой публикации В.С. Флерова.

предвзятое отношение к «литве» в Томске в 1634 г. Их воспринимали как «чужих», вселявших страх. Эти выводы во многом отражали нашу прежнюю точку зрения на поведение томских воевод – если не странное и нелогичное, то как минимум чрезмерное [Соколовский, 2014, с. 6.]. Однако вышедшая в 2010 г. работа В.Д. Пузанова, на наш взгляд, позволяет прояснить все недоумения, связанные с этими событиями, и понять истинные пружины и механизмы данного конфликта. Констатируя, что в 1630-е гг. противоречия между русскими и калмыками дошли до вооруженных стычек, он фактически определяет рассматриваемый период как русско-ойратскую войну и похода отмечает, что «в этих тяжелых условиях Томск едва не был захвачен служилой литвой, представители которой хотели истребить его русское население и бежать к себе на родину» [Пузанов, 2010, с. 64–76.]. Это замечание стало отправным пунктом для настоящей статьи, где мы попытаемся разрешить проблемы предыдущей историографии, в том числе и нашей собственной работы 2014 г. Дело в том, что, по нашему мнению, все предыдущие работы контекстуализировали события 1634 г. вне учета текущей политической обстановки, вне понимания горизонта принятия решения томскими воеводами, а поэтому не могли их адекватно интерпретировать.

ПРЕДЫСТОРИЯ (1620–1630-е гг.)

При подготовке данной статьи мы пришли к твердому убеждению, что одним из ведущих мотивов, определявшим логику поступков Никиты Ивановича Егупова-Черкасского и его «товарища», был страх.

Начнем с определения фактологической канвы событий. В.Д. Пузанов трактует события 1626–1635 гг. как русско-ойратскую войну между русскими воеводами и ойратскими тайшами Талаем, Батуро, Урлюком и Кушей (хошоуты). Предпосылки этого конфликта начали формироваться еще в первой половине 1620-х гг.

В 1620 г. ойратам, «по выражению воеводы Уфы О.Я. Прончищева, "учинилась теснота великая" от казахов и монголов». В поиске более удобных мест для кочевий ойраты переправились через р. Ишим и вышли в долину Тобола. В сентябре 1620 г. ойраты

тайши Талая уже кочевал «в поле против Итыка горы железные», т.е. примерно на расстоянии месяца пути до сибирской столицы – Тобольска (сейчас это территория Северного Казахстана). Тем же автором отмечалось, что согласно русским источникам «иные многие тайши с колмацкими людьми прикочевали блиско твоей царской отчины, сибирских городов, и кочуют ныне вверх по Ишиму промежю Тоболом». Надо помнить, что ойраты не были консолидированным целым, а состояли из мелких кочевых групп разного размера. «Улус Байбагиша в октябре 1620 г. занял район верховий Ишима и Иртыша. Большая часть ойратских улусов кочевала, по данным царевича Ишима, в то время в районе р. Камышлов. Воевода Тобольска М.М. Годунов, сообщая о перекочевке ойратов, указал и ее причину: “А прикочевали, государь, те колмацкие люди блиско твоих государевых городов для того, что воюют их колмацких тайшей Алтынцарь да Казачья орда“. По данным томского воеводы И.Ф. Шаховского, между тремя кочевыми народами был заключен военный союз: “а слажился Алтын-царь с Казацкою ордой, а казацкие люди с нагаи, и где ане в степех кочевали, и с тех их кочевья збили”» [Пузанов, 2010, с. 67].

Надо отметить, что на первоначальном этапе проникновения русских в пограничные районы Восточной Сибири общая военная обстановка была далеко не безоблачной. Так, весной 1621 г. из Томска вышла экспедиция с целью поиска природных месторождения соли («озер»), которую возглавил известный Астафий Харламов, сын боярский. В результате было обнаружено «соляное» озеро, однако вскоре доступ к нему перекрыли ойраты, которые были настроены далеко не дружелюбно [Миллер, 1941, с. 93; Дмитриенко, 2003, с. 11]. 14 июля 1623 г. в результате нападения «киргизов» на Томск гарнизон потерял 41 чел.² [Дмитриенко, 2003, с. 11]. Год спустя, 16 мая 1624 г. на город напали жители Алтая, тоже «калмыки» (но теперь уже «белые»). Население Томска серьезно пострадало, так как нападение было совершено «в страдную пору», в период полевых работ. Кроме того, нападавшие отогнали большой табун лошадей [Миллер, 1941, с. 92; Дмитриенко, 2003, с. 11].

В этой напряженной обстановке весной 1625 г. ойраты кочевали по р. Ишим и р. Тобол, в районе озер, опасаясь нападения Алтын-хана. «В 1625 г. большая часть ойратов, откочевав из района озер, находилась в районе Верхнего Ишима и Тобола, “блю-

дьясь от мунгалских людей войны”, по наблюдениям служилых людей, посланных из Тобольска в посольство к ойратам весной 1625 г. В 1625 г. внешнеполитические проблемы ойратов были осложнены борьбой между большими тайшами» (Цит. по: [Пузанов, 2010, с. 67]). А через год, в 1626 г. всего в полторах днях пути от Тары, фактически в центре современной Омской области, торгоуты, подчиненные тайше Урлюку, собрали дань с «ясачных», которые были подчинены русским [Там же, с. 70–71]. В результате в 1626–1627 гг. ясачное население Барабинской, Турашской, Теренской волостей Тарского уезда и аялымские татары не смогли выплатить ясак русским [Там же, с. 71]. В 1627 г., по территории Тарского уезда кочевали ойраты тайшей Айдара, Менгита и др. [Там же, с. 71].

В этих условиях в 1628 г. русским все же удалось начать осторожное продвижение вглубь Восточной Сибири: воевода Андрей Дубенский заложил Красноярск на Енисее, и был основан Канский острожек. Однако в том же году (1628) ойраты были в трех днях пути от Тары, заняв южные волости уезда. «В 1628 г. ойраты заняли южную часть Тюменского уезда, подойдя к городу на расстояние “за 3 днища и ближе”, изгоняя ясачных людей Кынырской, Бачкурской и Терсяцкой волостей с их угодий и вотчинных речек; по словам самих тюрок, “многих ясачных татар на промыслах всех побивают и мягкую рухлядь у них отнимают”» [Там же, с. 70]. В отношении этих территорий воеводы не могли выполнить обещание согласно присяге «а царское величество велел их держати в своем милостивом призьенье и от иных землиц их оберегать...» [Там же, с. 70].

В июне 1628 г. происходит восстание: барабинские татары во главе с князем Когутаем убили в Барабинском острожке 19 служилых людей во главе с Еремеем Пружининым³. Этот трагический эпизод вызвал падение дисциплины среди казаков: осенью, примерно до 30 сентября 1628 г., томские казаки отказались идти на службу в Кузнецкий острог из-за невыдачи им жалованья [Межов, 1891, с. 33; Дмитриенко, 2003, с. 11]. Однако уже 5 ноября 1628 г. против барабинских татар был отправлен отряд сына боярского Богдана Байкачева. Однако поход закончился безрезультатно⁴.

В 1629 г. тобольский воевода, князь Темкин-Ростовский писал в Москву, что бунтовщики Кочашки Танатарова смогли разорить деревни в окрестностях Тары, а потом присоединились к Кучумовичам.

² Баянов Е. (свящ.) Заметка по поводу статьи, помещенной в № 15, 17 и 18 «Томских епархиальных ведомостей» за 1885 г., под заглавием: Материалы для истории отношений татар, киргиз и других инородцев к русским XVII, и отчасти, XVIII веков в пределах главным образом Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1885. 1 дек. С. 15.

³ Матвеев А.В. Русско-джунгарская война в среднем Прииртыше в XVII в. // Города и остроги земли Сибирской. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/m/matveev_a_v/russko_dzhungarskaja_vojna_v_srednem_priirtshe_v_xvii_v/85-1-0-129 (дата обращения: 20.01.2023)

⁴ Там же.

«12 апреля 1629 г. в г. Таре были получены сведения о том, что восстали уже тарские татары, которые жгли, убивали и грабили в русских деревнях, возникших недалеко от города. В г. Тару из г. Тобольска были назначены более активные тобольские головы Федор Елагин и Богдан Аршинский, которые прибыли в город с пополнением из тобольских служилых людей и татар. Не найдя изменников подле города, тобольские и тарские служилые люди совершили смелый рейд к оз. Чаны, где отбили русских пленников, отняли добычу, уничтожили большую часть восставших»⁵.

В июле 1629 г. состоялся поход объединенных сил татар, Кучумовых царевичей, калмыцких тайшей и Тарлавы (около 2000 чел.) от оз. Чаны на устье р. Томь. В августе 1629 г. отряд царевича Аблайгерима (130 калмыков и тюрок) объявился в Чатском городке у мурзы Тарлавы, где пробыл около 10 дней. [Миллер, 1941, с.99]. Осенью того же года Аблайгерим, собрав отряд в 2000 чел. (из ойратов, барабинцев и чатов), разорил Мурзин городок, а также тюркские и остяцкие «юрты» на всем протяжении от Чатского городка на р. Оби и до устья р. Чулыма. 15 ноября 1629 г. в ходе нападения «калмыков» на Томск погибло 19 служилых людей⁶ [Дмитриенко, 2003, с. 12]. 3 сентября 1629 г. Тарлав покинул Чатский городок и отправился к своему тестю Абаку на правый берег Оби, что привело к основанию с. Чингис (Новосибирская область)⁷.

Возможно, существовал союз между чатами и Аблаем, целью которого могло быть овладение Тарой соединенными силами. Зимой 1629/30 г., упредив эту возможность, томские служилые люди (стрельцы, казаки и татары) стремительным броском разгромили три острожка мятежников. Военное поражение привело к их расколу: часть мятежников откочевала к калмыкам, часть – включая предводителя К. Танатарова, перешла к Аблаю, а часть из них отказалась от борьбы и вернулась в русское подданство, выехав «на государево имя» в сибирские городы». Знающие люди из местных татар известили, что тарцы, барабинцы, чатские татары и часть калмыков «от Ишимова сына отъезжают для кормов на старые свои места». «Так что дополнительной причиной угасания мятежа стала невозможность для тысячи воинов прокормиться, находясь постоянно в совместном кочевании» [Трепавлов, 2018, с. 101].

По данным томского воеводы Петра Пронского, которые он отразил в документе, составленном в

1630 г. (но не ранее 29 мая) и отправленном в Москву, чатский мурза Тарлав и князь белых калмыков Абак планировали и совершали враждебные действия – напали на служилых людей (поход на чатские городки), встречая отпор. Грамота начинается обычной приветственной формулой и сразу переходит к изложению существа вопроса. «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси холопи твои Петрушка Пронской, Олешка Сабакин, Боженко Степанов челом бьют. В нынешнем, государь, во 138-м году сентября в 3 день, до нашего холопей твоих в Томской город приезде, Чацкой мурза Тарлаво тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси изменил, со всеми своими людьми ис Чат вышел в Белые колмаки к тестю своему к князю Абаку». Следует отметить, что воеводы относились с огромным подозрением к своим аборигенным контрагентам. Покидание места обычных кочевий – это уже изменнические действия – «отъезд». Однако меры к изменнику принимались не сразу, а после долгих увещаний: «И ис Томского, государь, города в Белые колмаки к князю Абаку и к нему Тарлаво посылаемы служивые люди многожды, чтоб он Тарлаво, помня правду свою и шертъ, был под твою государеву царскою высокою рукою в прежнем холопстве». В рамках сложных отношений народов степи и степного пограничья трудно было понять, говорит контрагент правду или бесстыдно жлет: «И Абак, государь, и Тарлаво со служивыми людьми приказывали и татар своих в Томской город присылали же многожды ж, что он Тарлаво от твоей государской милости неоступен, в прежнем холопстве тебе государю со всеми своими людьми быть рад, а зимою де ему Тарлаво к твоей государской милости на старые свои кочевья быть немочно, ячмени и сена нет, самим помереть и животины поморить с голоду, а кочуя де к твоей государской милости на старые свои кочевья будет на весне; и о том к тебе государю мы холопи твои писали». Телеуты даже заверяли, что готовы были отправить в Томск соответствующее посольство: «А что, государь, белых колмаков князец Абак и он Тарлаво томским служивым людям, и Абаковы и Тарлавоковы татаровя в Томском городе говорили, и тому, государь, статейную роспись послали мы холопи твои к тебе государю. И в нынешнем же, государь, во 138-м году марта в 6 день присылал Абак колмаков своих Урлекея с товарищи, а с ними приказывал, что зять ево чацкой мурза Тарлаво и ныне у него Абака и ни к какому, воровству не пристал, и к твоей государской милости и на старые свои кочевья итить... чтоб прислать к нему Абаку посланников, а как посланников пришлют, и тот Абак одиночно и с Тарлаво к твоей государской милости в Томской город будет».

⁵ Матвеев А.В. Русско-дзунгарская война....

⁶ Баянов Е. (свящ.) Заметка по поводу статьи...

⁷ Голодяев К.А. Дорусская история: русско-телеутская война // Библиотека Сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/dorusskaya-istoriya-russko-teleutskaya-voyna> (дата обращения: 20.01.2023).

Тесть Абак тоже защищал своего зятя Тарлаву, но русские получили информацию об их намерениях: «И мы холопи твои по той Абакове присылке посылали к нему Абаку и к Чацкому мурзе к Тарлаву служивых людей пятидесятника Петрушку Афанасьева, да конного казака Гришку Кольцева, да в толмачах Климка ясыря да юртовского татарина Бектулу Бегичева, чтоб он Тарлаво был под твоею государевою царскою высокою рукою и шол в Томской город и на старые свои кочевья. И Петрушка, государь, с товарищи в Колмаках проведали подлинно, что Тарлаво прямо тебе государю изменил и к твоей государственной милости в Томской город и на старые свои кочевья не будет, и их Петрушку с товарищи хотят побить и хотят с царевичем [с Ишимовым] сыном с Аблагиримом и с черными колмаками и с твоими государевыми изменники и с барабинцы итить войною под Томской город и на пашни и на ясачные волости». В этом сообщении еще интересно то, что список потенциальных членов антирусской коалиции дается максимально широко, включая фактически все близлежащие аборигенные народы, без учета реально существовавших между ними противоречий.

Таким образом, за аборигенами числился не только «отъезд», но и агрессивные замыслы, по крайней мере, по агентурным данным. Вскоре дошли вести об их действиях. «И Петрушка, государь, с товарищи из Колмаков ушли, а юртовского татарина Бектулу Бегичева и татар, которые были в подводах, калмаки у себя засадили. И в нынешнем же, государь, во 138-м году апреля в 25 день приезжали в Томской город Чацкого мурзы Бурлаков татарин, которой ходил в Чаты для ечмени, что Абак и Тарлаво с воинскими людьми идут под Томской город и на юртовских татар под Таянов городок. И мы холопи твои по тем вестям к юртовским татарам в Таянов городок посылали голов с служивыми людьми. И сведав, государь, Абак и Тарлаво, что твои государевы люди в городок пришли, и они, не доходя до городка, воротились, а чацкой Кызланов и Бурлаков городок выжигли, и хлеб пожгли, и Кызлановых и Бурлаковых татар, которые в том городке были у хлеба, побили, а иных поймали, и твою государеву ясачную Шагарскую волость повоевали. И мы холопи твои для языков посылали за ними чацкого ж мурзу Бурлака с чацкими татарами» [Миллер, 1941, с. 368–370].

В этом фрагменте документа слышен редкий в нашей истории голос татарина, не принадлежавшего верхушке, а обычного безвестного воина из войска Тарлавы, «Атышки», который попал в плен и был подвергнут допросу и пыткам. «И мая, государь, в 17 день Бурлак с товарищи привели в Томской город в языках Тарлавова татарина Атышка, а иных побили. И Атышка, государь, в распросе и с пытки сказал, что Тарлаво да с ним Абак же с воинскими людьми

шли под Томской город и на юртовских татар под Таянов городок, а татарина Бектулу и подводных татар имали с собою в вожах, а поворотились, не доходя Таянова городка, сведав, что присланы в городок служивые люди, и чацкой Кызланов да Бурлаков острожек выжгли, и хлеб пожгли, и юртовского татарина Бектулу и подводных татар побили, и над ним над Бектулу ругались, нос и уши резали, [и груди] взрезали, для [того] что он Бектула тебе государю служил» [Миллер, 1941, с. 368–370].

Мятежники, по русским данным, пытались вступить в контакт со всеми возможными врагами, но воеводам удалось провести молниеносную операцию: «Да наперед де Абак и Тарлаво ссылаютца с царевичем Ишимовым сыном Аблагиримом, и с горными колмаками, и с барабинцы и хотят итить войною под Томской город и на томские на пашенные места и на ясачные волости, а наперед де хотят итить под Кузнецкой острог. И мая ж, государь, во 20 день посылали мы холопи твои вверх по Оби до чацких городков в стругах сына боярского Гаврила Черницина с служивыми людьми да Чацкого мурзу Бурлака с татарами, а велели им быть в чацких городках и посылать служивых людей и татар в те места, откуда почаят калмацкого и Тарлавова с воинскими людьми под Томской город приходу; да где объявятца воинские люди, и им, прося у бога милости и смотря по тамошнему делу, на Оби на перелазе над теми воинскими людьми промышлять, сколько бог помощи подаст, и чтоб для подлинных вестей добыти языков. А будет объявятца большие люди, боем и иными мерами промыслить над ними не уметь, и Гаврилу и татаром велено от них отходить в Томской город, чтоб воинские люди к Томскому городу безвестно не пришли» [Миллер, 1941, с. 286–287]. Такова была тревожная обстановка в Западной Сибири в конце 1620-х гг. Однако уже в середине следующего десятилетия дело дошло до прямых столкновений русских с калмыками.

В 1630 г. ойраты вместе с Кучумовичами разграбили Тебендинскую волость в низовьях р. Ишима, но были у урочища Ко-Карагай настигнуты тарскими и тобольскими казаками, которые отбили у них «полон» и скот. 25 апреля 1630 г. в Томск пришло известия, что Абак и Тарлава собираются напасть на город. Зачем последовало разорение Тарлавой и Абаком Мурзина городка [Путешествие по воде..., 1996].

Как уже говорилось, 20 мая 1630 г. отряд сына боярского Гаврилы Черницына нанес сильный удар противнику: «И мая ж, государь, в 29 день пришли твои государевы изменники чацкой мурза Казгула да тулуманской лутчей человек Мурат с воинскими людьми и учели перелазить Обь реку, и божиею, государь, помощью, а твоим царя государя великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем Гав-

рило Черницын с служивыми людьми и мурза Бурлак с татары на перелазе на Оби, выше чацких городков, тех твоих государевых изменников в стругах многих побили, а иных потопили». Но Гаврила Черницын преследовал врага не только на переправе, но и дальше: «А которые, государь, от перелазу воротились и побежали в степь, и Гаврило, государь, с служивыми людьми и мурза Бурлак с татары ходили за ними степью день да ночь и сошли их выше чацких городков за Обью на станех, и с ними был бой, и божьею, государь, милостью, а твоим государским счастьем на том бою чатцкого мурзу Казгулу да тулуманского лутчего человека Мурата убили и с ними Тарлавокых татар многих побили, и языки поимали и повели в Томской город 9 человек. И те, государь, языки в распросе и с пытки говорили, что подлинно Абак и Тарлавок ссылаютца с царевичем Ишимовым сыном и с черными колмаками и с арчеки и с барабинцы и будут под Томской город войною в сенокосное время и в жнитво, а наперед де хотят итти под Кузнецкой острог» [Миллер, 1941, с. 368–370].

Однако источники фиксируют в ноябре 1630 г. факт нападения на Томск «иноземцев»⁸ [Дмитриенко, 2003, с. 12].

Правительством был принят ряд мер, направленных на усиление оборонительных возможностей русских уездов в Сибири. В 1630–1631 гг. гарнизон Тары усилили, возвели Коурдацкий, Тебендинский и Ишимский остроги и стали посылать туда по 10 чел. и более на «годовую службу»⁹. В 1631 г. томский воевода, князь Петр Иванович Пронский велел группе татар переселиться из Тоянова городка на посад, что стоял по берегу р. Ушайки и «одиначил татарские юрты с крестьянскими дворами». [Бояршина, 1950, с. 113].

Однако уже в 1631 г. Кучумовичи и калмыки вторглись в пределы Тарского уезда и заняли южные волости Тюменского уезда от Тобола до Ишима, включая бассейны рек Куртамыш, Юргамыш и Алабуга [Пузанов, 2010]. В том же году было отправлено посольство тарского атамана Власа Калачникова к калмыцкому тайше Ирки Ильдену, брату тайши Талая, в верховья Иртыша и было получено ответное посольство [Миллер, 1941, с. 101]. А 5 марта 1631 г. против городка мурзы Тарлава был совершен поход Я.А. Тухачевского, возглавившего русский отряд в 300 томичей, и 100 чатских и томских «татар» под командой мурзы Бурлака («на третьей неделе Великого поста») [Миллер, 1941, с. 583]. Согласно А.П. Уманскому, из похода в Томск отряд А. Тухачевского возвратился 5 мая 1631 г. А уже 27 января

1632 г. глава приказа Казанского дворца князь Д.М. Черкасский докладывал царю Михаилу Федоровичу о проведении сыска о действиях Тухачевского под Чатским городком и в «Чингиском» походе. Возможно, в 1631 г. Кирей и Аблагерим приходили на выручку Тарлаву, но были отбиты.

В ноябре 1631 г. отряд в 150 сабель («куящников и в панцырях, окромя кошевых людей») из подданных Кучумовичей, царевича Аблая и Девлет-Кирей ударил по Тебендинской и Коурдацкой волостям на р. Иртыш, потом перешел на Вагай и разорил волости Кречетникову и Каканинскую. Контратака была предпринята отрядом Ерофея Заболоцкого (в 130 сабель), который ударил по кочевьям тайши Талая [Пузанов, 2010]. В.Д. Пузанов подчеркивает, что «целью набега было не имущество, а расплата за верность русским властям; большинство мужчин было перебито, а их семьи уведены в плен». Русский ответ, как видим, не заставил себя ждать [Русско-монгольские отношения, с. 168; Пузанов, 2010].

В 1632 г. в Томск прибыло посольство от Алтынхана, которое возглавил Байгала-бакши, принятый воеводой, князем Иваном Татевым с товарищами. Во время посольства томского сына боярского С. Греченина и подьячего А. Самсонова (28 августа 1636 г. – 23 апреля 1637 г.) этот эпизод вспоминался так: «В прошлом во 140 году присылал ты, Алтын-царь, в Томской царского величества к стольнику и воеводам ко князю Ивану Татеву с товарищи преж сего посла своего Байгала-бакши, а после того присылал других послов своих Сулумкичи Аргу с товарищи бить челом великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю, всеа Русии самодержцу и многих государств государю и обладателю, чтоб государь тебя, Алтына-царя, пожаловал, велел тебя со всею твоею ордою принять под свою государеву высокую руку в холопство и от недругов бы твоих оберегати. И прислати бы государю к тебе, Алтыну-царю, послов своих». В этом же году томские воеводы Иван Татев и Семен Воейков послали пятидесятника Федора Пушина поставить острог в телеутской земле. Некоторым свидетельством стабилизации ситуации в Приобье было то, что дети Тарлава и внуки Абака – Итегмена и Коимас вернулись в Томск, где они приняли наследство своего отца и были признаны мурзами чатских татар [Миллер, 1941, с. 101].

«В 1632 г. Урлюк обвинил перед русским представителем Талая в покровительстве Аблаю, организации совместного с ним набега на Коурдацкую волость Тобольского уезда и фактическом захвате южной части Тюменского уезда. По словам Урлюка, Талая и Куйша и в дальнейшем собирались отправлять отряды на русские уезды. Тархан-батыр и чурасцы, игравшие большую роль в набегах 30-х гг. XVII в., были из улуса Талая, однако сам тайша всегда гово-

⁸ Томский богородицкий Алексеевский мужской монастырь // Томские епархиальные ведомости. 1887. 1 июня. С. 15.

⁹ Матвеев А.В. Русско-дзунгарская война...

рил русским послам, что они воюют против его воли. Во всяком случае, Талай и его семья были тесно связаны с Кучумовичами, кочевья которых находились недалеко от улуса дербетов и пользовались выгодами от набегов на русские территории» [Пузанов, 2010].

Весной 1632 г. правительство царя Михаила Федоровича велело тюменским воеводам стремиться установить мирные отношения с калмыками, кочующими в уезде, с целью принудить их оставить волости русских ясачные люди. В качестве компенсации правительство предлагало им дипломатическое признание и торговый обмен. «Только в крайнем случае предписывалось применить военную силу» [Пузанов, 2010].

В 1632–1633 гг. отряды степняков совершали набеги на ясачных тюрок в бассейне Исети не меньше трех раз. В 1633 г. отряд томского сына боярского, «литвина» Петра Сабанского у Телецкого озера разгромил князя Мандрака, захватил и привез в Томск его жену, сына Айдара и невестку [Щеглов, с. 68]. 20 июля 1633 г. 60 казаков под командой сына боярского Федора Пущина отправились по указанию воеводы, князя Ивана Федоровича Татеева из Томска на Бию «ставить острог». Однако сильный отряд телеутов принудил Пущина после пятидневного боя воротиться обратно [Миллер, 1941, с. 84]. В 1633 г. «большие» тайши (Урлюк, Талай, Куйша и Батур) заключили оборонительный договор. «По данным бухарского посла, в 1633 г. ... каждый из правителей защищал весь ойратский союз от нападения соседей. Урлюк защищал ойратов от ногайцев, Талай контролировал Бухару, Куйша – казахов, Батур – монголов» [Пузанов, 2010, с. 69]. В том же году в Тару прошел бухарец Казы Казыев. Он представился послом и был задержан. Тайша Куйша просил отпустить его, опасаясь гнева Имамкули (хана Бухары) (о роли Бухары более подробно см. известную монографию А. Бертона [Burton, 1997]).

Активные меры московского правительства по противодействию давлению степняков на русские уезды включали как контратаки, так и укрепление обороны этих уездов, в том числе личным составом. Летом 1633 г. был совершен поход из Уфы против Кучумовичей отрядом «головой» Ивана Черникова (1380 чел.), который разгромил за Яиком тайшей Иркитена и Тапшегена, последний был убит [Пузанов, 2010].

В августе 1633 г. русский отряд был окружен и осажден на оз. Ямыш крупными силами ойратов (2000 «куяшников»), с ними были и тарские татары Кочашки Танатарова. Вернувшись, русский отряд сообщил об угрозе русским городам [Там же, 2010]. В это же время (август 1633 г.) в Томск прибыл большой отряд «литвы» – 150 чел., включая не только

служилых людей, но и «пашенных крестьян», численность которых, вероятно, пострадала от набегов предыдущего периода.

В 1634 г. летние кочевья тайши Талай находились к востоку от р. Ишим. А Томск, по неподтвержденным данным, подвергся набегу¹⁰. Летом того же года отряд детей боярских Михаила Ушакова и Ивана Астраханцева у оз. Ямыш был блокирован калмыками.

«ЗАГОВОР» И СОБЫТИЯ 1634 г.

Теперь мы понимаем, на фоне каких событий 14 июня 1634 г. был раскрыт «заговор томской литвы». Становится ясно, что «литве» фактически приписывалось поведение кочевников: убить служилых людей, город и острог сжечь, а самим бежать в степь, захватив с собой лошадей [Оглоблин, 1894, с. 9–10]. Страх пожара в деревянном городе был постоянным [Первое столетие..., 1996, с. 95–97]. Даже вера воевод в способность «литвы» «проиматца» на Волгу, через тысячекилометровые расстояния, перегоняя с собой лошадей, перестает быть абсурдной, если мы понимаем, что речь идет не о реальных событиях, а о некотором обобщенном стереотипе «угрозы».

Однако «стереотипность» не означает нереальность. Утром 12 сентября 1634 г., меньше чем три месяца после событий в Томске, к стенам Тары вышел сильный отряд кочевников, который включал сыновей тайши Куйши (Онбо и Конгу), дербетов Талай (во главе с Багишем, сыном Тархана-батыра). Отряд состоял из 400 сабель. Однако нападение было отбито за один день¹¹ [Пузанов, 2010]. Еще через месяц, 13 октября 1634 г., в Тару прибыла помощь из Тобольска (отряд сына боярского Бориса Черкасова). При его поддержке была отбита вторая попытка нападения. Ойраты были настигнуты в 10 верстах от города и в панике бежали, потеряв пленных и табун в 300 голов краденых лошадей. «По данным Сибирского приказа, бои под крепостью шли два дня – 13 и 14 октября. Повесть сообщает, что 13 октября кочевники разорили все русские и тюркские деревни под городом и нанесли поражение гарнизону, вышедшему на вылазку: "...граждане же, ощутившие иноплеменных нашествие и брань с ними составиша, многие падоша острием меча поганых и мнози от них православнии христиане пленены быша и стада скотские отогнаша". Вечером калмыки не ушли в степь, как в прошлый набег, а остановились в семи поприщах от города на р. Ибейк, рассчитывая затем продолжить осаду Тары». В.Д. Пузанов считает, что они

¹⁰ Томский богородицкий Алексеевский мужской монастырь // Томские епархиальные ведомости. 1887. 1 июня.

¹¹ Матвеев А.В. Русско-дзунгарская война...

могли планировать захват самого уездного центра, этому решению способствовал успех вылазки [Пузанов, 2010].

Месяц спустя (11 ноября 1634 г.) «Аблай, Девлет-Кирей и Тархан-батыр с “многими воинскими калмыцкими людьми” ... вышли под Тюмень, разорив нижние деревни и посад, перебив и полонив многих русских и тюрок Тюменского уезда. В “Повести” сообщалось: кочевники “внезапу приидоша... даже до стен градных и тако. многия веси и села разрушивши и пограблены бывшу всему сокровищу даже и до скота”. По данным Записной книги, в ноябре 1634 г. под Тюмень пришли ойраты (“многие люди”) и подошли к самому острогу. Летопись отмечает, что кочевники не смогли взять город, однако около него “многих людей побили” и взяли в плен людей, бежавших из деревень, и много скота. Воевода Тюмени И.И. Миллюков послал за ними в погоню 300 служивых людей, которые нагнали калмыков, но в бою потерпели поражение и отошли, потеряв 50 человек. Если верить явно завышенным цифрам автора “Повести”, кочевники убили и взяли в плен в Тюменском уезде “мало не 2 тысячи человек”. Затем силы кочевников разделились и остановились на территории Тюменского уезда, недалеко от города: 600 калмыков отошли за реку Пышму, а улусные люди тайши Талая вышли на реку Суерь на правой стороне реки Тобола. Главную роль среди калмыков играл Тархан-батырь из улуса Талая, который с отрядом в 400 ойратов кочевал около русской границы, к югу от Тюменского уезда»¹² [Пузанов, 2010]. Интересно отметить, что в своих набегах на Тару ойраты требовали отпустить Казы Казыева.

В 1635 г., согласно летописи Черепанова, берет свое начало Джунгария, когда Батур-тайша, сын тайши Каракулы, завоевал часть Бухарского ханства и получил титул контайши. Он правил до 1653 г. В 1635 г., по данным князя Абака, объединенные силы дербетов и зюнагров совершили крупный набег на казахов, взяв в плен царевича Янгира – сына Ишима. [Там же, с. 69].

О степени серьезности джунгарской угрозы говорит тот факт, что «13 мая 1636 г. в Таре били челом тюрки нижних волостей – Аялинской, Коурдацкой, Тебендинской и Соргацкой, которые еще оставались в русской власти, о сложении с них недоборного ясаку на сумму в 215 рублей, которого “на 144 год платить... нечем”. По сведениям челобитчиков, в это время калмыки отняли не только юг Тарского уезда (бассейн реки Оми, где зверовали верхние волости), но и основную центральную часть, где калмыки заняли “зверовья и вотчинные места... зверя добыть

негде”. Часть населения нижних волостей была вынуждена даже оставить свои старые дома: “от калмыцких людей многое время живем в бегах, покиня свои юрты, а калмыцкие люди от нас кочуют близко”» [Там же, 2010]. Поэтому, когда весной 1636 г. тайша Куйша потребовал отпустить Казы Казыева, под угрозой набега тарские воеводы Федор Барятинский и Григорий Кафтырев выполнили это требование по «челобитью всего города».

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ОБЪЯСНЕНИЕ

Однако, одно дело – это реальные угрозы, значение которых мы, надеемся, показали, а другое – восприятие. Но каков может быть метод исследования психологии исторических акторов, если они недоступным нам для непосредственного опроса и анкетирования? Нам кажется, что таким методом может быть метод герменевической интерпретации дошедших до нас текстов. Томские специалисты считали, что, согласно Х.-Г. Гадамеру, – «герменевтика есть прежде всего практика, искусство истолкования и понимания» [Могильницкий 1994, с. 214, 219, см. также с. 193, 197, 205]. Например, мы можем увидеть тревожную эмоцию в документе 1620 г., который (с ссылкой на А. Губу) передает информацию «князца» Курчейки о том, что «киргиские и басагарские, и кизыльские, и кучюгутские, и братские, и матские, и саянские, и арийские, и иных многих земель люди, и черные колмаки и Каракула-тайша збираютца войском, а однолично де хотят на весну, собрався, приходит под Томской город и под Кузнецкой острог войною». Эту информацию подтвердил и Абак. Воеводы писали, что «служивых людей в Томском городе мало. А к Томскому, государь городу из Кузнецкому острогу прилегли орды многие и кочуют, государь, белые и черные колмаки, и киргиские люди, и кучюгуты, и братья, и маты, и саяны, и аринцы, и иных многих земель и орд люди от Томского города и от Кузнецкого острогу неподалеку, днищах в 5-ти и во шти, а летом, государь, в днище и в дву [Миллер, 1941, с. 257–258.].

В январе 1630 г. в Тобольск доехали стрельцы из Енисейска, которые рассказали, кого они видели и что слышали в пути. Их страх прямо назван страхом «в Нарымском уезде и Тогурской волости нарымсково новокрещона князя Ивана Безрякова да с ним сургуцких да нарымских казаков 4-х человек, и князь Иван им Безряков сказал, что посланы де они в Тобольской город для государева дела и ныне де в Томской город итти не смеют, потому что приказывал де в Тогурскую волость Томского уезду Нандрины волости ясаул, что чатские де мурзы и татаровя все государю изменили, томских служивых людей в Чатах, которые посланы; были на береженье, 20 человек, по-

¹² Матвеев А.В. Русско-джунгарская война...

били и пришли на усть Томи реки, а с ними Кучюмов внук Ишимов сын с колмацкими людьми и з государевыми изменники с тарскими татары и з барабинцы, и Томсково уезду Мурзин-городок и Нандрину волость повоевали» и «государевы изменники чатцкие и тарские татаровя и барабинцы и Кучюмов внук Ишимов сын с колмацкими людьми, повоевав в Томском уезде Мурзин городок, пошли на Парабельскую вершину к Таре» [Миллер, 1941, с. 363–365].

Тревога выражается и в отписке начала августа 1630 г., в которой с ссылкой на «подгородного колмака» Тенибека говорилось, что «царевич, Ишимов сын, с черными колмаки и с барабинцы пошел войною под Томской город, а белые де колмаки, Ишурины дети, с телезскими и с тубинцы под Кузнецкой острог» [Миллер, 1941, с. 375–377]. В статейном списке посольства томского сына боярского Б. Карташева к ламе Дайн Мерген-ланзу 28 августа 1636 г. – 23 апреля 1637 г. написано, чего именно опасались служилые люди: «А киргисские князцы великому государю изменили, под государевы города под Кузнецкой и под Красноярской и в государевы ясашные волости приходили войной, лошадиные и коровьи стада отгоняли, а ясашных людей к себе в улусы поимали».

Может ли страх, вернее, чувство страха быть предметом исторического исследования? По крайней мере, такая попытка в историографии уже делалась. В апреле 2020 г. скончался американский историк Ллойд Демос (Демоз, встречаются и другие варианты написания по-русски его английского имени и фамилии – Lloyd deMause), который пытался развивать такое направление, как «психоистория», т. е. междисциплинарную парадигму, касающуюся и истории, и психологии [Де Моз, 2000.]. В кембриджском справочнике по методологии истории [2002] Линн Хант (Lynn Hunt) обвинила его в анахронизме [A Companion..., 2002, p. 338–339]. (Еще критику психоистории см. например, в работе Дэвида Станнарда [Stannard, 1980]. Однако в статьях в интернете¹³, а также в ряде публикаций адепты этого направления затрагивают такие эмоциональные состояния страха, как страх войны [Шутова, 1997, с. 44], страх неконтролируемого поведения [Шутова, 1997, с. 45, 50], страх перед новым [Шутова, 1997, с. 54], подсознательные страхи [Шутова, 1997, с. 71], моральные и экономические страхи [Шутова, 1997, с. 74], страхи, идущие из детства [Шутова, 1997, 146]. Страху посвящены публикации Дж. Бурк [Bourke, 2005], К. Робина [Robin, 2004]. Д. Гарднера [Gardner, 2008] и сборник под ре-

дакцией Я. Плампера [Fear: Across the Disciplines, 2012].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Таким образом, вся предыдущая историография, включая нашу статью 2014 г., рассматривала события в Томске летом 1634 г. в отрыве от обстановки, имевшей место в регионе в 1620-е – первой половине 1630-х гг. Обстановка эта носила напряженный характер. Продвижение в регион (юг Западной Сибири и Северный Казахстан) кочевий западных монголов (джунгар, ойратов, «черных калмыков») привело к резким переменам, прежде всего в жизни аборигенных народов, разделявших собственно степи и те регионы, где в течение почти половины столетия складывалось постоянное русское население. Эти народы или становились объектами набегов сильных кочевников, или сталкивались с двойным гнетом. Такая ситуация не могла быть стабильной, что и привело к открытым конфликтам между аборигенами и русскими Тарского и Томского уездов. Конфликты разрешались в пользу русских, что только усиливало атмосферу «военной тревоги». По нашему мнению, эта психологическая ситуация имела глубокие ментальные корни и отчетливо выражалась в текстах воеводских отписок. Несмотря на успешные походы русских в степь и поражения, нанесенные противнику, русские не чувствовали себя в безопасности, боясь столкнуться с широкой коалицией сибирских народов, которая дала бы им численное и тактическое преимущество перед русскими «служилыми людьми».

В этой обстановке присылка на укрепление Томского гарнизона большой группы православных жителей Великого княжества Литовского, находившихся в России в качестве пленных вследствие Смоленской войны, оказалась опрометчивым шагом. Имея всего один источник, мы не можем достоверно утверждать, что эти пленные тяготились своим статусом и были готовы на решительные действия. Но воеводы явным образом воспринимали их скорее как опасность, чем как подмогу. Таким образом объясняется не только появление большой группы «литвы» в Томске, но и странности в их предполагаемых действиях (пробиваться на Волгу через степи, гоня перед собой лошадей, что похоже на действия кочевников по статейному списку 1635–1637 гг.). Такая интерпретация позволяет также объяснить, почему в дальнейшем правительство явно стремилось, чтобы группы «литвы» составляли относительно небольшую долю в гарнизонах. Таким образом, с нашей точки зрения, учет современных подходов к исторической психологии и внимательное прочтение источников помогут пояснить некоторые вопросы, еще не получившие своего решения.

¹³ См. например, журнал «Psychohistory». URL: <http://primal-page.com/psyhis.htm> (дата обращения: 20.01.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Тр. Том. гос. ун-та. 1950. Т. 112. С. 24–210.
- Де Моз Л. Психохистория. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 509 с.
- Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 345 с.
- К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 226 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 642 с.
- Межов В.И. Сибирская библиография. СПб., 1891. Т. 1: Источники и материалы для истории Сибири. 485 с.
- Оглоблин Н.Н. Заговор томской «литвы» в 1634 г. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1894. 11 с.
- Первое столетие сибирских городов. XVII в. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1996. 190 с.
- Пузанов В.Д. Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // Изв. Урал. гос. ун-та. 2010. № 2(76). С. 64–76.
- Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сб. док. / отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Вост. лит., 1974. 467 с.
- Соколовский И.Р. Русские воеводы Сибири и выходцы из Великого княжества Литовского в первой трети XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 5–8.
- Трепавлов В.В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. 496 с.
- Флеров В.С. Восстания 30–40-х годов XVII века в Томске // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1954. Т. XII. С. 287–315.
- Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е годы). Воронеж: Изд-во: ВГУ, 1975. 248 с.
- Шутова О.М. Психохистория: школа и методы: учеб. пособие. Минск: Веды, 1997. 176 с.
- A Companion to Western Historical Thought / eds. L. Kramer, S. Maza. Wile. Blackwell, 2002. 544 p.
- Burton A. The Bukharans. A dynastic, diplomatic and commercial history 1550–1702. Routledge, 1997. 664 p.
- Gardner D. Risk: The Science and Politics of Fear. Virgin Books, 2008. 256 p.
- Fear: Across the Disciplines / eds. J. Plamper, B. Lazier. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 2012. 237 p.
- Robin C. Fear: The History of a Political Idea. N. Y.: Oxford University Press, 2004. 336 p.
- Stannard David E. Shrinking History: On Freud and the Failure of Psychohistory. N. Y.: Oxford University Press, 1980. 207 p.
- Burton A. (1997). The Bukharans. A dynastic, diplomatic and commercial history 1550–1702. Routledge, Palgrave Macmillan, 664 p.
- Chistyakova E.V. (1975). Urban uprisings in Russia in the first half of the XVII century (1630s–40s). Voronezh, Izd-vo VGU, 248 p. (In Russ.)
- De Mose L. (2000). Psychohistory. Rostov-on-Don, Fenix, 509 p. (In Russ.)
- Dmitrienko N.M. (2003). Day after day, year after year: a chronicle of the life of Tomsk in the XVII–XX centuries. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta. Publ., 345 p. (In Russ.)
- Flerov B.C. (1954). Uprisings of the 1630s–40s in Tomsk. *Uchenye zapiski TGPI*. Tomsk. Vol. 12, pp. 287–315. (In Russ.)
- Gardner D. (2008). Risk: the science and politics of fear. London, Virgin Books, 256 p.
- Kramer L., Maza S. (Eds.) (2002). A companion to western historical thought. Oxford, Wiley-Blackwell, 544 p.
- Mezhov V.I. (1891). Siberian bibliography. Saint Petersburg, vol. 1: Sources and materials for the history of Siberia, 485 p. (In Russ.)
- Miller G.F. (1941). History of Siberia. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, vol. 2, 642 p. (In Russ.)
- Mogilnitsky B.G. (Ed.) (1994). Toward a new understanding of man in history: essays on the development of modern western historical thought. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 226 p. (In Russ.)
- Ogloblin N.N. (1894). Conspiracy of the Tomsk “Lithuania” in 1634. Kyiv, Tip. G.T. Korchak-Novitskogo, 11 p. (In Russ.)
- Plamper J., Lazier B. (Eds.) (2012). Fear: across the disciplines: Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh Press, 237 p.
- Pokrovsky N.N. (Ed.) (1996). The first century of Siberian cities. The XVII century. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf, 190 p. (In Russ.)
- Puzanov V.D. (2010). Russian-Oirat relations in Southern Siberia in the first third of the XVII century. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 64–76. (In Russ.)
- Robin C. (2004). Fear: the history of a political idea. N. Y., Oxford Univ. Press, 336 p.
- Shutova O.M. (1997). Psychohistory: school and methods: a textbook. Minsk, Vedy, 176 p. (In Russ.)
- Sokolovsky I.R. (2014). Russian governors of Siberia and immigrants from the Grand Duchy of Lithuania in the first third of the XVII century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 5–8. (In Russ.)
- Stannard D.E. (1980). Shrinking history: on Freud and the failure of psychohistory. N. Y., Oxford Univ. Press, 207 p.
- Trepavlov V.V., Belyakov A.V. (2018). Siberian princes in the history of Russia. Saint Petersburg, Izd-vo O.Abyshko, 496 p. (In Russ.)
- Zlatkin I.Ya., Ustyugov N.V. (Eds.) (1974). Russian-Mongolian relations. 1636–1654: collection of documents. Moscow, Vostoch. literatura, 467 p. (In Russ.)

REFERENCES

Boyarshinova Z.Ya. (1950). The population of the Tomsk uyezd in the first half of the XVII century. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. vol. 112, pp. 24–210. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.01.2023
Дата рецензирования 14.01.2023
Статья принята к публикации 01.02.2023

DOI: 10.15372/HSS20230108

УДК 94(47)“188”

М.К. ЧУРКИН

**«ЖИТЬ С ТРАВМОЙ...»: СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПЕРЕЖИВАНИЯ
И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА (1880-е гг.)**

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644099, г. Омск, набережная Тухачевского, 14
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626152, г. Тобольск, ул. Академика Ю. Осипова, 15

В статье на материалах воспоминаний ссыльного народовольца Д.Д. Лейвина выявляются сценарии преодолевающего поведения и практики совладания политических ссыльных с травматическим жизненным опытом как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Обращение к мемуарному тексту открывает видимые перспективы освоения биографического пространства ссыльных, в котором отразились личные переживания, самоощущения, самооправдания участников исторического процесса, помимо своей воли оказавшихся в травмирующей ситуации. Кроме того, использование концепта «травма» способствует перенастройке исследовательской «оптики» и обнаружению антропологических, социально-психологических и социокультурных нюансов функционирования личности и локальных сообществ в условиях вынужденных ограничений. Установлено, что деятельность политических ссыльных в обстоятельствах травмы и посттравмы способствовала формированию «сообщества утраты», выбирающего жизнестойкую модель сосуществования с собственным травматическим опытом.

Ключевые слова: воспоминания Д.Д. Лейвина, политическая ссылка, травма, преодолевающее переживание, совладающее поведение.

Для цитирования: Чуркин М.К. «Жить с травмой...»: стратегия преодолевающего переживания и совладающего поведения политических ссыльных Тобольского Севера (1880-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 72–79. DOI: 10.15372/HSS20230108.

M.K. CHURKIN

**«LIVING WITH TRAUMA...»: A STRATEGY FOR OVERCOMING EXPERIENCE
AND COPING BEHAVIOR OF POLITICAL EXILES IN THE TOBOLSK NORTH (1880s)**

Omsk State Pedagogical University,
14, Tukhachevsky Emb., 644099, Omsk, Russian Federation,
Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
15, Academician Yu. Osipov str., 626152, Tobolsk, Russian Federation

At the turn of the XX–XXI centuries, there was a “drift” in the political exile studies from the characteristics of its socio-political component to reflection, within the framework of a socio-cultural approach, anthropological phenomenology of scenarios, strategies and practices of human behavior in a difficult life situation. Historians of different generations have come a long way from studying the circumstances of the political exile in Russia, influencing the exile practices on the socio-political and economic spheres of life in metropolis and colonized outskirts to understanding the consequences of the exile traumatic experience on a person’s personality, his life motivation and everyday life behavior. Applying to the historical study the “trauma” concept, used actively in psychology and psychiatry as a moral category aspect, allows us to identify the trauma effect of the crime and its post-traumatic rethinking by political exiles under conditions of limited freedom of action. The trauma and post-trauma representation, presented in the ego-texts of the Russian penitentiary direct subjects (D.D. Leivin), restoration of the communicative space of the political exiles at the Tobolsk North as a “community of loss”, provides an opportunity to reveal the internal mechanisms of the private and general experience of experiencing a traumatic situation, complex mechanisms of practices of overcoming and coexistence of exiles with trauma. The study found that the strategies of overcoming experiences of political exiles in the region were practice-oriented, adaptive in nature and testified to the desire of community

Михаил Константинович Чуркин – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>.

Mikhail K. Churkin – Doctor of History Sciences, Professor of the Department of National History of the Omsk State Pedagogical University, Leading Researcher of the Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

members to ensure normal living conditions and readiness to live with trauma. Consolidating in the “community of loss”, the political exiles entered their own traumatic experience into the structures of everyday life at this situation. The coping behavior practices of the exiles were significantly corrected by the individual psychological characters, assumed variability in the relationship of a person with the external environment and his group, but in most cases they were effective, implemented in the coordinate system of a viable model, fixing the positive perception of the world by the exile contingent.

Key words: D.D. Leivin's memories, political exile, trauma, overcoming experience, coping behavior.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая ссылка в Сибирь, рассматриваемая российской властью как инструмент имперской безопасности и колонизации восточных окраин, является знаковым и детально прочитанным сюжетом отечественной и зарубежной историографии. В центре исследовательской «оптики» представителей разных поколений научно-исторического сообщества находился и продолжает располагаться широкий спектр вопросов, связанных с выявлением периодов институционализации сибирской политической ссылки, численности и географии распределения ссылных в границах Азиатской России, социального состава и «партийной» принадлежности политических девиантов, административных практик управления ссылнопоселенцами, а также с установлением влияния политической ссылки на социально-экономические процессы в отдаленном регионе, образ жизни, морально-этические нормы и поведенческие практики сибирского населения [Ядринцев, 2015; Максимов, Быков, 1896; Кеннан, 1906; Марголис, 1975; Хазиахметов, 1978; Дамешек, 1986; Сибирь в составе Российской империи, 2007; Ремнев, 2015] и др.

На рубеже XX–XXI вв. в научно-исследовательской рефлексии проблемы довольно рельефно обозначился социокультурный подход [Пяткова, 2020], ставший ответом на вызовы антропологического и лингвистического «поворотов» в гуманитарном знании, что переориентировало историков к осмыслению мотивации, стратегий и практик поведения человека в социуме, за счет расширения инструментальных возможностей работы с источниками [Матханова, 2010; Чуркин, 2022], а также раздвинуло познавательные рамки исследования политической ссылки в Сибирь.

Обращение историков к источникам личного происхождения, исходящим непосредственно от политических ссылных, всегда являлось важной составляющей частью их исследовательского арсенала, однако освоение биографического пространства ссылных через интерпретацию мемуаров, писем, дневников, отразивших личные переживания, самоощущения, самооправдания участников исторического процесса, часто носило фрагментарный, фактографический и периферийный характер. Концентрация на социальных аспектах политической ссылки и их проявлениях в общественно-политической жизни За-

уралья являлась общим местом исследовательских штудий, существенно ограничивая представления специалистов об исправительно-карательных практиках империи как социокультурном феномене российской истории, условиях и факторах формирования идентичности локальных сообществ в обстоятельствах трудной жизненной ситуации, ограничения личных прав и свобод, и последствиях травматического и посттравматического опыта.

Важное значение имеет осознание того факта, что понятие «травма», оформившееся в науке к концу XIX в. как явление психологического и психиатрического свойства, в XX в. (веке тревоги) было переосмыслено и интерпретировано в гуманитарном знании в качестве моральной категории [Ассман, 2014; Калшед, 2001]. В данном аспекте травма, пережитая человеком, оставляет не только психический, но и метафорический след, предполагает особый язык, на котором можно повествовать о травмирующем событии [Рехтман, Фассен, 2019], носит социальный характер, становясь своеобразным маркером индивидуальной и коллективной идентичности.

По замечанию С. Ушакина, биография и идентичность невозможны вне истории о пережитой травме, с которой люди учатся жить, «не подавляя и не вытесняя ее негативное воздействие, но находя для нее место в своей судьбе и в истории своей жизни» [2009, с. 8–9]. Столь же существенно в методологическом отношении для настоящей статьи и утверждение, сообразно с которым «циркуляция эмоций и историй, порожденных травматическим опытом, формирует сообщества утраты, а посттравматическое состояние выступает механизмом социальной консолидации» [Там же, с. 10].

Наиболее ярким примером формирования локального сообщества политических ссылных, чья идентичность была во многом детерминирована переживанием совместного травматического опыта, стало учреждение в СССР в 1921 г. Общества бывших политкаторжан и ссылнопоселенцев. Выступающие на II съезде общества в 1925 г. докладчики в своих речах, посвященных знаковым событиям истории российского революционного движения, формулируя политическую позицию организации, единодушно апеллировали к объединяющему их травматически-жертвенному прошлому; при этом мотив жертвенности репрезентировался в таких речевых оборотах, как «наши мытарства на каторге», «многие

годы страданий и тяжелых мук», «невольные гости Сибири» и т.д. [Сто лет политической каторги, с. 5–65].

Наконец, существенным в современном полидисциплинарном пространстве рефлексии социальной травмы выступает признание не только негативных последствий пережитого травматического опыта, но и позитивных: мобилизации внутренних возможностей человека и сообществ [Мазур, 2003, с. 32], направленных на конструирование эффективных поведенческих стратегий и сценариев адаптации к критическим ситуациям, связанных с переживанием травмы [Одинцова, 2015, с. 104]. В этой связи ключевыми понятиями в исследовании выступают: «преодолевающее переживание» как стратегия преобразования трудных жизненных ситуаций посредством материальных или символических действий в пространстве внешнего мира [Там же, с. 104]; «совладающее поведение» – постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы [Lazarus, Folkman, 1984]; «травматический опыт» – событие в жизни, создающее угрозу безопасности личности и ее окружению, существование в котором формирует различные варианты решений – преодоление трудностей, уменьшение их последствий, принятие их как факта [Мазур, 2003, с. 35].

В целом можно констатировать, что обращение к современным трактовкам понятий «травма» и «посттравма» предоставляет исследователю возможность выявить элементы сценарного поведения и конструирования стратегий принятия и частичного преодоления травматического жизненного опыта политическими ссыльными в Сибири как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях.

В качестве источникового материала к работе были привлечены воспоминания народника Д.Д. Лейвина, отбывавшего административную ссылку на Тобольском Севере в г. Сургуте (1879–1882 гг.). Ценность свидетельств Д.Д. Лейвина определяется воссозданием автором картины быта политических ссыльных региона, пространства повседневности людей, волею обстоятельств оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В мемуарах Д.Д. Лейвина конструируется коммуникативное поле, в рамках которого политическими ссыльными, в том числе автором воспоминаний, реализуется программа переживания и преодоления травмы. Освоение совместного опыта и поведенческих практик ссыльных в условиях переживания травмы позволяет говорить о группе как о локальном сообществе, объединенном доверительностью, эмоциональной глубиной, сплоченностью и продолжительностью во времени, а также осущест-

вляющем коммуникативные действия [Tonnie, 1996; Хабермас, 2022], направленные на адаптацию к социальной травме.

В работе с текстом воспоминаний учитывалось, что стратегии преодолевающего переживания и совладающего поведения, репрезентируемые на страницах мемуаров Д.Д. Лейвина, отражают опыт конкретного локального сообщества политических ссыльных, составляющего круг коммуникаций мемуариста. При этом модели поведения героев воспоминаний Лейвина, в соотношении с другими мемуарами, исходящими от ссыльных, могут рассматриваться как универсальные в рефлексии травмирующей ситуации и ее последствий.

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПЕРЕЖИВАНИЯ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА

В преамбуле к сборнику «Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX вв.» его составители Л.П. Рощевская и В.К. Белобородов, не оперируя понятием «травма» в отношении субъектов имперской исправительно-карательной системы, определенно указывают на интенсивность неблагоприятных факторов, контекстуально обозначивших формирование ситуации травматического стресса для невольных обитателей края – политических ссыльных. По их определению, «отсутствие удобных путей сообщения, слабое развитие экономики, редкое и пестрое по национальному составу население делало этот район в своем роде уникальным, сосланные сюда в полной мере ощущали себя в местах, весьма отдаленных от цивилизации» [Там же, с. 3–4].

Личная история Д.Д. Лейвина – дворянина, сына коллежского асессора, студента медицинского института, высланного сначала в Полтаву, а затем в Сургут за участие в студенческом движении, во многом демонстрирует реакцию людей его круга на малокомфортный окружающий фон: «Условия жизни в Сургуте оказались Д. Лейвину столь удручающими, что он даже хлопотал о поступлении на военную службу» [Там же, с. 12].

Апеллируя к принятой в социально-психологическом знании классификации преодолевающего переживания вследствие травмирующего события [Менделевич, 1998], можно предположить, что Д. Лейвиным к начальной стадии сургутской ссылки уже были пройдены когнитивный и аффективно-мотивационный этапы, связанные с попытками осознания и переосмысления жизненных событий, произошедших ранее, началось вступление в антиципационную и поведенческую фазы, для которых характерны активизация внутренних ресурсов и выбор стратегий поведения в условиях травматического изменения жизненной ситуации. Так, в описании Лейвиным сво-

его прибытия в Сургут за всей «катастрофической» риторикой отчетливо слышны ироничные ноты: «При выходе из лодки... я заикнулся было об извозчике для моего багажа, но этим вызвал только смех моих спутников. Оказалось, в Сургуте не только извозчиков нет, но даже не имеется ни одного колеса. Кругом вода, так что на колесах некуда ездить. Пришлось пешком отправиться к квартире помощника исправника» [Лейвин, 1998, с. 13].

На антиципационной стадии преодолевающего переживания реализуется способность человека предвосхищать ход событий и планировать перспективу, что является признаком снижения остроты аффективной симптоматики. При благоприятном развитии событий на данном этапе личность вырабатывает способность к выбору стратегий поведения в условиях травматического изменения жизненной ситуации, осваивает механизмы самокоррекции.

В действиях Д.Д. Лейвина, судя по воспоминаниям, уже в период первоначального обустройства прослеживаются исходный план и внутренняя готовность к поиску адекватных ситуации адаптационных стратегий. В первую очередь это проявилось в стремлении восстановить привычную коммуникативную среду: «Оставшись наконец один, без всяких провожатых, я вздохнул свободнее и первым делом послал какого-то мальчика разыскать кого-нибудь из политических ссыльных и попросить его прийти ко мне через короткое время» [Там же, с. 13]. Помимо желаний возобновить общение с себе подобными автор и герой воспоминаний осознавал важность сбора информации о месте ссылки: географических и климатических условиях города и окрестностей, численности и социальном составе населения, материальном положении горожан, жилищных условиях и кухне. Подобные сведения для Лейвина имели практико-ориентированный характер и способствовали скорейшему бытовому обустройству. Показательно, что значительный объем мемуарного текста посвящен описанию и характеристике базовых условий существования. Более того, сам мемуарист подчеркивал приоритетность для него профанного быта в подробных повествованиях о найме жилья, о рыбной ловле как способе пропитания, поиске «стола» и тратах на продукты, что, по всей видимости, «вытеснило» на некоторое время из сознания мысли о книгах, которых он «привез с собой мало, да и как-то не читалось...» [Там же, с. 15–17]. Наконец, условия жизни в отдаленном от региональных центров Сургуте, где возможности удовлетворения элементарных потребительских нужд были ограничены или вообще отсутствовали, становились для политического ссыльного своеобразной питательной средой формирования и эскалации преодолевающего переживания, что выражалось в разработке адаптационных стратегий,

не вполне свойственных людям, к кругу которых принадлежал Д.Д. Лейвин. Он, в частности, вспоминал: «Кроме кузнеца, в Сургуте не было никаких ремесленников: ни сапожника, ни портного, ни столяра, ни парикмахера. Не получая пособия от казны и никакой денежной помощи от родных, с одной стороны, а с другой, имея много свободного времени да и полное отсутствие возможности зарабатывать интеллигентным трудом, я нашел необходимым заняться каким-нибудь ремеслом. Выбрал я сапожничество, как не требующее никакой физической силы, да и инструменты для него стоили недорого» [Там же, с. 19–20]. Избыток свободного времени в сочетании с недостатком книг для регулярного чтения создавали предпосылки для варьирования рода занятий, обеспечивавших Лейвину минимальный комфорт, материальный и интеллектуальный. Освоив попутно с сапожничеством, имевшим сезонный характер, парикмахерское искусство и переплетное дело, приносившие реальный денежный доход, ссыльный получал возможность заниматься переводами с немецкого и французского языков, «записывая самым тщательным образом, думая таким образом исправить свой отвратительный почерк» [Там же, с. 20].

Примечательно, что адаптационная стратегия преодолевающего переживания, озаглавленная освоением новой профессии и выбранная Д.Д. Лейвиным, была достаточно широко представлена в сообществе политических ссыльных Тобольского Севера. Л.А. Иванов, осужденный к ссылке за участие в процессе 50-ти, по прибытии в Сургут открыл столярную мастерскую [Там же, с. 21]; К.Н. Филиппов также занимался столярничеством, перемежая его ремонтом карманных часов [Там же, с. 28]; В.И. Моргунов вел сельское хозяйство на арендованной земле и, кроме того, осваивал навыки кузнечного и столярного дела [Там же, с. 28].

Выбор означенных адаптационных стратегий и их репрезентация в тексте воспоминаний Д.Д. Лейвина несколько расходятся с шаблонным представлением, сообразно с которым ссыльные массово продолжали проявлять в Сибири интеллектуальную и политическую (революционную) активность.

Во-первых, политизация ссылки началась только со стартом XX в., когда в ее составе начал преобладать радикальный социал-демократический элемент [Сибирская ссылка, 2011, с. 3].

Во-вторых, географические рамки распределения ссыльных ко второй половине XIX – началу XX в. были достаточно широки, и в некоторых регионах, в частности на Тобольском Севере, возможность заниматься оплачиваемым интеллектуальным трудом была ограничена, в том числе законодательно, так как согласно правилам по устройству быта политических ссыльных, им было запрещено заниматься педагоги-

ческой и преподавательской деятельностью, занимать должности в правительственных учреждениях, вести медицинскую практику [Сальникова, 2017, с. 278]. Из воспоминаний Д.Д. Лейвина явственно следует, что основным источником дополнительных доходов политических ссыльных были занятия разного рода ремеслами, а обращение к интеллектуальному труду носило прецедентный характер, в том числе в силу вышеуказанных ограничений. Так, упоминаемый автором мемуаров С.П. Шевцов, отбывающий ссылку в Сургуте и работавший в кузнечной мастерской, тайно обучал грамоте супругу своего товарища по ссылке В.Я. Мрачковского, а после перевода в Тару передал учительские обязанности Д.Д. Лейвину [1998, с. 23].

В-третьих, многие инциденты в среде ссыльных, воспринимаемые и трактуемые историками как политический протест, часто имели бытовую окраску и возникали как реакция на нарушение справедливости и привычного, уже сложившегося жизненного порядка. Д.Д. Лейвин в мемуарах неоднократно упоминает о травмирующих ситуациях, вызывавших острое неприятие среди политического контингента ссылки. К таковым он относил цензурирование почты и практику регулярного контроля поселенцев представителями полиции. Лейвин писал по данному поводу: «как печально было первое время смотреть на полученные письма, запачканные надписью: «читал исправник такой-то» [Там же, 1998, с. 17]; «эти посещения (полицией. – М.Ч.) очень нервировали нас, и мы послали депутата к исправнику поговорить по душам – ну, и посещения стражников мало-помалу совершенно прекратились» [Там же, 1998, с. 23]. Следует принимать во внимание, что в 1880-е гг. в народной среде политическая активность радикального плана шла на убыль, при этом популярность набирала теория «малых дел», предполагающая отказ от революционной деятельности в пользу непосредственного улучшения народного быта. До некоторой степени дрейф народничества к проблемам практических нужд крестьянства, в условиях ограничения личной свободы, выражался в расширении спектра профессий, имевших сугубо прикладное значение, что часто вызывало волну критики со стороны современников. Иванов-Разумник называл теорию «малых дел» мещанской теорией «житейского благополучия», отражающей взгляды «среднего человека» – представителя толпы [1997, с. 51], что косвенно указывает на высокий адаптационный потенциал выбираемых народниками прикладных профессий.

**«СООБЩЕСТВО УТРАТЫ»,
ТИПЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ**

Общность травматического опыта политических ссыльных выступала основанием для формирования

«сообщества утраты», маркируемого устойчивой групповой идентичностью, сплоченностью и стремлением к коммуникативному действию.

Конструируемая Д.Д. Лейвиным среда взаимодействия политических ссыльных позволяет более предметно соотнести типы совладающего поведения отдельных представителей локального сообщества с формируемыми алгоритмами сосуществования с травмой – виктимным и жизнестойким [Одинцова, 2015, с. 104–108].

Классики психологии совладания С. Фолкман и Р. Лазарус в качестве основных типов совладающего поведения выделили конфронтирование, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, а также положительную переоценку, предполагавшую усилия по созданию положительного значения ситуации с фокусированием на росте собственной личности [Lazarus, Folkman, 1984].

Отметим, что в материалах воспоминаний Д.Д. Лейвина достаточно трудно обнаружить принадлежность персонажей к какому-то одному классическому типу совладающего поведения. Более того, можно говорить об определенной тенденции: при благоприятных условиях жизненного цикла происходило постепенное приспособление структур личности к социальной среде, в рамках которого менялся и тип поведения политического ссыльного.

Так, Д.Д. Лейвин, рассказывая о своем товарище Л.А. Андрееве, первоначально анонсирует типичную модель конфронтирования, характеризуя его как человека бесконечно озлобленного: «Не раз он повторял, что с величайшим удовольствием он бы тупой стамеской легонькими ударами молотка пробил бы голову всякому жандарму и полицанту.... При редких посещениях нас исправником Иванов бледнел, плохо владел голосом и вообще был сам не свой, объясняя такое свое состояние тем, что ему невыносима мысль о полной своей зависимости от такой сволочи» [Лейвин, 1998, с. 21]. Между тем в поведении Иванова мемуарист обнаруживает способность к самоконтролю, дистанцированию, избеганию, а также формированию позитивной жизненной стратегии. Л.А. Иванов, в разговорах и практических делах позиционируя себя как человека крайне мстительного, в приватной беседе с Д.Д. Лейвиным объяснил ему, «что без отместки он, при всем своем желании, не может перенести ни малейшего задевания его самолюбия, но, отомстив хотя бы только одною бранью, он не чувствует больше никакого раздражения против задевшего его самолюбие и часто даже жалеет, что не мог удержаться от мести. Это объяснение Иванова было понято как его извинение за нападки» [Там же, с. 22].

Несмотря на сложившуюся практику «коммунальной» жизни, Л.А. Иванов, по словам Лейвина, стремился к уединению, тяготился общественным бытом, дистанцировался от серьезных политических разговоров и в конечном счете женился, обретя вожделенный душевный комфорт. Д.Д. Лейвин отмечал, что «...отговаривал Иванова от женитьбы на А. Ил., полагая, что у него нет к ней соответствующего чувства, но Иванов своего намерения не изменил. Женился он на ней вскоре после моего отъезда из Сургута и писал мне, что у него в квартире после женитьбы как будто посветлело, а через год, когда у него родилась дочь Галя, он писал, что ему стало теплее жить на свете...» [Там же, с. 30].

Д.Д. Лейвин, реконструируя в своих воспоминаниях круг общения с другими политическими ссыльными, неоднократно подчеркивал нерасположенность своих товарищей в начальный период отбывания ссылки к каким-либо политическим беседам, что объяснялось, с одной стороны, такими причинами, как отсутствие доступа к периодической печати, недостаток книг, плохо работавшая почта, ставившая объективные препоны коммуникации с окружающим миром. Лейвин писал: «Особенно я скучал первое время в Сургуте за всякими теоретическими разговорами: никто из товарищей не имел к ним ни малейшей охоты» [Там же, с. 17, 21]. С другой стороны, избегание как тип совладающего поведения было во многом обусловлено необходимостью адаптироваться к условиям существования и предполагало поиск таких вариантов социальной поддержки, которые могли бы обеспечить элементарное выживание в трудной жизненной ситуации. Изрядный массив текста воспоминаний посвящен сюжетам добычи «хлеба насущного», чем в равной степени были озабочены все члены локального сообщества. Рыбная ловля (Н.Я. Фалин и Д.Д. Лейвин), столярное дело (Л.А. Иванов), поиск и добыча угля для кузнечной мастерской (В.Я. Мрачковский) – вот далеко не полный перечень повседневных производственных практик ссыльных.

В данном плане Д.Д. Лейвин в мемуарах регулярно будирует тему «коммунарского» быта, обеспечивавшего всем участникам объединения необходимую внутреннюю социальную поддержку. При этом внутренняя консолидация имела ограниченный характер, соотносясь с общей стратегией выживания. Как только элементарные гарантии существования (совместное пропитание) оказывались удовлетворены, возникали прецеденты дистанцирования, организации самостоятельного жизненного пространства. Лейвин вспоминал, что многие политические ссыльные, разделявшие с ним стол, в частности, С.П. Швецов, Ю.Ф. Овсянный, Л.А. Иванов, предпочитали квартиру отдельно [Там же, с. 23, 28].

Внешнюю поддержку политические ссыльные искали и часто обнаруживали у местного населения, контакты с которым реализовывались по разным направлениям, но всегда являлись составляющей частью стратегии «преодолевающего поведения» и использовались как инструмент социальной опоры в переживании травматического опыта. Д.Д. Лейвин, констатируя безусловный ригоризм своего окружения в вопросах отношений с женщинами [Там же, с. 25], тем не менее, обращал внимание на частоту контактов политических ссыльных с местными жительницами. По наблюдениям мемуариста, эти взаимоотношения, за редким исключением, носили платонический характер и вызвали внутригрупповое осуждение, когда приобретали интимный оттенок. Лейвин с благодарностью вспоминал женщину, почувствовавшую ссыльным и присылавшую им 3–4 раза в год белый хлеб, однако с негодованием и презрением отзывался об Ю.Ф. Овсянном, который проявлял к ней сугубо мужской интерес [Там же, с. 19]. Столь же непримиримо он реагировал на «романы» Н.Я. Фалина, который «водился» с красивыми девушками, «вовсе недостойными его...», заболел психически и был помещен в дом сумасшедших в Тобольске» [Там же, с. 25].

Формированию положительной переоценки травматического опыта и разработке эффективных моделей преодолевающего поведения содействовал относительно спокойный надзорный фон, окружавший политических ссыльных. По признанию Д.Д. Лейвина, весь период его пребывания в Сургуте отношения с полицией складывались как вполне удовлетворительные, к недолгосрочным отлучкам ссыльных власти относились индифферентно. Во многом, как свидетельствовал мемуарист, это было связано с отдаленностью места поселения, когда даже вышестоящее начальство, в частности начальник Главного тюремного управления М.Н. Галкин-Врасский, ревизовавший в 1882 г. каторгу и ссылку, предпочел проехать мимо Сургута, удовлетворившись кратким докладом исправника [Там же, с. 30–31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общие итоги, отметим, что репрезентация политической ссылки как травмы и посттравмы в мемуарах представителей ее народнического сегмента расширяет инструментальные возможности эго-свидетельств в выявлении сценариев и стратегий существования личности в трудных жизненных обстоятельствах, в понимании того, что опыт преодолевающего переживания и совладающего поведения в границах одной локальной группы при критическом сопоставлении с текстами подобного ряда может распространяться и на другие сообщества политических ссыльных.

Поселенческий опыт политических ссыльных 1880-х гг., запечатленный в воспоминаниях Д.Д. Лейвина, позволяет констатировать, что в условиях частичного ограничения свободы и сохранения возможности групповой коммуникации образовывалось «сообщество утраты», которое вырабатывало поведенческие стратегии, направленные на «инкапсуляцию» травмы и позволяющие вписывать травматический опыт в структуры повседневности. Существование с травмой предполагало и использование практик совладания с травмой, определяемых спецификой индивидуального поведения в обстоятельствах стресса, но в конечном счете, ориентированных на создание позитивной ситуации с фокусированием на развитии собственной личности и достижении комфортных условий существования.

Исследование продемонстрировало расположенность сообщества политических ссыльных к конструированию жизнестойкого, а не виктимного образа жизни, что в значительной степени корректировалось морально-нравственными ценностями группы, воплощенными в народническом этосе, и наглядно проявлялось в выборе рода деятельности и способов выживания в условиях ссылки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
- Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 164 с.
- Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. М.: Терра; Республика, 1997. Т. 3. 366 с.
- Калшед Д. Внутренний мир травмы: архетипические защиты личного духа. М.: Академический Проект, 2007. 365 с.
- Кеннан Дж. Сибирь: Очерки. СПб.: М.В. Пирожков, 1906. Т. 1–2.
- Лейвин Д.Д. Из воспоминаний. Быт политических ссыльных в г. Сургуте в 1870–1880-х гг. // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 13–33.
- Мазур Е.С. Психическая травма и психотерапия // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 1. С. 31–52.
- Максимов С.В., Быков П.В. Собрание сочинений С.В. Максимова, с портретом и вступительным очерком о его жизни и литературной деятельности П.В. Быкова. СПб.: Т-во «Просвещение». Т. 1: Сибирь и каторга [1908], 426 с.
- Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и археологические находки. М.: Лантерна: Вита, 1995. 207 с.
- Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 549 с.
- Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: Практическое руководство. М.: МЕДпресс, 1998. 592 с.
- Одинцова М.А. Преодолевающие стратегии поведения лиц, объединенных схожим травматическим опытом // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 104–110.
- Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.

Рехтман Р., Фассен Д. Моральная экономика травмы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. № 5(127). С. 33–46.

Сальникова, Е. С. Положение уголовных и политических ссыльных в Сибири во второй половине XIX века. Сравнительный анализ // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 274–283.

Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). 720 с.

Сибирь в составе Российской империи / отв. ред.: Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 362 с.

Сто лет политической каторги / 2-й Всесоюзный Съезд политкаторжан 26–29 декабря 1925 г.; Всес. о-во политических каторжан и ссыльно-поселенцев. 1825–1905–1925. М.: [Б. и.], 1926. 66 с.

Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 429 с.

Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травмопункты: сб. стат. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое лит. обозрение, 2009. С. 5–45.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь Мир, 2022. Т. 1.: Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2.: К критике функционалистского разума.

Хазихметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организация, революционные связи). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 183 с.

Чуркин М.К. «Ссыльный реформатор»: репрезентации М.М. Сперанского в публицистике и эпистолярном наследии сибирских областников // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. № 2(29). С. 53–59.

Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. 752 с.

Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N. Y.: Springer Publishing Company, 1984. 456 p.

Tonnies F. “Community” // The Concise Oxford Dictionary of Sociology / Ed. by Gordon Marshall. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 72–73.

REFERENCES

- Assman A. (2014). Long shadow of the past. Memorial culture and historical policy. Moscow, New lit. Rev., 328 p. (In Russ.)
- Churkin M.K. (2022). “The exiled reformer”: representations of M.M. Speransky in journalism and epistolary heritage of Siberian regionalists. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 53–59. (In Russ.)
- Dameshek L.M. (1986). The internal policy of tsarism and the peoples of Siberia (the XIX – early XX centuries). Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 164 p. (In Russ.)
- Dameshek I.L., Remnev A.V. (Eds.) (2007). Siberia within the Russian Empire. Moscow. Novoye literaturnoye obozreniye, 362 p. (In Russ.)
- Habermas Y. (2022). Theory of communicative activity. Moscow, Ves' Mir, vol. 1/2, 880 p. (In Russ.)
- Haziahmetov E.Sh. (1978). Siberian political exile 1905–1917: (appearance, organization, revolutionary connections). Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 183 p. (In Russ.)
- Ivanov A.A., Kuznetsov S.I., Shostakovich B.S. (Eds.) (2011). Siberian exile: collection of scientific articles. Irkutsk, Ottisk, iss. 6, 720 p. (In Russ.)
- Ivanov-Razumnik R.V. (1997). History of Russian social thought. Vol. 3. Moscow, Terra, Respublika, 366 p. (In Russ.)
- Kalshed D. (2007). The inner world of trauma: archetypal defenses of the personal spirit. Moscow, Akademicheskiiy proyekt, 365 p. (In Russ.)
- Kenan Dzh. (1906). Siberia: Essays in 2 vols. Saint Petersburg, M.V. Pirozhkov. (In Russ.)
- Lazarus R.S., Folkman S. (1984). Stress, appraisal and coping. N. Y., Springer, 456 p.

- Levin D.D. (1998). From memories. Life of political exiles in the city of Surgut in the 1870–1880s. *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka*. Ekaterinburg, pp. 13–33. (In Russ.)
- Maksimov S.V. (1908). Collected works of S.V. Maksimov, with a portrait and an introductory essay on his life and literary activity by P.V. Bykov. Saint Petersburg, Prosveshchenie, vol. 1: Siberia and exile, 426 p. (In Russ.)
- Margolis A.D. (1995). Prison and exile in Imperial Russia: research and archaeological finds. Moscow, Lanterna, Vita, 207 p. (In Russ.)
- Mathanova N.P. (2010). Siberian memoirs of the XIX century. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 549 p. (In Russ.)
- Mazur E.S. (2003). Psychic trauma and psychotherapy. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*. No. 1, pp. 31–52. (In Russ.)
- Mendelevich V.D. (1998). Clinical and medical psychology: a practical guide. Moscow, MEDpress, 592 p. (In Russ.)
- (1926). A hundred years of political penalty: 2nd All-Union Congress of Political Penitentiaries, December 26–29, 1925 (1825–1905–1925). Moscow, 66 p. (In Russ.)
- Odintsova M.A. (2015). Coping strategies of behavior of individuals united by similar traumatic experiences. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. Vol. 15, iss. 1, pp. 104–110. (In Russ.)
- Rekhtman R., Fassen D. (2015). Moral economics of trauma. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. No 5, pp. 33–46. (In Russ.)
- Remnyov A.V. (2015). Siberia in the imperial geography of power in the XIX – early XX centuries. Omsk, Izd-vo Om. gos. un-ta, 580 p. (In Russ.)
- Roshchevskaya L.P., Beloborodov V.K. (Eds.) (1998). Tobolsk North through the eyes of political exiles of the XIX – early XX centuries. Ekaterinburg, Sred.-Ural. kn. izd-vo, 429 p. (In Russ.)
- Sal'nikova E. S. (2017). The situation of criminal and political exiles in Siberia in the second half of the XIX century. Comparative analysis. *Sibirskaya ssylka: sbornik nauchnykh statey*. Irkutsk, pp. 274–283. (In Russ.)
- Tomms F. (1996). Community. *The concise Oxford dictionary of sociology*. N. Y., Oxford, pp. 72–73.
- Ushakin S. (2009). «We need to breathe this pain»? On trauma, memory and communities. *Travmopunkty*. Moscow, pp. 5–45. (In Russ.)
- Yadrintsev N.M. (2015). Russian community in prison and exile. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 752 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.01.2023

Дата рецензирования 22.02.2023

Статья принята к публикации 28.02.2023

DOI: 10.15372/HSS20230109
УДК 94(47)“1916”

¹А.К. КИРИЛЛОВ, ²Е.А. КОСЫХ, ³М.А. РЕЗНИКОВА

ПОДАТНОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СПОРЕ С НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКАМИ: ВЫЯСНЕНИЕ ДОХОДОВ ТОМИЧЕЙ, ПОЛУЧЕННЫХ В 1916 г.

^{1,3} Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

²Сибирский государственный университет потребительской кооперации,
РФ, 630087, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 26.

Вопрос о степени достоверности данных о доходах плательщиков подоходного налога изучен авторами статьи с опорой на материалы, отложившиеся в фонде Томской казенной палаты и связанные с рассмотрением фискальными органами жалоб налогоплательщиков. Установлено, что легко удовлетворялись требования предоставить налоговый вычет на страховые взносы, обслуживание долгов или благотворительные пожертвования. Жалобы на завышенную сумму доходов от службы или частной практики встречали более требовательный подход. Податные инспектора использовали собственные сведения, позволявшие им настаивать на повышении сведений, заявленных плательщиком. Самый большой разрыв между заявленным и вмененным доходом имел место при обложении предпринимателей. Требования заявителей могли быть удовлетворены лишь при наличии убедительных и правильно оформленных документов. В целом авторы полагают, что проявленная фискальными органами самостоятельность по отношению к доводам плательщиков, наличие у них собственных источников информации, сочетание разных сценариев рассмотрения жалоб свидетельствуют в пользу достоверности цифр, принятых для обложения доходов в 1916 г. подоходным налогом.

Ключевые слова: экономическая история, дореволюционная Россия, подоходный налог, доходы населения, податные присутствия.

Для цитирования: Кириллов А.К., Косых Е.А., Резникова М.А. Податное присутствие в споре с налогоплательщиками: выяснение доходов томичей, полученных в 1916 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 80–87. DOI: 10.15372/HSS20230109.

¹A.K. KIRILLOV, ²E.A. KOSYKH, ³M.A. REZNIKOVA

TAX OFFICE IN A DISPUTE WITH TAXPAYERS: FINDLING OUT THE INCOMES OF TOMSK RESIDENTS RECEIVED IN 1916

^{1,3} Institute of History of SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation,
Novosibirsk State University,

1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation,
²Siberian State University of Consumer Cooperation,
26, Karl Marx Ave., Novosibirsk, 630087, Russian Federation

The authors study the issue of reliability degree of data concerning the income amount of the late imperial Russia tax payers based on materials deposited in the fonds of the Tomsk State Chamber. The documents concern consideration of taxpayers' complaints by the fiscal authorities. They

Исследование проводится при поддержке РФФ, проект № 21-18-00509 «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до “Великого перелома” в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)» (руководитель Л.И. Бородкин).

Алексей Константинович Кириллов – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, доцент, Новосибирский государственный университет, e-mail: alkir.nsk@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8286-3795>.

Екатерина Андреевна Косых – преподаватель, Сибирский государственный университет потребительской кооперации, e-mail: katherine.plaksina4@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4175-8187>.

Мария Александровна Резникова – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, ассистент, Новосибирский государственный университет, e-mail: sharshova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2294-7134>.

Alexey K. Kirillov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS, Associate Professor, Novosibirsk State University.

Ekaterina A. Kosykh – Tutor, Siberian State University of Consumer Cooperation.

Maria A. Reznikova – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of History SB RAS, Lecturer, Novosibirsk State University.

include the complaints themselves, journals of the governorship income tax office, as well as documents of district offices and tax inspectors. It has been found out that qualified wageworkers (who made up the majority of income tax payers for 1916, but a minority of complainants) generally demanded only a small reduction in the amount of income imputed to them. The main grounds for such requirements were tax deductions stipulated in the law – insurance premiums, debt service, charitable donations. Such requirements were easily satisfied by the fiscal bodies in the presence of supporting documents. Complaints about the inflated income amount from service or private practice were met with a more demanding approach. The tax inspectors and district offices led by them showed readiness to use their own information, which allowed them to insist on an increase in the income figure declared by the payer. The largest gap between the declared and imputed income was when it came to taxing entrepreneurs (the largest group among complainants). The discussion of entrepreneurial income would match quite well the traditions of the trade tax distribution offices: claims of applicants could be satisfied only if there were convincing and correctly executed documents. However, entrepreneurial complaints ended sometimes successfully too. In general, the authors believe that the independence shown by fiscal authorities in relation to payers' arguments, availability of their own sources of information, combination of different scenarios for considering complaints (satisfaction, refusal, partial satisfaction) work in favor of the reliability of income figures adopted for taxing the income of 1916 with income tax.

Key words: economic history; late imperial Russia; income tax; population income; tax offices.

ВВЕДЕНИЕ

Для историков, изучающих предреволюционную Россию, одной из важнейших проблем остается материальное неравенство в стране [Бородкин, 2019; Диденко, 2022]. Оценки остроты такого неравенства выходят на вопрос о причинах Великой российской революции [Миронов, 2009; Ханин, 2010; Миронов, 2012]. В этих спорах участвуют не только российские, но и зарубежные экономисты и историки [Lindert and Nafziger, 2013; Novokmet et al., 2017]. Самые желанные данные для исследователей неравенства в разных странах и эпохах – это сведения о доходах граждан, получаемые налоговыми службами согласно расчету подоходного налога. Идея подоходного налога во второй половине XIX в. вызывала напряженное обсуждение в разных странах, но все же на Западе к началу Первой мировой войны такой налог существовал [Daunton, 2001; Daunton, 2002; Scheve and Stasavage, 2016]. В России подоходный налог начал собираться только в 1917 г.; вся дореволюционная эпоха оказалась лишена этого ценного источника сведений [Беляев, 2002; Kotsonis, 2014; Кравцова, 2019]. Есть только одно исключение, которое, следовательно, приобретает особую ценность: данные за 1916-й год. Дело в том, что тот подоходный налог, который начали начислять податные инспектора в революционном 1917 г., относился к доходам за предыдущий год. Историки за счет этого получают шанс поработать с официально установленными цифрами доходов граждан Российской империи.

Но можно ли доверять этим данным? Подоходный налог образца 1916 г. – это налог для богатых (имевших доход не менее 850 руб.); правительство, разрабатывая закон о подоходном налоге, постаралось оградить интересы плательщиков от произвола чиновников [Кириллов, 2017]. Вместе с тем, были сомнения в том, что податные инспектора смогут на деле проверять поступающие к ним данные [Марискин и др., 2014]. Как на практике работала система сдержек и противовесов при определении доходов, подлежащих подоходному налогу; позволяла ли она

нерадивым плательщикам занижить сумму доходов, а нерадивым чиновникам – завысить?

Судить об этом мы можем с опорой на журналы губернских присутствий по рассмотрению жалоб налогоплательщиков. Плательщики пользовались своим правом обжаловать размер налогооблагаемого дохода, вмененного им податным присутствием по рассмотрении их «заявлений» (налоговых деклараций). Губернские присутствия создавались на базе казенных палат при участии чиновников и представителей плательщиков.

Данная статья опирается на материалы Томской казенной палаты, к ведению которой относились податные споры на территории Томской губернии, включавшей половину всей Западной Сибири. Краткие журналы, излагающие решение высокого органа (губернское присутствие), сопровождаются в архивных делах жалобами плательщиков, перепиской с податными инспекторами, решениями нижестоящих присутствий, копиями окладных листов и другими документами, позволяющими получить более полную картину. Из 49 жалоб, поступивших в губернское присутствие, 5 были по техническим причинам оставлены без рассмотрения, 21 отклонена, 18 удовлетворены полностью, 5 – частично. Из 39 жалобщиков, для которых вполне определен их общественный статус, к категории торговцев относились – 23 чел.; из них 12 чел. жалобы проиграли, 8 – выиграли (1 – удовлетворена частично, 2 прекращены по техническим причинам). Из 16 служащих 5 добились желаемого полностью, 3 – частично, 7 жалоб были отклонены (1 прекращена по техническим причинам).

ОБСУЖДЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ

Больше всего шансов на удовлетворение имели жалобы тех плательщиков, которые соглашались с определенной им суммой дохода, но просили об указанных в законе вычетах – как правило, небольших по сравнению с суммой дохода. Чаще всего речь шла о том, что присутствие не учло уплаченные квартирный и военный налоги, взносы на благотворитель-

ность, или просто допустило ошибку в каких-то мелочах. Как правило, это жалобы, полученные от служащих или домовладельцев, не занимающихся торговлей. Обычно в таких случаях просители прикладывали подтверждающие документы.

Главный контролер Томской железной дороги Михаил Сергеевич Столяров подавал жалобы дважды – 18 июля и 2 декабря 1917 г. В первой жалобе он просил исключить из общей суммы, подлежащей обложению, уплаченный им квартирный налог и выплаты, которые в заявлении обозначены как «удержания». Члены присутствия согласились вычесть квартирный налог, тем самым исправив явную ошибку податного инспектора: закон о подоходном налоге четко указывал, что уплаченный квартирный налог принимается в зачет подоходного. Но «удержания» из жалования в расчет приняты не были за отсутствием каких-либо доказательств этого факта.

Столяров не поленился подать вторую жалобу, которая тоже была рассмотрена. Из справки канцелярии Томской железной дороги, предъявленной в качестве доказательства по второй жалобе, мы узнаем, что служащие из своего содержания платили: страховую премию в Комитет пенсионной кассы; взнос в капитал для стипендии им. П.А. Харитонов в учебные заведения, а также отчисления на нужды войны¹. После предъявления доказательств этих платежей члены присутствия удовлетворили просьбу М.С. Столярова. Еще более любезно было присутствие в отношении жены чиновника Е.Н. Кедровой. Жалобщица в ноябре 1917 г. просила вычесть из суммы дохода проценты по долгам, выплаченные общественному банку, и страховые выплаты, прилагая справки Русского страхового общества и самого банка². В журнале от 10 октября 1918 г. присутствие не только приняло ее жалобу, но и нашло ошибку в собственных расчетах, указав, что помимо банковских выплат, требуется вычесть еще земские и городские налоговые сборы, «ошибочно пропущенные им [присутствием. – Авт.] при рассмотрении жалобы при заседании от 28 марта с/г.»³.

Следующее дело интересно тем, что губернское присутствие поступило вразрез с предложениями податного инспектора и руководимого им участкового присутствия. Константин Максимович Стрижев – начальник Обского участка Томского округа путей сообщения – был в числе тех, кто не сообразил сразу заявить вычет на обслуживание долга, поэтому ему пришлось подавать возражение против присланного ему окладного листа. Оказалось, что он был должен,

начиная с 1915 г., выплатить по исполнительному листу 7 тыс. руб. К.В. Попову⁴. Сам по себе факт уплаты сомнений не вызывал, и часть общей суммы, выплаченная в 1916 г., устанавливалась с точностью до копейки, и участковое присутствие постановило вычесть из облагаемой базы 6 % уплаченной суммы – обычную стоимость банковского кредита. При таком решении изменение облагаемой базы К.М. Стрижева было бы столь несущественным, что снижать налог не пришлось бы. Однако губернское присутствие учло дополнительные юридические тонкости: оказалось, что лишь половина выплаченных в 1916 г. денег относилась к погашению основного долга, а вся вторая половина пришлась на уплату процентов по всему долгу. После того как вся эта половина была вычтена из облагаемой базы К.М. Стрижева, его платеж в подоходный налог сократился почти вдвое: со 150 до 83 руб.

Две жалобы поступили от Зунделевичей – вероятно, мужа и жены, проживавших по одному адресу в г. Томске. Поданные в один (столь важный для страны) день, они различаются и по содержанию, и по результатам. Иосиф Ильич Зунделевич 26 октября 1917 г. подал в губернское присутствие жалобу на включение в общую сумму его дохода (3019 руб.) сумм, потраченных на благотворительность. К жалобе плательщик приложил две квитанции и две справки: от Томского отделения еврейского комитета помощи жертвам войны (120 руб. поступлений за 1916 г.), от Томского еврейского хозяйственного правления (60 руб.), от Томского еврейского духовного правления (6 руб. для продовольствия бедных евреев г. Томска к празднику Пасхи), от 2-го прихода Томской синагоги (5 руб.).

Участковое присутствие рассматривало жалобу И.И. Зунделевича 15 ноября 1917 г. В журнале было отмечено, что в исходной декларации проситель заявил к вычету из дохода две суммы: 200 и 150 руб. Никаких подтверждающих документов к декларации приложено не было, поэтому участковое присутствие вычеты не произвело. После того как Зунделевич предоставил квитанции и справки на сумму 191 руб., эту сумму вычли из общего дохода, за счет чего налог уменьшился с 68 до 57 руб.⁵ Неясно, намеренно ли И.И. Зунделевич не предоставил эти справки и квитанции при заполнении своей декларации. Ведь он указал к вычету более крупную сумму, чем смог в итоге доказать. Возможно, он сделал так, рассчитывая «на авось» и надеясь, что присутствие не станет требовать подтверждающих документов. Как бы то ни было, жалобу удовлетворили сполна, Зунделевич смог сэкономить 11 руб.

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 196. Оп. 8. Д. 46. Л. 3.

² Там же. Д. 24. Л. 7.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ Там же. Д. 47. Л. 8.

⁵ Там же. Д. 20. Л. 2–10.

**ОБСУЖДЕНИЕ ДОХОДОВ
ОТ СЛУЖБЫ И ЧАСТНОЙ ПРАКТИКИ**

Попыталась изменить вмененную ей сумму и Сарра Хаимовна Зунделевич. В своей жалобе она указала, что участковое присутствие определило ее доход от зубоврачебной деятельности в 2000 руб., в то время как она показала в декларации сумму в 1000 руб. Настаивая на своей правоте, она отмечала, что по состоянию здоровья ведет прием только восемь месяцев в году (с сентября по апрель), и кабинет открыт лишь шесть часов в день. Она предположила, что сумма в 2000 руб. взята по аналогии с доходами большинства других зубоврачебных кабинетов, между тем как в районе ее проживания такая сумма дохода «всегда была несбыточна». В заключение Сарра Хаимовна выражала готовность признать доход не более 1200 руб. На запрос председателя присутствия о доказательствах заявленной доходности Зунделевич сообщила, что не ведет записи доходов. С учетом этого участковое присутствие на заседании 8 марта 1918 г. жалобу плательщицы оставило без удовлетворения. Томское губернское по подоходному налогу присутствие утвердило это решение 18 февраля 1919 г.⁶ Формально податной надзор победил – хотя фактически к 1919 г. те несколько десятков рублей, из-за которых возник этот спор двумя годами ранее, превратились в ничтожную сумму.

Всего за день до Зунделевичей, 25 октября 1917 г., жалобу в губернское присутствие подал дьякон Матвей Михайлович Попов. Он указывал, что при подаче «заявления» (налоговой декларации) не только не занизил, а даже «по неопытности» немного завысил подлежащую обложению сумму. Во-первых, он включил в доход проценты от военного займа 1915 г. (52 руб. 26 коп.), хотя эти доходы были освобождены от государственных налогов. Во-вторых, «скостил с себя» взносы в пенсионную кассу в Народном собрании в сумме 27 руб. 96 коп. («хотя на руки этих денег не получаю»). Будучи уверен, что присутствие примет его расчеты, он 2 августа 1917 г. уплатил в казначейство 10 руб. 50 коп. – первую половину рассчитанного им для себя подоходного налога. Однако в начале октября Попов получил окладной лист, в котором значились совершенно другие суммы. С общего дохода в 2335 руб. полагался к уплате подоходный налог в сумме 48 руб. Дьякон решительно не согласился с такой суммой и приложил перечень всех своих доходов «в соответствии с расходными книгами» учреждений, от которых получал содержание. В своем заявлении он указал следующее: «доходы по братской кружке» – 531 руб., жалование за преподавание в трех городских училищах – 531 руб. 12 коп.,

жалование за преподавание в однокомплектном училище за два месяца – 11 руб. 40 коп., жалование за преподавание в церковно-приходской школе – 30 руб., за надзор на кладбище – 80 руб., жалование жены как заместительницы учителя в городском училище – 98 руб., проценты с капитала – 115 руб. 15 коп. Квартира, занимаемая в церковном доме, была оценена Поповым в 180 руб. Из общей суммы 1576 руб. 67 коп. было уплачено в кассу взаимопомощи 7 руб. 50 коп. К обложению осталась, по расчетам плательщика, сумма в 1569 руб. 17 коп.

Участковое присутствие, формулируя 8 марта 1918 г. собственное мнение по жалобе Попова, не вполне раскрыло логику своих расчетов, но определенно заявило о наличии данных городской управы, опровергающих заявление плательщика о сумме дохода от преподавания. При этом чиновники отметили, что в сведениях, присланных церковью, указан больший доход, чем показал Попов, но так как по закону доход от совершения треб проверке не подлежал, то это расхождение не было вменено дьякону в вину. Присутствие признало, что при суммировании сведений о вознаграждении за преподавание допустило ошибку, включив 177 руб., уже учтенные в сведениях, сообщенных городской управой. Каким образом эти рассуждения привели к снижению доходов более чем на 500 руб., понять из документа невозможно, однако итог был именно таким: дьякону вменили всего 1702 руб. прибыли, начислив 26 руб. налога. Это предложение участкового присутствия было одобрено 10 октября 1918 г. и утверждено на уровне губернии⁷.

**ОБСУЖДЕНИЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОХОДОВ**

Самые ожесточенные и изощренные споры разворачивались, когда речь заходила о жалобах предпринимателей. В таких случаях была наивысшей и цена вопроса: заявленные плательщиком цифры и данные, утвержденные участковым присутствием, могли различаться в несколько раз. Зачастую к жалобам не было приложено ничего, что могло бы подкрепить претензии налогоплательщиков, которые все-таки настаивали на том, что участковое присутствие не имело права увеличивать заявленную ими сумму дохода. Присутствие же воспринимало отказ плательщиков подкрепить свою жалобу торговыми книгами или иными документами как попытку их скрыть истинный доход и по таким жалобам выносило отрицательный вердикт.

Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров таких споров. 15 ноября 1917 г. Марфа Пятанова,

⁶ ГАТО. Ф. 196. Оп. 8. Д. 21. Л. 2–3.

⁷ Там же. Д. 39. Л. 1–3.

проживавшая в г. Томске, подала жалобу в Томское губернское по подоходному налогу присутствие на неправильно исчисленную сумму дохода. В своем заявлении она указала, что согласно окладному листу 2-е Томское участковое по подоходному налогу присутствие назначило налог в сумме 1200 руб., определив облагаемый доход в 15 000 руб. тогда как сама она заявила лишь 2000 руб. дохода. Плательщица добавила, что и эта сумма была указана ею по ошибке, так как в 1916 г. она вела торговлю дровами вместе с компаньонкой Матреной Прекиной, и соответственно, доход следовало бы поделить пополам.

Повысив заявленный доход в 7,5 раз, а участковое присутствие не запросило сведений, подтверждающих заявление плательщика. Пятанова не упустила подчеркнуть, что это нарушает и Положение о подоходном налоге, и инструкцию о его применении. И даже если бы присутствие действовало по закону и доказало, что общий доход предприятия составляет 15 000 руб., то и тогда, учитывая наличие компаньонки, оно должно было бы вменить Пятановой не более половины этой суммы. Изложив все свои факты и умозаключения, Пятанова просила: отменить постановление 2-го Томского участкового присутствия об установлении дохода в 15 000 руб. и о назначении налога в 1200 руб. как неправильное; определить облагаемый доход в 2000 руб., как было указано в заявлении, и назначить налог в размере 31 руб.; если все объяснения будут опровергнуты, определить половину дохода с предприятия (7500 руб.) и назначить налог в размере 384 руб.

Заседание Томского губернского по подоходному налогу присутствия состоялось 10 октября 1918 г. Из журнала этого заседания мы видим, чем руководствовалось участковое присутствие при многократном повышении указанной в заявлении налогоплательщицы суммы дохода. Оказывается, присутствие приняло во внимание тот факт, что предприятие Пятановой находилось «в особо благоприятном условии»: имея собственную «моторную флотилию», она могла бы приобретать дрова «по сходной цене», а затем продавать по более высокой. На запрос председателя присутствия о предоставлении доказательств Марфа Пятанова сообщила, что торговые книги в 1916 г. не велись ввиду малограмотности владельца предприятия. Участковое присутствие, формулируя 8 марта 1918 г. свое мнение по этой жалобе, приняло упрек в нарушении 102-й статьи Положения о подоходном налоге (о непременном запросе у плательщика обоснования суммы дохода, которую присутствие собирается изменить). Тем не менее при рассмотрении дела по существу члены присутствия отметили, что: такое сложное дело, как покупка и продажа дров с использованием моторных судов, ведущееся при

этом компаньонами, несомненно, требовало учета с ведением «счетоводных книг»; розничные цены, по сравнению с летними оптовыми, выросли в 1,5 раза, что обеспечивало даже гораздо большую прибыль, чем было указано присутствием; сама готовность Пятановой в крайнем случае заплатить налог с прибыли в 7500 руб. есть признак недостоверности ее заявления по поводу 2 тыс. руб. Перечисленные соображения, по мнению участкового присутствия, говорили скорее о недостаточном обложении жалобщицы, чем о завышенном. Соглашаясь с этим мнением, губернское присутствие оставило жалобу Марфы Пятановой без удовлетворения, о чем ей было объявлено 24 октября 1918 г.⁸

Случай Марфы Пятановой отлично иллюстрирует тот факт, что и на уровне участка, и на уровне губернии присутствие по подоходному налогу с самого начала, с 1917 г., работали в традициях промыслового налога с его презумпцией правоты фискальных органов, а не руководствуясь презумпцией правоты плательщика (которая изначально предполагалась в налоге подоходном).

Более успешен в своей жалобе оказался торговый дом «Евграф Кухтерин и сыновья». Распорядитель фирмы, сын знаменитого томского миллионера Александр Кухтерин, опираясь на свои торговые книги, указал, что из доходности его предприятия не были вычтены расходы по объектам недвижимости, обслуживающим предприятия. Однако присутствие обратило внимание, что в торговых книгах данные расходы уже были учтены при подсчете общей прибыли, следовательно, плательщик свой убыток доказать не смог⁹. Общая сумма дохода после первого заседания составила 312 280 руб. вместо запрашиваемых А.Е. Кухтериним 282 235 руб.

В ответ на такое решение А.Е. Кухтерин составил новую жалобу, приложив новые доказательства. На сей раз присутствие удовлетворило жалобу и вычло доходы от недвижимости, обслуживающей предприятия. Кроме того, присутствие согласилось, что из дохода напрасно не вычли стоимость квартир, которые занимали рабочие А.Е. Кухтерина – но, с другой стороны, к общему доходу ошибочно не были причислены доходы от иногородних имуществ. В итоге А.Е. Кухтерину удалось вычестить из установленной первым постановлением суммы дохода 12 701 руб. и установить общий доход в размере 299 579 руб.¹⁰ Опыт торгового дома Кухтериних подтверждает вывод, сделанный на основе дела Марфы Пятановой: чтобы добиться хотя бы небольшого снижения налогооблагаемой базы, плательщику подо-

⁸ ГАТО. Ф. 196. Оп. 8. Д. 40. Л. 1–8 об.

⁹ Там же. Д. 53. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 5.

ходного налога требовалось представить весомые доказательства.

МЕТОДЫ СОКРЫТИЯ ДОХОДОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОДАТНОГО НАДЗОРА

Случай Марфы Пятановой ярко проявляет тот факт, что процесс проверки заявлений плательщиков члены податных присутствий воспринимали во многом как игру в прятки. Попробуем систематизировать способы борьбы налогоплательщиков за понижение облагаемого дохода.

1. Занижение действительных цен или объемов продаж. Так, торговец рогатым скотом И.А. Заиграев в своей жалобе писал, что податное присутствие добавило ему в доход «на основании сведений раскладочного присутствия» лишние 4500 руб. Жалобщик просил пересчитать сумму своего налога, исходя из его заявления. В ответ присутствие указало, что И.А. Заиграев сильно занизил стоимость продаваемого скота: заявил цену в 3 руб. за голову, тогда как на деле минимальная цена колеблется от 10 до 15 руб. за голову. Также присутствие продемонстрировало знание средних цен на кожу и мясо на рынке в 1916 г.¹¹

2. Отказ от предоставления бухгалтерских книг. Все тот же случай Пятановой и некоторые другие¹² показывают, что большое сомнение присутствий вызывали жалобы, в которых достаточно крупные предприниматели отказывались предоставлять торговые книги, заявляя, что не ведут их по малограмотности. В эпоху повсеместного распространения бухучета такие заявления вызывали подозрения в сознательном сокрытии записей. Как правило, присутствие подобных споров решало не в пользу жалобщиков.

3. Занижение доходов от жилья. В.С. Корольков, крупный торговец мясом, не только оспаривал сумму дохода своего предприятия, но и доход от недвижимого имущества показал в размере 700 руб., «тогда как доход от этого имущества, – по объяснению присутствия, – соразмерен с доходностью соседних находящихся в одинаковых условиях имуществ и определяется в 900 руб.»¹³. Конечно, определение дохода от здания по аналогии с другими подобными – весьма произвольный метод установления доходов.

4. Неучет в доходах процентов по вкладам. Одна из претензий податного присутствия к торговцу Н.Н. Каракулову (помимо занижения дохода от недвижимости) состояла в том, что он утаил доход по процентам, полученным по вкладным, и процентам по текущему счету в банке¹⁴. С учетом этих доходов вмененная ему сумма была увеличена.

5. Смешение своих расходов, предъявленных к исключению из облагаемой базы, с расходами иных лиц. Из жалобы купца Андрея Андреевича Ельдештейна от 14 октября 1917 г. мы узнаем, что участковое по подоходному налогу присутствие не вычло из доходов купца его выплаты по долгам банкам и частным лицам, которые он исчислял суммой, почти равной всему его годовому доходу. В качестве доказательства наличия этих долгов жалобщик предъявил ряд справок из банков: например, о том, что «учит[ыв]ались векселя Е.И. Ельдештейн[а] по предъявлению н[аследни]ков А.Е. Ельдештейн[а]» и «векселя н[аследни]ков А.Е. Ельдештейн[а] по предъявлению н[аследни]ков В.Е. Ельдештейн[а]»¹⁵. В других подтверждающих документах назывались и другие представители этого клана именитых томских купцов. Присутствие согласилось учесть те долги, которые определенно увязывались с подателем жалобы, кратко пояснив, что все другие доказательства об уплате процентов «относятся к наследникам А.Е. Ельдештейна, и в какой доле в уплате этих % участвует плательщик, ни из жалобы, ни из доказательств не усматривается»¹⁶. В результате купцу удалось добиться снижения вмененного ему дохода с 12 727 до 11 067 руб., налога – с 936 до 816 руб.

6. Сокрытие дохода от службы. Примером может быть дело кондуктора Томской железной дороги Якова Павловича Голубя (или, с учетом разночтений, Голубева); дело это относится к доходам за 1917 г. Официального обвинения в сокрытии доходов плательщик не получал, и в жалобе его в центре внимания находится совсем другая тема. Вся жалоба носит характер просьбы о милости: беженцу из Гродненской губ. с восемью малолетними детьми приходилось «вести чуть ли не полуголодную жизнь», притом что «имущества никакого не имею, а то, которое имел, брошено на произвол судьбы»¹⁷. Ходатайство о сложении налога Я.П. Голубь подкрепил «удостоверением» из волостной земской управы о том, что «предъявитель сего есть действительно беженец Гродненской губернии». Очевидно, что именно свое беженство Яков Павлович выставлял как главную причину, позволявшую ему претендовать на снижение налоговых органов.

Податный инспектор о доходе Я.П. Голубя узнал, очевидно, от его работодателя: в 1917 г. податель жалобы заработал 1443 руб. как кондуктор на Томской железной дороге, а железные дороги отличались аккуратностью в подаче списков своих работников. В своем отзыве на эту жалобу инспектор совершенно проигнорировал тему беженства, зато ненавязчиво

¹¹ ГАТО. Ф. 196. Оп. 8. Д. 19. Л. 1.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 26. Л. 9.

¹⁴ Там же. Д. 23. Л. 3об.

¹⁵ Там же. Д. 83. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 2а.

¹⁷ Там же. Д. 105. Л. 1об.

сообщил, что жалобщиком «не было подано заявления по форме 8 [декларация о доходах. – *Авт.*], и ходатайства о понижении оклада по ст. 45 [на иждивенцев. – *Авт.*] не поступало». Очевидно, тем самым инспектор намекал, что плательщик пытался вообще уклониться от налога и потому никакого снисхождения не заслуживает. Поддержав инспектора, губернское присутствие постановило, что заявление Голубя о сложении подоходного налога «не заслуживает уважения за отсутствием достаточных доказательств»¹⁸.

Против всех методов ухода от налогов присутствие успешно применяло, прежде всего, собственные представления о рыночных ценах, знание положения дел на отдельных предприятиях, а также сведения, получаемые от учреждений-работодателей. Все это позволяло присутствиям обойтись без дополнительного трудоемкого поиска сведений, которые бы подтверждали или опровергали те или иные пункты в заявлениях плательщика. Как правило, присутствия самостоятельно добавляли в статьи дохода предпринимателей и чиновников необходимые корректировки, опираясь на сведения членов присутствия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая изложенные материалы, во-первых, обратим внимание на состав плательщиков подоходного налога, подающих жалобы. Половина этих жалоб принадлежит торговцам и промышленникам, притом что доля этой категории среди всех плательщиков подоходного налога была гораздо более скромной (около десятой части). Спор податной инспекции с купцами тянулся поколениями, подоходный налог в этом отношении лишь продолжил традицию промыслового налога и раскладочных присутствий. Для большинства же плательщиков подоходного налога (т.е. для служащих) обжалование вмененного им дохода насущным не было. Это несомненное обобщение может иметь двоякое осмысление: либо как доказательство правильности определения сумм дохода податными органами, либо как признак недостаточности у податного надзора сведений для выявления заниженных цифр в налоговых декларациях. Многочисленные споры о мелких суммах (в основном начинавшиеся служащими) показывают вездливость обеих участвующих в обсуждении сторон и работают скорее в пользу первого (оптимистичного) объяснения, чем второго.

Во-вторых, несомненно, что механизм общественно-государственного взаимодействия при определении суммы дохода не только существовал на бумаге, но и работал на деле. Достаточно многочислен-

ными оказались как случаи отклонения жалоб, так и случаи их удовлетворения. Особое значение в этом отношении имеет частичное удовлетворение жалоб, которое невозможно ни при огульном принятии доводов плательщика, ни при огульном их отклонении; речь, следовательно, идет об осознанности и самостоятельности решений податных присутствий.

В-третьих, мы видели, что присутствия по подоходному налогу без трепета относились к правам плательщиков и с легкостью вменяли им доход гораздо более высокий, чем заявляли сами плательщики. Бремя доказательства при этом возлагалось на плательщиков. Подоходный налог, таким образом, не оправдал надежд и опасений о том, что руки инспекторов окажутся связаны. Фискальные органы чувствовали себя свободно в изменении заявленных плательщиками данных с опорой на сведения членов присутствия, не подкрепленные юридически значимыми документами.

В-четвертых, податные присутствия не только умели критически оценивать подтверждающие документы от плательщиков, но имели и собственные сведения, позволявшие им обнаруживать неточности, умолчания и несоответствия в заявлениях плательщиков об их доходах.

Все перечисленное позволяет считать данные податного надзора по подоходному налогу за 1916 г. достаточно надежными для того, чтобы опираться на них при оценках, в частности, и материального неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. 620 с.
- Бородкин Л.И.* Неравенство доходов в России в XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ историографических оценок // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2019. С. 19–24.
- Диденко Д.В.* Вековые тенденции неравенства доходов в России: сравнительный анализ статистической динамики // Урал. ист. вестн. 2022. № 1(74). С. 6–15.
- Кириллов А.К.* От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Параллель, 2017. 178 с.
- Кравцова Е.С.* Краеугольный камень налоговой системы: введение подоходного налога в Российской империи // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 4. С. 1229–1242. DOI 10.15826/qr.2019.4.435.
- Марискин О.И., Скворцова И.Г., Соловьева Ю.О.* Налоговая система и денежное обращение в России в период Первой мировой войны // *Экономическая история*. 2014. № 4 (27). С. 44–49.
- Миронов Б.Н.* Причины русских революций: имущественное неравенство // *Родина*. 2009. № 8. С. 51–54.
- Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр. и доп. М.: Весь мир, 2012. 844 с.
- Ханин Г.И.* Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // *Идеи и идеалы*. 2010. № 2(4). Т. 1. С. 64–72.

¹⁸ ГАТО. Ф. 196. Оп. 8. Д. 105. Л. 6.

Daunton M. *Trusting Leviathan: The Politics of Taxation in Britain, 1799–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 438 p.

Daunton M. *Just Taxes: The Politics of Taxation in Britain, 1914–1979*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 406 p.

Kotsonis Y. *States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto press, 2014. 483 p.

Lindert P., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // *Journal of Economic History*. 2014. Vol. 74, iss. 3. P. 767–798.

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 // *Journal of Economic Inequality*. 2018. Vol. 16. P. 189–223.

Scheve K., Stasavage D. *Taxing the rich. A history of fiscal fairness in the United States and Europe*. N. Y.: Princeton university press, Russell sage foundation, 2016. 266 p.

REFERENCES

Belyaev S.G. (2002). P.L. Bark and the financial policy of Russia. 1914–1917. Saint Petersburg, Izd-vo SPb un-ta, 620 p. (In Russ.)

Borodkin L.I. (2019). Income inequality in Russia in the XIX – early XX centuries: a comparative analysis of historiographical assessments. *Istoricheskiye vyzovy i ekonomicheskoe razvitiye Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Yekaterinburg, pp. 19–24. (In Russ.)

Daunton M. (2002). *Just taxes: the politics of taxation in Britain, 1914–1979*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 406 p.

Daunton M. (2001). *Trusting Leviathan: the politics of taxation in Britain, 1799–1914*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 438 p.

Didenko D.V. (2022). Century-old trends in income inequality in Russia: a comparative analysis of statistical dynamics. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1, pp. 6–15. (In Russ.)

Khanin G.I. (2010). What was the social differentiation in pre-revolutionary Russia? *Idei i idealy*. No. 2, vol. 1, pp. 64–72. (In Russ.)

Kirillov A.K. (2017). From poll tax to income tax: tax reforms in capitalist Russia and their implementation in Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk, Parallel, 178 p. (In Russ.)

Kotsonis Y. (2014). *States of obligation: taxes and citizenship in the Russian empire and early Soviet Republic*. Toronto; Buffalo; London, Univ. of Toronto Press, 483 p.

Kravtsova E.S. (2019). The cornerstone of the tax system: the introduction of income tax in the Russian Empire. *Quaestio Rossica*. Vol. 7, no. 4, pp. 1229–1242. (In Russ.). DOI 10.15826/qr.2019.4.435.

Lindert P., Nafziger S. (2014). Russian inequality on the eve of revolution. *Journal of Economic History*. Vol. 74, no. 3, pp. 767–798.

Mariskin O.I., Skvortsova I.G., Solovieva Yu.O. (2014). Tax system and money circulation in Russia during the First World War. *Ekonomicheskaya istoriya*. No. 4, pp. 44–49. (In Russ.)

Mironov B.N. (2009). Causes of Russian revolutions: property inequality. *Rodina*. No. 8, pp. 51–54. (In Russ.)

Mironov B.N. (2012). The welfare of the population and revolution in imperial Russia in the XVIII – early XX centuries. 2nd ed. Moscow, Ves' mir, 844 p. (In Russ.)

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018). From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016. *Journal of Economic Inequality*. Vol. 16, pp. 189–223.

Scheve K., Stasavage D. (2016). *Taxing the rich. A history of fiscal fairness in the United States and Europe*. New York, Princeton Univ. Press, 266 p.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023

Дата рецензирования 10.02.2023

Статья принята к публикации 18.02.2023

DOI: 10.15372/HSS20230110

УДК 94(47)“1919/1922”

А.Л. ПОСАДСКОВ

**Я.Л. БЕЛОБЛОЦКИЙ – ОРГАНИЗАТОР БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ПЕЧАТИ
НА ВОСТОКЕ РОССИИ (1919–1922)**Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, Новосибирск, ул. Восход, 15

Статья посвящена изучению работы ведомств, занимающихся антикоммунистической пропагандой в условиях Гражданской войны в России. Речь идет главным образом об издании белогвардейских листовок и газет на территории «белой» Сибири и Дальнего Востока в 1919–1922 гг. Характерные особенности данной культурно-идеологической деятельности персонифицируются в лице журналиста и издателя такого рода литературы Я.Л. Белоблоцкого, который в 1919 г. возглавлял отделение Русского общества печатного дела (Русского бюро печати) в Новониколаевске, а в 1921–1922 гг. являлся руководителем издательского отдела Союза русских журналистов Дальнего Востока и редактором влиятельной газеты «Русский край» / «Земский край» во Владивостоке. Я.Л. Белоблоцкий и его сотрудники предпринимали все усилия для идеологического сдерживания большевизма, но историческим фактом все равно стал крах Белого движения на востоке России. Вместе с тем следует отметить упорство и целенаправленность действий Я.Л. Белоблоцкого в поддержку «национального» белогвардейского государства.

Ключевые слова: Белое движение, Сибирь, Дальний Восток, пропаганда, печать, газеты, листовки, Русское общество печатного дела (Русское бюро печати), Временное Приамурское правительство, Союз русских журналистов Дальнего Востока, издательский отдел.

Для цитирования: Посадсков А.Л. Я.Л. Белоблоцкий – организатор белогвардейской печати на востоке России (1919–1922) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 88–99. DOI: 10.15372/HSS20230110.

A.L. POSADSKOV

**Ya.L. BELOBOTSKY – THE WHITE GUARD PRESS ORGANIZER
IN THE EAST OF RUSSIA (1919–1922)**State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The fighting regimes attached decisive importance to attracting the broad masses of population to their side, and suppressing enemy ideology and propaganda during the Civil War of 1918–1922 in Russia. At the country's periphery, in Siberia and the Far East, the White movement leadership made great efforts in this sphere and brought up own propagandists – the anti-Bolshevik press organizers. A prominent leader of the propaganda institutions of the White Guards was Yakov Leonidovich Beloblotsky (1890 – after 1922), a lawyer by education and a journalist by vocation. His fate shows the White Guard propaganda apparatus activity under various social conditions.

In 1912 Ya.L. Belobotsky graduated from the law faculty of St. Petersburg University. Being a student, he collaborated in the capital newspapers as the author of articles and notes in the editorial offices of the largest print media in Russia – “Rech”, “Den”, “Russkoe slovo”, etc. During the First World War, Ya.L. Beloblotsky organized and headed a non-resident subdepartment of the tailoring department for the Russian army in the Zemsky Union, leading large production teams, and earning admiring reviews from the leaders of the Zemsky Union. After this public organization's dissolution by the Bolsheviks in January 1918, Ya.L. Belobotsky moved to Novonikolaevsk, becoming the head of a department in the Siberian Union of Credit Cooperatives. When the Soviet power fell in Siberia in summer of 1918, he started contributing to the White Guard newspapers. In summer of 1919, Ya.L. Belobotsky ceased all activities in legal and cooperative organizations and acquired the status of the head of the propaganda institutions of A.V. Kolchak's Russian government. In August 1919, he became the head of Novonikolaevsk branch of the Russian Printing Society (Russian Press Bureau), launching an impressive work on publishing leaflets and “Nasha Gazeta” regional version, the main press organ of Omsk government.

After the surrender of Novonikolaevsk to “Red Army”, Belobotsky, as part of V.O. Kappel army retreated up to Vladivostok, where in May 1921, after the Provisional Amur Government came to power, he turned to professional anti-Bolshevik propaganda again. Entering the circle of the closest associates of the writer and journalist Vs.N. Ivanov – the head of the whole “White” Primorye propaganda, he became a founder of the Far

---

Александр Леонидович Посадсков – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru.

Alexander L. Posadskov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Associate, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

Eastern Union of Russian Journalists and headed its publishing department. Over a year of its activity, this department, owing to strenuous efforts of Ya.L. Belobotsky and his team, issued millions of copies of leaflets, pamphlets and newspapers trying to stop the Bolshevism ideological offensive. Ya.L. Belobotsky was the last editor of the last White Guard newspaper ("Zemsky Krai") published in Russia. On October 19, 1922, the last issue of this newspaper was published, and a day later, Ya.L. Belobotsky and his family left Russia, moving to Harbin. Vladivostok was taken by the "Red" People's Revolutionary Army on October 25, 1922. The career of the White Guard publisher Ya.L. Belobotsky ended in failure, but his perseverance and professionalism in opposing the communist ideology deserved some respect.

Key words: *White movement, Siberia, Far East, propaganda, press, newspapers, leaflets, Russian Printing Society (Russian Press Bureau), Provisional Amur Government, Far East Union of Russian Journalists, publishing department.*

УЧЕБА И РАБОТА ДО РЕВОЛЮЦИИ

По мере углубления наших знаний об эпохе Гражданской войны перед взором историков предстают все новые и новые не известные ранее эпизоды и персонажи этого времени. Одной из фигур, оставившей определенный след в идеологическом противоборстве Белого движения с Советской властью на восточных окраинах России, является юрист, общественный деятель и журналист Я.Л. Белоблоцкий. Эпизодам его политической биографии посвящена данная статья.

Яков Лейбович Белоблоцкий родился 1(13) апреля 1890 г. в с. Ильинском Новоторжского уезда Тверской губернии в семье аптекарского помощника иудейского вероисповедания. Закончил семь классов Ржевской гимназии, затем учился еще два года в частной мужской гимназии Л.Д. Лентовской в Санкт-Петербурге, которую закончил в 1909 г. Учился будущий идеолог слабо: гимназический аттестат зафиксировал у него шесть «троек», одну «четверку» и три «пятерки»¹. Сразу по окончании гимназии, 29 августа 1909 г., Белоблоцкий-младший перешел в православие и был крещен по православному обряду. Отныне во всех документах его имя и отчество писалось как Яков Леонидович. Переход в православную веру помог ему получить высшее образование: 11 сентября 1909 г. он был зачислен на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, а в сентябре 1913 г. получил от университета выпускное свидетельство «о прослушивании полного курса наук». Учителями Я.Л. Белоблоцкого на юридическом факультете являлись крупнейшие профессора-обществоведы: курсы лекций «Энциклопедия права» и «История философии права» читал Л.И. Петражицкий, политическую экономию и историю экономических учений преподавал М.И. Туган-Барановский, статистику – А.А. Кауфман, полицейское право – С.И. Гессен. Но на качестве учебы студента Белоблоцкого это, похоже, не отражалось. Его выпускное свидетельство содержит в основном отметки «удовлетворительно» и «весьма удовлетворительно»². «Под занавес» студенчества, в апреле 1913 г. Я.Л. Бе-

лобцкий женился на Наталье Павловне Симанович – дочери статского советника, своей однокласснице по Ржевской гимназии³. Все складывалось удачно: диплом столичного университета, тещь – надежный провинциальный чиновник, полученная должность помощника присяжного поверенного – первая ступенька к общественной известности и благополучию.

Уже в университете и некоторое время после его окончания Яков Белоблоцкий демонстрирует свои способности журналиста и редакционного работника: четыре года (1911–1914) он работает в редакциях петербургских газет секретарем, заведующим отделом внутренней жизни, был автором статей, обзоров и заметок. Его публикации появляются в самых известных газетах России – «Русское слово», «Утро России», «Речь», «День», в журналах «Земское дело», «Городское дело», «Вестник мелкого кредита». Исполнял Яков, по его словам, и «литературные работы по кооперации», т.е. писал или составлял брошюры для правительственных ведомств – Управления по делам мелкого кредита и Отдела сельскохозяйственной экономики и статистики⁴. Еще до Первой мировой войны успел съездить по делам в Германию⁵. И, разумеется, основным его занятием являлась адвокатура в качестве служащего Кредитного товарищества, а затем союза Тверской губернии.

Я. Белоблоцкий, по-видимому, принадлежал к той категории российских интеллигентов, которых постоянно тянуло к общественной деятельности. У себя на родине, в Тверской губернии, он организовал три кооператива и взял на себя труд по инситуированию их посреднических операций. Эта безвозмездная работа продолжалась шесть лет.

Карьеру адвоката и журналиста резко оборвала война. 7(19) августа 1914 г. Я.Л. Белоблоцкий стал работать во Всероссийском земском союзе (ВЗС) – главном общественном учреждении России, обеспечивавшем действующую армию промышленными изделиями и предметами быта. Я.Л. Белоблоцкого пригласили в качестве помощника уполномоченного Главного комитета ВЗС. Впечатляющим достиже-

³ Там же. Л. 31.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 340. Л. 1; Д. 345. Л. 1.

⁵ *Белоблоцкий Я.* Вынужденный ответ // Русский край. Владивосток. 1922. 18 янв. № 202. С. 3.

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 55219. Л. 1–3.

² Там же. Л. 2, 6, 10, 11, 18 об. – 21 об.

ем стала организация им иногороднего подотдела в Отделе по изготовлению белья и одежды при Главном комитете. Отдел являлся одним из крупнейших предприятий Земского союза, снабжавших армию обмундированием, его средняя годовая производительность доходила до 90 млн различных предметов.

Получая средства на пошив обмундирования от Военного министерства наравне с частными фирмами, отдел жестко конкурировал с последними, добиваясь от них понижения расценок. Это, по словам бывшего заведующего отделом Бек Джалилева, «дало России экономии не в один десяток миллионов рублей». Производительность иногороднего подотдела, который организовал и возглавлял до января 1918 г. Я.Л. Белоблоцкий, по оценке того же Бек Джалилева, выражалась в 65 % общей производительности всего отдела. Бывший заведующий отделом давал работе Я. Белоблоцкого возвышенную оценку. «Вся сложность работ по конкуренции с частным предпринимателем, – писал он, – с определением безубыточности работ в отделениях, в своевременном снабжении армии обмундированием лежала на его ответственности, что при разбросанности учреждений и затруднении в железнодорожном транспорте ставило работу в невозможное положение, с которым отдел мог справиться только благодаря неустанной энергии, знанию, работоспособности и любви к делу Якова Леонидовича». Бек Джалилев характеризует Я.Л. Белоблоцкого как «бескорыстного общественного деятеля, сплотившего ... всех служащих и рабочих иногороднего подотдела в одну дружную семью»⁶.

К январю 1917 г. подотдел Белоблоцкого состоял из 23 предприятий с 60 тыс. рабочими и 420 служащими (для сравнения: во всем отделе насчитывалось 87 тыс. рабочих). Свою работу в Земском союзе Я. Белоблоцкий вел в контакте с 257 общественными организациями, преимущественно кооперативами. Он являлся представителем главного комитета ВЗС в некоторых общественных организациях, состоял в руководстве двух профсоюзных комитетов, представлял служащих Земского союза в Совете депутатов трудовой интеллигенции Петрограда. При этом, по его утверждению, не принадлежал в это время (1917 г.) ни к одной политической партии⁷.

В июне 1917 г. Я.Л. Белоблоцкий был призван в армию и служил в 1-й запасной артиллерийской бригаде, расквартированной в Петрограде⁸. Фактически он не покидал поста в Земском союзе, продолжая руководить своим подотделом. Через несколько лет в одной из статей Белоблоцкий аттестовал себя как

«корниловца», причислив к военнотружущим Петроградского гарнизона, готовившимся поддержать мятеж генерала Л.Г. Корнилова⁹.

НА СЛУЖБЕ В СИБИРИ

В январе 1918 г. Главный комитет Всероссийского земского союза был разогнан большевиками. Яков Леонидович потерял работу. Он намеревался устроиться на службу в общественных (кооперативных) организациях «как наиболее мощных хозяйственных организациях настоящего времени»¹⁰. Возможность работы в правительственных организациях большевиков Белоблоцкий даже не рассматривал.

11 марта 1918 г. Я.Л. Белоблоцкий послал из Москвы в Новониколаевск правлению Союза сибирских кредитных союзов (Синкредитсоюз) предложение своих услуг. В Сибири он никогда не бывал, но мог слышать о ней из рассказов своего последнего (по Земсоюзу) начальника, кооператора, эсера Д.И. Голенищева-Кутузова, который провел в Сибири долгие годы царской ссылки¹¹.

2 апреля 1918 г. Я.Л. Белоблоцкий вступил в должность заведующего подотделом зерновых продуктов Синкредитсоюза. На этом посту он работал до 1 мая 1919 г., когда оставил службу по собственному желанию¹².

Не уходя с должности в Синкредитсоюзе, Я.Л. Белоблоцкий начал сотрудничать в Министерстве финансов Российского правительства А.В. Колчака. 31 марта 1919 г. управляющий Министерством И.А. Михайлов назначил Я.Л. Белоблоцкого вице-директором общей канцелярии Минфина (фактически Белоблоцкий исполнял эти обязанности с начала марта 1919 г.)¹³. Но министерская служба Я.Л. Белоблоцкого по каким-то причинам не заладилась. Уже через два месяца, 26 мая 1919 г., он «отправляется по делам службы в Новониколаевск». А 21 июля 1919 г. управляющий Министерством финансов И.А. Михайлов подписал приказ об увольнении Белоблоцкого «согласно прошения»¹⁴.

В судьбе Я.Л. Белоблоцкого в это время произошел коренной перелом. Он ушел из «деловой» сферы белогвардейского режима, оставил занятия юриспруденцией, финансами, кооперацией – и никогда больше к ним не возвращался. Белоблоцкий переориентировал свою жизнь на другое, целиком захватившее его занятие – он стал белогвардейским журналистом

⁹ Белоблоцкий Я. Нашим критикам // Русский край. Владивосток. 1922. 2 янв. № 187. С. 3.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 340. Л. 1 об.

¹¹ Там же. Л. 1, 5.

¹² Там же. Д. 345. Л. 1–1 об.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 185. Л. 1–2, 4.

¹⁴ Там же. Л. 3, 6.

⁶ ГАНО. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 340. Л. 1–2 об.

⁷ Там же. Л. 1–1 об.

⁸ Там же. Л. 4.

и пропагандистом, организатором антибольшевистской печати и книгоиздания.

После установления в регионе власти Временного Сибирского правительства Яков Леонидович стал сотрудничать в местной журналистике. 1 октября 1918 г. в Новониколаевске начала выходить ежедневная газета консервативного направления «Русская речь», в становлении которой Я. Белоблоцкий принимал непосредственное участие. Белоблоцкому нравилась эта газета как орган, по его словам, «русского национального движения», т.е. имперско-монархической идеологии. Бывали месяцы (например, январь 1919 г.), когда на страницах «Русской речи» публиковалось по три политические статьи Я.Л. Белоблоцкого¹⁵.

Позднее, весной 1919 г., в Новониколаевске появилось белогвардейское издательство «Новая Россия», которое в июне того же года взял «под крыло» созданный в Омске Осведверх – Осведомительный отдел при штабе Верховного Главнокомандующего (А.В. Колчака). Осведверх финансировал работу «Новой России», как своего филиала в Новониколаевске. С 20 июня 1919 г. в «Новой России» под редакцией священника Г.Я. Жука начала выпускаться «общедоступная народная» (т.е. предназначенная для массового читателя) газета «Надежда России», выходившая сначала 3 раза в неделю, а с 3 октября 1919 г. ежедневно. Возможно, и к этому предприятию Белоблоцкий имел какое-то отношение – газета печаталась в новониколаевской типографии «Союзбанк», собственником которой являлся Синкредитсоюз. В издательстве «Новая Россия» вышло до ноября 1919 г. около десятка пропагандистских антибольшевистских брошюр (часть из них была отпечатана в Омске) и несколько десятков наименований листовок, большинство из которых представлено в фундаментальном собрании белогвардейских «летучих изданий» Государственного архива Российской Федерации¹⁶.

Но Я.Л. Белоблоцкий не был штатным сотрудником ни Осведверха, ни «Новой России». Он претендовал на большее, имея в виду руководящую роль во вновь создаваемом общесибирском пропагандистском учреждении – акционерном Русском обществе печатного дела, или (по установившейся затем формулировке) Русском бюро печати. Названное акционерное общество появилось в Омске в мае 1919 г. как результат пересмотра колчаковским Российским правительством своей информационной политики.

Ранее официальным центром издательской деятельности «белой» Сибири являлось Пресс-бюро при отделе печати Управления делами Совета министров. Прибывшие в Омск зимой 1918/19 г. из Перми, Самары, Симбирска, Казани и других городов представители беженской литературной и научной интеллигенции (Н.В. Устрялов, Д.В. Болдырев, А.К. Клафтон, Вс.Н. Иванов, В.И. Анзимилов, А.Ф. Бонч-Осмоловский, А.С. Пругавин и др.) составили основной корпус пропагандистов и руководителей прессы Белого движения. Под влиянием их убеждений в отделе печати возобладало мнение, что «казенный» способ связи омского режима с общественностью через Пресс-бюро должен быть заменен на широко поставленное, формально неправительственное издательско-пропагандистское учреждение, основанное и руководимое «общественными силами» в лице авторитетных политиков, гражданских лидеров и известных интеллигентов.

В мае 1919 г. параллельно с Осведверхом как государственным центром военной пропаганды в Омске было создано Акционерное общество «Русское общество печатного дела», основными акционерами и членами правления которого стали его инициаторы – деятели правительственного отдела печати и других государственных учреждений. Разумеется, никакой реальной «независимости» от аппарата власти данная конструкция не предусматривала, вся ее деятельность направлялась из Совета министров, Управления делами правительства и Соединения по делам печати при этом Управлении. В современной исторической литературе убедительно показано, как в бюджет Акционерного общества РОПД вливались миллионы казенных денег по статьям «расходы, не подлежащие оглашению» для организации широко-масштабной и действенной пропаганды Белого движения [Шевелев, 2017, с. 131, 133–136].

Организация отделений РОПД проходила в губернских городах Сибири и Дальнего Востока во второй половине лета 1919 г. Осведверх, действовавший параллельно, опередил в этом отношении РОПД на полтора месяца: его филиалы появились в губернских и областных центрах в июне – начале июля 1919 г. Приходя в город, деятелям РОПД необходимо было договариваться или бороться с конкурентом за ресурсы: запасы бумаги, типографии, квалифицированные кадры полиграфистов.

Новониколаевское отделение АО РОПД, которое возглавил Я.Л. Белоблоцкий, начало работу 15 августа 1919 г.¹⁷ Вспоминая позднее момент своего вхождения в профессию пропагандиста и организатора белогвардейского издательства, Я.Л. Белоблоцкий не

¹⁵ Белоблоцкий Я. Япония и Россия // Русская речь. Новониколаевск. 1919. 16 янв. № 9. С. 3; *Он же*. Беседа с австралийским журналистом // Там же. 18 янв. (№ 11). С. 3; *Он же*. Америка и Россия // Там же. 28 янв. (№ 18). С. 2.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10073. Оп. 2. Д. 821. Л. 1–120.

¹⁷ Там же. Ф. Р-4626. Оп. 1. Д. 138. Л. 3.

обошелся без пафоса. Говоря о своих соратниках – журналистах, он восклицает: «Борьба с большевиками привела нас всех в Сибирь. Здесь, в Сибири, и в строю, и в печати мы все боролись за русское национальное движение, боролись кто как мог. Мы оставили наши основные занятия, считая, что теперь надо оставить все личное»¹⁸.

Новониколаевское отделение Русского общества печатного дела / Русского бюро печати начало свою деятельность с распространения пропагандистских материалов, выпущенных в Омске, Екатеринбурге и других городах «белой» Сибири. Сохранилась обширная переписка, которую вел Я.Л. Белоблоцкий с директором – распорядителем РОПД А.К. Клафтоном, членом правления Вс.Н. Ивановым и другими своими руководителями. Иногда в день от Белоблоцкого шли в Омск по две депеши. Он просил выслать ему для распространения плакаты и фотоизображения обезображенных большевиками икон, лубочные издания, другую литературу. В письме от 17 сентября 1919 г. Белоблоцкий запросил «пудов 30» брошюр, мотивируя это большим спросом деревни¹⁹. «Дело значительно растёт», – сообщал он в текущем отчете Вс.Н. Иванову. К 10 сентября 1919 г., по его же сведениям, Новониколаевским отделением РБП было организовано в селах и деревнях района дислокации (захватывающего территорию Новониколаевского уезда и части Алтайской губернии) 484 библиотечки. Литературой были снабжены все железнодорожные станции от Новониколаевска до Барнаула. Пропагандистские издания Я.Л. Белоблоцкий послал 482 сельским кооперативам, с которыми заключил соглашение о распространении литературы. Из намеченных им 382 «корреспондентов» для раздачи продукции РБП (сельских интеллигентов и священников) к тому времени откликнулись и изъявили готовность сотрудничать всего 24, но это не смущало руководителя отделения. Он организовал четыре пункта (филиала своей организации) в городах «по Оби» (т.е. к югу в Алтайской губернии), послал туда четырех «ответственных агитаторов» и трех лекторов. В Новониколаевске, как докладывал Я.Л. Белоблоцкий, было создано 89 пунктов расклейки плакатов, для чего отделение РБП арендовало 60 окон частных магазинов; работали два киоска с литературой, в том числе один на вокзале (в них же имелись библиотечки); в 17 местах Новониколаевска бесплатно раздавалась литература РБП. В городе начались лекции, организованные отделением²⁰. «Работа с аналогичными (пропагандистскими. – А.Л.) организациями координирована, – добавлял Бе-

лоблочский в письме. – Снабжаю литературой военные, старообрядческие организации, воинские части. Помещения имею [в] четырех местах»²¹.

Главная контора Новониколаевского отделения РБП разместилась в двухэтажном кирпичном особняке по адресу: ул. Ядринцевская, д. 31. Занимая это здание, Я.Л. Белоблоцкий не предполагал, что он заложил традицию использования особняка под «книжные» учреждения: после изгнания белогвардейцев в этом доме разместились Сибирское государственное издательство (Сибгосиздат) и редакция журнала «Сибирские огни», в течение 1920-х гг. располагалось паевое товарищество «Сибирское краевое издательство и книготорговля» (Сибкрайиздат). Даже в настоящее время (с 1990-х гг.) в историческом здании помещался сибирский филиал Всероссийского агентства по авторским правам. В 1919 г. данное здание служило складом и основным раздаточным пунктом литературы РБП: сюда приглашались все желающие получить бесплатные брошюры и листовки «культурно-просветительного характера»²².

Из переписки становится понятно, что Я.Л. Белоблоцкий находился в это время на военной службе. В том же письме на имя Вс.Н. Иванова он сообщает: «Весьма прошу распоряжений командующего округом [о] разрешении мне три часа [в] день отлучаться [из] казарм [для] руководства работой. Если мне откомандирование [от] воинской части невозможно, срочно сообщите, кому сдать отделение»²³. Разрешение на послабление казарменных порядков, по-видимому, было получено, так как Белоблоцкий продолжал руководить Новониколаевским отделением РБП и в дальнейшем.

Судя по всему, Я.Л. Белоблоцкого отличала не только недюжинная работоспособность, но и критическое отношение к недостаткам на своей службе. Он был обеспокоен распыленностью усилий разных отделов Русского бюро печати. Своих агентов и корреспондентов, в частности, самостоятельно засылало на места Русское Телеграфное агентство (РТА), входившее в состав Русского общества печатного дела. Белоблоцкий писал в своих донесениях Клафтону: «[В] интересах дела крайне необходимо централизовать [в] отделении работу [в] районе отделения агентов всех отделов Русбюро, включая РТА. Опасно иметь параллелизм [в] работе, еще опаснее посылать священников, лиц, не знающих района, [в] котором имеются села сектантские».

Касался Я.Л. Белоблоцкий и опыта привлечения в предыдущие времена к работе РБП местных реак-

¹⁸ Белоблоцкий Я. Нашим критикам. С. 3.

¹⁹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 22. Л. 2, 5, 7.

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ Там же.

²² [Объявление] // Надежда России. Новониколаевск. 1919. 7 окт. № 34. Л. 1.

²³ РГИА ДВ. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

ционно настроенных лидеров политического и общественного движения. Речь шла, в частности, о бывшем (до августа 1919 г.) управляющем Новониколаевским уездом В.М. Сыэрде и священнике, настоятеле собора во имя Александра Невского Г.Я. Жуке. Белоблоцкий сообщает, что практика «давать средства Русбюро группе, руководимой Сыэрдом и Жук, известным [в] районе: первый административными безобразиями, за что он был смещен, второй агитацией монархизма и травлей кооперации – создает невозможность работы для Русбюро». Он просит направлять к нему агитаторов, способных доверительно разговаривать с народными массами: «Шлите ижевцев» (т.е. представителей ижевских рабочих-повстанцев. – А.Л.); «местных сотрудников регулярных нет, имею согласие нескольких популярных в крестьянстве»²⁴.

Намного медленнее, чем работа аппарата по распространению пропагандистской литературы, в Новониколаевском отделении РБП развивалась издательская деятельность. Вопрос упирался в отсутствие местных авторов – литераторов и журналистов, способных писать художественные тексты. Я.Л. Белоблоцкий запрашивал сотрудников из соседней «культурной столицы» – Томска. Руководитель отделения намеревался основать в Новониколаевске газету РБП. Для этого он подыскивал в городе типографию, закупал и доставал необходимое сырье (бумагу, краску и т. п.). Делал это Белоблоцкий энергично, но стараясь не входить в конфликт с другой организацией белогвардейской пропаганды – военным Осведверхом. В Омск, не владевший информацией о возможностях местной полиграфии, Яков Леонидович сообщал реальную ситуацию: «Линотипов [в] городе нет»; «Продажи типографии здесь нет. Днями пошла [на] восток без цели прекрасная типография Пермской губернской земской управы, последняя (т.е. управа. – А.Л.) [осталась] здесь»; «шрифта продажного [в] городе нет, реквизировать нечего. Типографии выполняют работу Осведверха, кроме городской. Краски [в] городе в обрез, [в] пятницу добуду что можно»²⁵.

Усилиями Я.Л. Белоблоцкого ситуация постепенно менялась в благоприятную сторону. В сентябре 1919 г. воинская часть, издававшая в Новониколаевске газету «Военные ведомости», объявила о своем перемещении на фронт. Газета, по заявлениям издателей, также становилась фронтовой и прекращала выпуск в Новониколаевске. Хотя на фронте выход «Военных ведомостей» не был возобновлен, новониколаевская городская типография освободила свои производственные мощности от выпуска этой газеты. Я.Л. Белоблоцкий немедленно телеграфировал А.К. Клафону: «Городская типография, печатавшая

«Военные ведомости», готова принять печатание [газеты РБП]. [Можно] печатать свободно 8 тыс. [тиража], [при] наличии стереотипа – 18... Свободный стереотип здесь [в типографии газеты] “Русская речь” и [в] Томске [в] железнодорожной типографии»²⁶. Предполагалось изготавливать макет (набор) ежедневного номера газеты в городской типографии, а размножать его в других полиграфических предприятиях на стереотипах.

Почти одновременно, к середине сентября 1919 г., обозначился другой вариант событий. Я.Л. Белоблоцкий доложил об этом А.К. Клафону так: «Местное отделение Осведверха согласно [при] наличии здесь газеты Русбюро ликвидировать [газету] “Надежда России”... При наличии ликвидации “Надежда России” можно пользоваться типографией “Союзбанка”, где она печатается. Тогда освободится небольшое количество шрифта “корпус” и хорошего стереотипа, [к] которому можно переносить гранки городской типографии, где предполагается газета Русбюро. [В] таком случае газету можно печатать [тиражом] около 40 тыс. Стоимость газеты [при] такой комбинации, легко осуществимой, понизится процентов [на] 25. Отделение Осведверха уведомило Омск»²⁷.

Вопрос с газетой РБП для Новониколаевска, однако, вскоре решился совсем по-другому. В октябре 1919 г. руководители Русского бюро печати пошли на беспрецедентный для России (но хорошо известный в европейской журналистике) шаг – они организовали в Томске и Новониколаевске выпуск региональных вариантов главного массового белогвардейского издания – «Наша газета». Гранки основного (омского) выпуска газеты доставлялись на поезде в Томск и Новониколаевск, где дополнялись местными публикациями, после чего региональный вариант печатался в арендованных РБП местных типографиях. Для реализации этого проекта в оба города приезжал из Омска Вс.Н. Иванов, в новониколаевском клоне «Нашей газеты» он стал первым редактором и оставил несколько своих статей и стихов [Посадков, 1999, с. 135–139]. По-видимому, здесь завязалось профессиональное знакомство Вс.Н. Иванова с Я.Л. Белоблоцким, обеспечивавшим издание газеты – знакомство, имевшее спустя два года долгое дальневосточное «эхо».

Основной печатной продукцией Новониколаевского отделения Русского бюро печати являлись в сентябре – ноябре 1919 г. листовки. Их было много – до 30 названий, каждая тиражом не менее 10 тыс. экз. Часть этих произведений «летучей печати» сохранилась в упоминавшейся коллекции белогвардейских

²⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3, 9.

²⁵ Там же. Л. 3, 5.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 5.

листочков Государственного архива Российской Федерации²⁸. О выпуске брошюр в Новониколаевском отделении РБП историкам ничего не известно. По-видимому, таковых не было.

Усердие Я.Л. Белоблоцкого не осталось незамеченным. 20–22 мая 1919 г. он, как сочувствующий идеям кадетов, стал участником Восточной конференции партии народной свободы в Омске²⁹. В ноябре 1919 г. Верховный правитель «белой» России адмирал А.В. Колчак останавливался по дороге на восток в Новониколаевске и, по-видимому, в это время ознакомился с достижениями Я.Л. Белоблоцкого. Через два с лишним года Белоблоцкий с гордостью воспроизвел оценку, данную адмиралом его деятельности: «Я помню, покойный адмирал Колчак сказал, что работа руководимого мной агитационного отделения (в Новониколаевске) равна пользе хорошего батальона»³⁰.

Русское бюро печати было эвакуировано вместе с редакцией «Нашей газеты» из Омска в Иркутск в десятых числах ноября 1919 г. Соответственно, были закрыты филиалы РБП, перестали выходить их газеты. В Новониколаевске вместо регионального издания «Нашей газеты» с ноября 1919 г. начала выходить ее последовательница и продолжательница – газета «Наши новости», учрежденная группой журналистов и общественных деятелей, которые объединялись вокруг Я.Л. Белоблоцкого. О судьбе же самого вдохновителя белогвардейской печати и пропаганды в период с конца 1919 г. по лето 1921 г. нельзя сказать ничего определенного. В одной из своих статей он как-то обмолвился, что «в составе каппелевской армии» оказался на Дальнем Востоке³¹. Значит ли это, что он прошел «ледяной поход» через Байкал в составе той воинской части, в которой отбывал службу, – остается только гадать.

В БЕЛОГВАРДЕЙСКОМ ПРИМОРЬЕ

К деятельности пропагандиста и организатора «белой» печати Я.Л. Белоблоцкий вернулся в Приморье после свержения здесь 26 мая 1921 г. власти эсеров-большевистских наместников правительства Дальневосточной республики и установления диктатуры Временного Приамурского правительства. Это самый известный эпизод биографии Я.Л. Белоблоцкого. Именно он привлек внимание дальневосточных историков. О деятельности Белоблоцкого в данный период первым упомянул в своей монографии Ю.Н. Ципкин [1996, с. 115–116, 137]. Информация

повторялась в некоторых других публикациях. Автор данных строк в одной из статей также уделил внимание фигуре Я.Л. Белоблоцкого, его взаимоотношениям с Вс.Н. Ивановым [Посадков, 2015, с. 48]. Однако цельного описания журналистско-издательской работы Я.Л. Белоблоцкого на Дальнем Востоке в распоряжении ученых до сих пор не имелось.

Между тем эта его работа, в контексте отчаянных усилий последних белогвардейских правительств России зацепиться за клочок земли у Тихого океана воистину впечатляюща. По законам исторической справедливости следует отдать должное журналисту Я.Л. Белоблоцкому как одному из организаторов «идеологического фронта» «белого» Приморья.

26 мая 1921 г., в день «меркуловского» переворота, журналист и писатель Вс.Н. Иванов, являвшийся одним из инициаторов переворота и личным хорошим знакомым братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых, получил от самопровозглашенного главы Временного Приамурского правительства (ВПП) С.Д. Меркулова мандат правительственного уполномоченного по информации. В первые же дни после захвата власти Вс.Н. Иванов составил документ, озаглавленный «Пояснительная записка к схеме деятельности уполномоченного по информации». Всеволод Никанорович предусмотрел создание во Владивостоке Пресс-бюро в составе правительственных учреждений – и немедленно организовал его, назначив главой бюро Г.Г. Недлера, подчиненного уполномоченному ВПП по информации. Вторым шагом, который наметил и реализовал Вс.Н. Иванов, было создание крупной ежедневной газеты «Русский край» – проправительственной и консервативной, антисоциалистической по содержанию. Эта газета начала выходить во Владивостоке 2 июня 1921 г., ее редактором стал поручик Парфентий Парфентьевич Васильев – давний друг Вс.Н. Иванова и его спутник во время «ледяного похода» через Байкал зимой 1919/20 г.

Я.Л. Белоблоцкий возобновил журналистскую деятельность в этой газете и стал ее постоянным автором. В месяц «Русский край» печатал 1–2 статьи Белоблоцкого, подписанные полной фамилией или криптонимом «Я.Б.». Новый 1922-й год начался в газете с публикации его статьи «Страшнее чумы» (речь шла, разумеется, о большевизме)³². Между тем в официальной прессе Приморья разворачивались неоднозначные события. По каким-то причинам Вс.Н. Иванов утратил благосклонность братьев Меркуловых и в октябре 1921 г. был смещен с поста правительственного уполномоченного по информации. А 5 ноября 1921 г. – и тоже по неразъясненным мотивам – Пре-

²⁸ ГАРФ. Ф. 10073. Оп. 2. Д. 832.

²⁹ Белоблоцкий Я. Вынужденный ответ // Русский край. Владивосток, 1922. 18 янв. № 202. С. 3.

³⁰ Белоблоцкий Я. Нашим критикам. С. 3.

³¹ Там же.

³² Белоблоцкий Я. Страшнее чумы // Русский край. Владивосток, 1922. 1 янв. № 186. С. 4.

менное Приамурское правительство упразднило весь свой аппарат печатной пропаганды, включая Пресс-бюро и должность уполномоченного по информации. О причинах такого шага глухо упоминается в одном из последующих документов: по-видимому, расходы на деятельность Пресс-бюро были сочтены чрезмерными³³.

Но имелись, быть может, и более глубокие внутренние причины такой реорганизации. Возможно, то был уже испробованный вариант замены казенного малоэффективного государственного учреждения Пресс-бюро на «неправительственное» и «общественное» предприятие. Дело в том, что именно в начале ноября 1921 г. во Владивостоке образовалась общественная организация «Дальневосточный союз русских журналистов». Инициаторами создания и руководителями союза явились все те же Вс.Н. Иванов, П.П. Васильев, Я.Л. Белоблоцкий, а также С.П. Руднев, В. Корнилович, Н.И. Сахаров – сотрудники проправительственной антибольшевистской и антисоциалистической прессы. При союзе были созданы телеграфное агентство «Национал-пресс» и издательский отдел. Руководить издательским отделом «союз журналистов – несоциалистов» уполномочил Я.Л. Белоблоцкий. Во главе же всего Дальневосточного союза русских журналистов, как нетрудно догадаться, встал Вс.Н. Иванов³⁴.

Объективный итог реформации состоял в том, что в «белом» Приморье, как и ранее в «белой» Сибири, дело идейной агитации, пропаганды и печати перешло из архаичной правительственной конторы (Пресс-бюро) в руки более динамичной, якобы неправительственной общественной организации. Все свершилось по образу и подобию создания в мае 1919 г. в Омске Русского общества печатного дела / Русского бюро печати. Если иметь в виду, что Вс.Н. Иванов и Я.Л. Белоблоцкий были непосредственными активными участниками создания РОПД / РБП в 1919 г., станет понятным, что они (особенно Вс.Н. Иванов) вполне могли склонить Меркуловых к такой реформе.

«Неправительственный» характер Союза русских журналистов и двух его предприятий являлся, разумеется, полнейшей фикцией. Создание «независимых» организаций было явным образом согласовано с Временным Приамурским правительством, о чем свидетельствуют многочисленные документы. Заведующий издательским отделом Союза Я.Л. Белоблоцкий писал об этом безо всякой маскировки: «Союз не является организацией правительственной, но Союз не скрывает и своего духовного средства с местной национальной властью и своей всегдашней

готовности содействовать местному национальному Приамурскому правительству»³⁵. В конфиденциальной записке от февраля 1922 г. руководители Союза русских журналистов, издательского отдела и агентства «Национал-пресс» напоминали Временному Приамурскому правительству, что «организация этих предприятий была предпринята с его (правительства. – А.П.) согласия и ведома»³⁶.

В отчете издательского отдела от 31 декабря 1921 г. Я.Л. Белоблоцкий отмечал, что его предприятие выполняет «поручения Особого отдела штаба армии (т.е. главного военного пропагандистского ведомства белого Приморья, аналогичного бывшему Осведверху в Омске. – А.П.), Управления делами правительства, Уссурийского войскового [казачьего] правления и других учреждений» и что «за два месяца (ноябрь – декабрь 1921 г.) отдел издал и доставил по назначению около 130 тыс. различных воззваний правительства и агитационных листовок»³⁷. Из приложения списка изданий очевидно, что издательский отдел печатал агитационные листовки как для сельского населения Приморья («Воззвание к казакам», «Русским людям», «Крестьянам»), так и обращаясь к своим противникам («Красные партизаны», «От Временного Приамурского правительства крестьянам и красным партизанам», «К красноармейцам и красным партизанам»). Две листовки были адресованы военным частям белоповстанцев армии генерала В.М. Молчанова, которые в конце 1921 г. развивали наступление из Приморья на Хабаровск («Белые повстанцы», «Кто такие белые повстанцы»). По заданию правительства издательский отдел Союза русских журналистов выпускал листовки и для других (кроме Приморья) территорий Дальнего Востока, которые входили в юрисдикцию ВПП либо могли в нее войти. Распространялась, в частности, листовка «К населению Камчатки», которая была отослана в Петропавловск-Камчатский на пароходах. Листовки «К населению Хабаровского района» (на который наступали белоповстанцы) и «К населению Амурской и Забайкальской областей» (которые уже больше года входили в состав Дальневосточной республики) соответствовали амбициям меркуловского режима³⁸.

Чтобы расширить сферу деятельности, издательский отдел Союза русских журналистов был готов начать выпуск вслед за листовками популярных пропагандистских брошюр объемом от 0,5 до 3 печатных листов. Я.Л. Белоблоцкий сообщал в своем докладе, что в портфеле его отдела находятся рукописи брошюр «Экономическое положение Совроссии», «Си-

³³ РГИА ДВ. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

³⁴ Там же. Л. 9, 10; Д. 1. Л. 3.

³⁵ Там же. Д. 1. Л. 4.

³⁶ Там же. Д. 2. Л. 10 об.

³⁷ Там же. Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 6.

бирь при большевиках», «Деятели ДВР», «Земство и большевики». Отдел был готов приобрести у авторов брошюры с названиями «Причины голода в Советской России», «Положение сельского хозяйства в Советской России». Издание этих брошюр тормозилось нехваткой средств, которые Я.Л. Белоблоцкий спрашивал у ВПП. В качестве паллиатива отдел начал выпускать в январе 1922 г. цикл листовок не примитивно-агитационного, а критико-аналитического содержания: «Советская Россия в 1921 году», «Что делается в ДВР» и «В национальном Приморье»³⁹.

Обратим внимание на эволюцию тематики «белой» пропаганды: на место характерных для 1918–1919 гг. абстрактных лозунгов борьбы за свободу и достоинство России, за веру и Отечество, за русскую культуру и национальную государственность, против «Интернационала» и социализма пришла конкретная, доступная и легко воспринимаемая массовым обывателем критика реальных политических и экономических ситуаций, событий, действий и лиц в стане противника. Все стало предельно заточенным на обличение очевидных пороков и несуразностей большевистской диктатуры. Гражданская война научила пиарщиков Белого движения, в том числе Я.Л. Белоблоцкого, более профессионально, результативно и адаптивно работать.

Важным достижением своей деятельности на посту заведующего издательским отделом Союза русских журналистов Я.Л. Белоблоцкий считал выпуск газет. До конца 1921 г. отдел издал два номера газеты «Приморский крестьянин», тиражом по 3 тыс. экз. каждый, и три номера газеты «Народное дело», тиражом по 5, а затем 6 тыс. экз. Первая газета в 1922 г. уже не издавалась, было решено сосредоточить усилия на второй, которая выходила два раза в неделю. Я.Л. Белоблоцкий брался, при условии финансирования от правительства, увеличить тираж «Народного дела» до 10 тыс. экз. и периодичность до трех раз в неделю. Он же предлагал увеличить месячный тираж листовок с 50 до 80 тыс. экз.⁴⁰

В бывших «спецхранах» библиотек и архивов России сохранилось несколько разрозненных номеров газеты «Народное дело», имевшей подзаголовок «Беспартийная крестьянская газета». Редактором ее значился некий С.П. Леонидов, что скорее всего является псевдонимом Я.Л. Белоблоцкого. В Российской государственной библиотеке уцелел № 6 за 31 января 1922 г. Из нумерации и датировки видно, что газета не выдерживала обещанной периодичности выхода. Вместо трехкратного выпуска в неделю за январь 1922 г. вышло всего три номера. По-видимому, газета издавалась и позднее.

Издание газеты и листовок предполагало организацию их распространения. Я.Л. Белоблоцкий начал с создания газетных киосков на железнодорожных станциях, заключив для этого договор с руководством Уссурийской железной дороги. Союзу русских журналистов было предоставлено исключительное право торговать литературой на станциях Гродеково, Евеньевка, Кангауз, Раздольная. В список входили также станции Иман и Хабаровск, которые были временно заняты белоповстанческой армией. В первых числах января 1922 г. туда был отправлен персонал распространителей прессы, а также группа лекторов отдела.

Следующим шагом стало налаживание снабжения печатными изданиями тихоокеанского побережья Приморья. Я.Л. Белоблоцкий подписал соглашение с каботажным отделом Добровольного флота, согласно которому пароходы каботажного плавания снабжались газетами и листовками издательского отдела для раздачи их населению. Значительную часть отпечатанных листовок представляли собой заказы Особого отдела штаба армии ВПП. Особый отдел самостоятельно распространял их в местах боевых действий. Часть своих изданий Союз русских журналистов передавал войсковой управе Уссурийского казачьего войска, которая по соглашению с издательским отделом распространяла их в казачьих поселках. Через уполномоченного ВПП в Николаевске-на-Амуре отдел доставлял литературу в г. Николаевск. Кроме того, издательский отдел удовлетворял просьбы различных военных и гражданских организаций, обращавшихся к нему за литературой⁴¹.

По мере развития деятельности издательский отдел Союза русских журналистов приобретал новые функции, изначально ему не принадлежавшие. Отдел, например, фактически присвоил себе функции бывшего правительственного Пресс-бюро по обеспечению местных органов печати литературными материалами. В начале 1922 г. в составе отдела было образовано особое бюро, которое приступило к снабжению статьями, подготовленными членами Союза русских журналистов, газет Никольска-Уссурийского, Хабаровска (на период его занятия Белой армией), ст. Маньчжурия, кроме того, «Уссурийского казачьего вестника»⁴².

Через некоторое время последовала совсем уже авантюрная попытка перераспределить собственность на региональные полиграфические предприятия в пользу Союза журналистов и его издательского отдела. С целью «экономического усиления национальной прессы» отделом была проведена подготовительная работа по созданию синдиката из 14 казен-

³⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об. – 5.

⁴⁰ Там же. Л. 4, 6; Д. 1. Л. 9.

⁴¹ Там же. Д. 2. Л. 4–4 об., 6.

⁴² Там же. Л. 4 об.

ных и общественных типографий (т.е. принадлежавших земским и городским управам). Руководителями полиграфического синдиката предполагались, конечно, сами инициаторы этой идеи. Преобразование, по словам Я.Л. Белоблоцкого, «удешевит, ускорит работу и даст возможность экономическим путем успешно бороться с оппозиционной прессой». По данному вопросу в издательском отделе была создана специальная комиссия во главе с Я.Л. Белоблоцким⁴³. Однако функционеры Временного Приамурского правительства не оценили такого предложения и не реализовали его.

Активная и порой бесцеремонная борьба Я.Л. Белоблоцкого за гегемонию так называемой «национальной прессы» рождала ответную реакцию. Многие представители приморской журналистики состояли с ним во враждебных отношениях. Дела и мысли Я.Л. Белоблоцкого подвергались, например, систематической критике на страницах газеты левых кадетов Приморья «Голос Родины» (руководители – К.К. Куртеев, Е.Г. Спальвин, И.Х. Петелин).

На каждый выпад Яшка (так стали называть его в недружественных кругах) старался отвечать собственной статьей, в ряде случаев не соблюдая никакой этики. В ответ на сообщение «Голоса Родины» о получении им субсидии из казначейства Белоблоцкий заявил: «Никаких отношений и поручений для правительственных учреждений не имел и не имею»⁴⁴. Как уже знает читатель, это было стопроцентной ложью. В статье, имеющей программный характер, Я.Л. Белоблоцкий стремился оправдать сложившуюся еще в 1919 г. практику белогвардейских властей покупать часть тиража соответствующих газет и раздавать их на фронте и в тылу. «И считаю вполне нормальным, – писал он, – и необходимым, что правительство покупает часть тиража руководимых нами (только нами) газет для раздачи населению... И если власть покупает часть наших газет (очень недостаточную, добавлю), то это является необходимой мерой в политической борьбе. Власть покупает часть нашего тиража не для того, чтобы оказать содействие Васильеву и Иванову. Отнюдь нет. Это делается только для того, для чего содержатся школы, больницы – для борьбы с политической чумой, которую развели большевики и социалисты в России... Не дай Бог, чтобы наша работа была бесследна и не вызывала бы поэтому гнева тех, кому невыгодна реализация нашего старого, единственного, которому мы служим много лет, лозунга Великой Национальной России»⁴⁵.

Но разоблачения промеркуловской сущности предприятия Я.Л. Белоблоцкого продолжали регулярно появляться во владивостокских газетах. После очередных нападков со страниц газеты «Руть», издававшейся при японской типографии, Белоблоцкий потребовал от автора статьи назвать в газете свое подлинное имя для возбуждения против него судебного иска за клевету. «Отказ автора ... назвать себя, – угрожал он, – дает мне право прибегнуть и не к судебным мерам защиты»⁴⁶.

Одним из мотивов разоблачительной риторики либеральной прессы Приморья являлось участие Я.Л. Белоблоцкого в деятельности другого предприятия Союза русских журналистов Дальнего Востока – телеграфного агентства «Национал-пресс», которое, по всеобщему мнению, представляло собой источник лживой и резко тенденциозной информации. Отвечая на обвинения, Белоблоцкий парировал фразой: «Я не состою сотрудником этого агентства»⁴⁷. Формально это было так. Но тесное взаимодействие обоих предприятий Союза журналистов, а также редакции газеты «Русский край», в которой Яков Белоблоцкий играл лидирующую роль, их связь с меркуловской властью никто и не пытался отрицать. Объявления о начале действий агентства «Национал-Пресс» помещались в ноябре – декабре 1921 г. в каждом номере «Русского края», с этого же времени газета публиковала наибольшее (среди всех органов печати Приморья) количество информационных телеграмм агентства. Финансовые вопросы, а именно распределение субсидий от ВПП, все больше переплетали интересы газеты и агентства, поскольку все финансирование шло через персоны Я.Л. Белоблоцкого и редактора газеты П.П. Васильева, который был также учредителем и членом правления Союза журналистов. В конце концов газета «Русский край» фактически перешла в полную собственность агентства «Национал-пресс». Через полгода, уже в советизированном Приморье, демократическая пресса отвела душу, развернув кампанию тотальных разоблачений Я.Л. Белоблоцкого, П.П. Васильева, Вс.Н. Иванова и их изданий. «В “Русском крае” и “Национал-прессе”, – писала одна из газет, – все было обставлено тайной от служащих и сотрудников... Все служащие знали, что Яшка и Парфён получали крупные деньги, но доказать это не могли, т.к. это было “государственной тайной”». По словам газеты, поддержка С.Д. Меркуловым своей журналистики была не безвозмездной: якобы «Спиридон [Меркулов] полу-

⁴³ РГИА ДВ. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.

⁴⁴ Белоблоцкий Я. Письмо в редакцию // Русский край. Владивосток, 1922. 7 янв. № 192. С. 7.

⁴⁵ Белоблоцкий Я. Нашим критикам. С. 3.

⁴⁶ Белоблоцкий Я. Письмо в редакцию // Русский край. Владивосток. 1922. 8 февр. № 223. С. 5.

⁴⁷ Белоблоцкий Я. Хамелеоны // Русский край. Владивосток. 1921. 2 дек. № 156. С. 4.

чал ...половину выручки» от «Национал-пресс» и «Русского края»⁴⁸.

Идея «общественной» журналистской поддержки Временного Приамурского правительства быстро деградировала, как и само коррупционное «государство» Меркуловых. Уже в феврале 1922 г. учредители Дальневосточного союза русских журналистов предложили меркуловцам очередной вариант переустройства пропагандистского аппарата, а именно его приватизацию. В докладе, отправленном правительству, они предлагали отделить от Союза журналистов его предприятия – «Национал-пресс» и издательский отдел и сделать их частными (своей, очевидно, собственностью). Предполагалось при этом, что частные предприятия будут практически целиком взяты на обеспечение военных и отчасти государственных структур, которые и до этого являлись основными заказчиками пропагандистской литературы. Документ обосновывает «целесообразность приближения и даже подчинения работы издательского отдела Особому отделу Штаба, с сохранением на нем обязательства работать также и по заданиям гражданских ведомств, как например, Управления внутренних дел»⁴⁹.

В июне 1922 г. разразился кризис приморской «государственности», когда часть влиятельных членов Съезда несоциалистического населения Дальнего Востока, поставившего Меркуловых в мае 1921 г. во главе ВПП (Н.А. Андрушкевич, С.М. Широкогоров, В.Ф. Иванов и др.), пыталась этих же братьев Меркуловых от власти отстранить. События потребовали от Я.Л. Белоблоцкого усиленного выражения лояльности к своим хозяевам. Он явился в дом Старцева на Светланской улице – резиденцию С.Д. и Н.Д. Меркуловых, взятую под осаду переворотчиками. «Пришел Яшка, хотя и с большой ногой, но пришел, – комментировала враждебная Меркуловым пресса. – Сел напротив Николая [Меркулова] и плакал. За это ему было уплачено»⁵⁰. Деятельность Союза русских журналистов и его предприятий за время «недоворота» фактически распалась, а вернее – сосредоточилась вокруг газеты «Русский край» и ряда других более мелких изданий «национальной» прессы.

«Недоворот» закончился установлением в Приморье государственности монархо-теократического формата под названием «Приамурский Земский край» во главе с правителем Земского края и воеводой Земской рати генералом М.К. Дитерихсом. Воевода открыто провозгласил своей целью реставрацию русской монархии. Противостояние двух групп при-

морской интеллигенции развело по разные стороны бывших друзей. Вс.Н. Иванов встал в позицию неучастия в делах реставраторов царизма: «Ни в каком учреждении “Земского края” не бывала моя нога», – написал он в воспоминаниях [2008, с. 395]). Напротив, Я.Л. Белоблоцкий охотно согласился на роль представителя монархической власти и проводника ее идей, как и П.П. Васильев. Парфентий Парфентьевич ушел с поста редактора «Русского края» и переместился в правительственные кресла: стал сначала членом Земской думы (представительного органа Приамурского Земского края), а затем был избран председателем Совета съездов национальных организаций Дальнего Востока⁵¹. Газета «Русский край» была переименована в «Земский край» (первый номер вышел 1 сентября 1922 г.). Издавало ее Товарищество «Русский край», одним из руководителей которого являлся все тот же Я.Л. Белоблоцкий. Полмесяца газету редактировал С.П. Наумов, а в выходных данных номера 14 от 17 сентября 1922 г. появилась давно ожидаемая запись: «Редактор Я.Л. Белоблоцкий».

Литературный облик газеты с приходом к руководству Белоблоцкого слегка изменился в сторону популярности и беллетристики. Продолжали публиковаться казенные монархические стихи Л.Д. Тяжёлова («Грядущему Царю» – № 7 от 8 сентября; «В последние дни» – № 14 от 17 сентября; и др.), но вскоре их сменили печатавшиеся почти в каждом номере подборки стихотворений Ю.И. Галича (Гончаренко) – известного дальневосточного, а затем прибалтийского поэта и прозаика, генерала Белой армии, вновь «открытого» российскими литературоведами в 1990-е гг. Каждый номер газеты содержал по два–три стихотворения Ю.И. Галича, некоторые из них представляли собой зарифмованные воспоминания о Первой мировой войне. Всего в номерах с 19 сентября до 11 октября увидели свет 28 поэтических произведений Ю.И. Галича. «Земский край» под редакцией Белоблоцкого опубликовал также цикл из трех статей И.К. Окунцова – известного в дальнейшем организатора и историка русской эмиграции в Южной Америке. Посетив Владивосток проездом в Китай, И.К. Окунцов вспоминал в своих очерках о поездках по Сибири в 1920–1921 гг., делился впечатлениями о менталитете «советских» сибиряков и красноармейцев (№ 21 от 27 сентября, № 23 от 30 сентября и № 32 от 11 октября).

Крах «белого» Приморья определил и судьбу начальников его пропагандистской машины. 19 октября 1922 г. вышел последний, 38 номер «Земского края»,

⁴⁸ *Мистер Бай* [псевд.]. Накануне (наблюдения и впечатления) // Вечерняя газета. Владивосток. 1922. 1 нояб. № 422. С. 3.

⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–10 об.

⁵⁰ *Мистер Бай* [псевд.]. Накануне. С. 3.

⁵¹ Беседа с членом Земской думы П.П. Васильевым // Земский край. Владивосток. 1922. 15 сент. № 12/406. С. 3; Совет национального съезда // Земский край. Владивосток. 1922. 23 сент. № 18/412. С. 3; Национальный съезд // Там же. С. 2.

прочие газеты Белого движения закрылись во Владивостоке еще раньше. Волею судьбы Я.Л. Белоблоцкий оказался последним редактором последней белогвардейской газеты, издававшейся на территории России.

20 октября 1922 г. Я.Л. Белоблоцкий и П.П. Васильев с семьями покинули Владивосток на пароходе, отправлявшемся в Китай⁵². 22 октября то же сделал Вс.Н. Иванов. В результате поспешного бегства служащие «Национал-пресс» и «Земского края» остались нерасчитанными. В общей сложности, как писали владивостокские газеты, персоналу «национальной прессы» не было уплачено до 9 тыс. руб.⁵³ Агентство «Национал-пресс» объявило о своей ликвидации ввиду выезда за границу в полном составе совета директоров и руководителей Дальневосточного союза русских журналистов⁵⁴. Спустя пару недель стало известно, что Я.Л. Белоблоцкий и П.П. Васильев устроились журналистами в эмигрантскую газету «Русский голос», издававшуюся в Харбине С.П. Востротинным⁵⁵.

Дальнейшую судьбу Я.Л. Белоблоцкого в эмиграции удалось восстановить. Статья уже находилась в печати, когда ее автор получил от Ивана Подвалова, проживающего в Лос-Анджелесе руководителя организации по изучению русского наследия, ценные сведения о дальнейшей судьбе Я.Л. Белоблоцкого.

Выяснилось, что Белоблоцкий перебрался в 1923 г. из Харбина в США вместе с семьей, включавшей жену, мать и малолетнего сына Леву, родившегося в 1921 г. во Владивостоке. В Лос-Анджелесе Я. Белоблоцкий, по-видимому, подрабатывал в Голливуде, его жена сотрудничала с труппой Русского драматического театра и преподавала в приходской школе при русском храме. Белоблоцкие стали одними из основателей Богородицкого собора в Лос-Анджелесе. Я.Л. Белоблоцкий умер в Лос-Анджелесе в 1939 г., годом позже – его супруга. Оба похоронены на Сербском городском кладбище, могилы сохранились.

Лев Белоблоцкий, известный в США как Лео Блок, окончил Голливудскую общеобразовательную школу, служил в Военно-морском флоте США. В декабре 1941 г. выжил в японской бомбардировке Перл-Харбора, затем воевал с японцами на Тихом океане. Получил множество военных наград, похоронен на Национальном военном кладбище в Сан-Диего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов Вс.Н. Исход : Воспоминания. Хабаровск: Хабаровское регион. отд-ние Союза писателей России, 2008. 400 с.

Посадсков А.Л. К истории эвакуации Русского общества печатного дела (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) // История Белой Сибири : тез. докл. Третьей науч. конф. (Кемерово, 2–3 февр. 1999 г.). Кемерово, 1999. С. 135–139.

Посадсков А.Л. Писатель Вс.Н. Иванов во главе издательского дела Временного Приамурского правительства (1921–1922 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 3. С. 44–49.

Шевелев Д.Н. Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск : Изд-во ТГУ, 2017. 268 с.

Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск : Хабаров. гос. пед. ун-т, 1996. 182 с.

REFERENCES

Ivanov Vs.N. (2008). Exodus: memoirs. Khabarovsk, Khabarovskoye regional'noye otdeleniye Soyuza pisateley Rossii, 400 p. (In Russ.)

Posadskov A.L. (1999). On the history of the Russian Printing Society evacuation (October 1919 – January 1920). *Istoriya Beloy Sibiri: tezisy dokladov Tret'ey nauchnoy konferentsii (Kemerovo, 2–3 fevralya 1999 g.)*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, pp. 135–139. (In Russ.)

Posadskov A.L. (2015). Writer Vs.N. Ivanov as the head of the publishing business of the Provisional Amur Government (1921–1922). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 22, no. 3, pp. 44–49. (In Russ.)

Shevelev D.N. (2017). “The role of the printed word in modern warfare is no less than a bullet and a bayonet ...”: information work of the anti-Bolshevik governments in the East of Russia. Tomsk, Izd-vo TGU, 268 p. (In Russ.)

Tsipkin Yu.N. (1996). White movement in the Far East (1920–1922). Khabarovsk, Khabarov. gos. ped. un-t, 182 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.07.2022

Дата рецензирования 30.08.2022

Статья принята к публикации 23.01.2023

⁵² Ликвидация «Края» // Вечерняя газета. Владивосток. 1922. 19 окт. № 414. С. 3.

⁵³ *Мистер Бай [псевд.]*. Накануне... С. 3.

⁵⁴ Кончина «Национал-пресса» // Вечерняя газета. Владивосток. 1922. 24 окт. № 416. С. 2.

⁵⁵ Владивостокские герои в Харбине // Новая вечерняя газета. Владивосток. 1922. 4 нояб. № 1. С. 2.

DOI: 10.15372/HSS20230111

УДК 94(47)"1950/1999"

Н.И. ЧУРКИНА

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПИОНЕРА В НОРМАТИВНЫХ, ВИРТУАЛЬНЫХ И УСТНЫХ ИСТОЧНИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644099, г. Омск, набережная Тухачевского, 14

В статье представлена попытка воссоздать образ пионера второй половины XX в. Раскрывается логика и результаты сравнительного анализа содержательного и визуального образа. В качестве источников реконструкции автором использовались основные нормативные документы пионерской организации (Положения о Всесоюзной пионерской организации 1957 и 1986 гг.); педагогические плакаты того времени; материалы интервью с представителями двух последних поколений советских пионеров. В статье определены основные направления пионерского воспитания и их наполнение, на основе которых выделены компоненты образа пионера. Делается заключение о степени влияния нормативного и визуального образа, который транслировали официальные источники советской пропаганды, на представления о реальных результатах пионерского воспитания.

Ключевые слова: образ пионера, идеал, воспитание, педагогические плакаты, пионерская организация, советское детство.

Для цитирования: Чуркина Н.И. Конструирование образа пионера в нормативных, виртуальных и устных источниках второй половины XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 100–107. DOI: 10.15372/HSS20230111.

N.I. CHURKINA

CONSTRUCTION OF THE PIONEER'S IMAGE IN NORMATIVE, VIRTUAL AND ORAL SOURCES OF THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

Omsk State Pedagogical University,
14, Tukhachevsky embankment, Omsk, 644099, Russian Federation

The paper analyzes normative documents of the pioneer organization, pedagogical posters and memoirs of representatives of the pioneers' last generation. The paper uses the concept of "image" in its two definitions: a visual image (outer shell) and a way of transmitting information, its content (idea). This made it possible to compare the meaningful and visual image of the pioneer with the real results of pioneer education represented in oral sources. The article defines the main directions of pioneer education (ideological, military-patriotic, labor, mental, civil, international, individual-personal) and their content, based on which the components of the pioneer image have been identified. Applying a comparative analysis of two texts of the "Regulations on the Pioneer Organization..." (1967 and 1986), the paper defines a meaningful image of the pioneer reflected in the normative documents: the pioneer believes and is ready to fight for the ideals of communism; is confident in the superiority of the Soviet Motherland and ready to defend it; ready to participate in socially useful work; responsible for learning, interested in science (technology), culture; showing social activity; internationalist; fully developed. But the respondents in their interviews noted other characteristics of a true pioneer: friendship, solidarity, respect for elders, organization. A role model, especially for the older generation, was the visual image that was designed in posters, as a case. A good pioneer strove to be just as neat, disciplined. Most of the respondents could not separate the results of school and pioneer education. The main task of ideological education (the ideas of building communism, struggle for the Communist Party ideals, internationalism) proved to be untenable. The author concludes that the image can both reflect reality or distort it, and mask the absence of reality or completely replace it with a simulacrum. Remembering their childhood, many people are captivated by this image, not relating it to themselves or their peers. The pioneer image loses touch with reality, replaces reality.

Key words: pioneer image, ideal, upbringing, pedagogical posters, pioneer organization, Soviet childhood.

Наталья Ивановна Чуркина – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики, Омский государственный педагогический университет; e-mail: n_churkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7722-2427>.

Natalya I. Churkina – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy of the Omsk State Pedagogical University.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы можно наблюдать повышенный интерес представителей всех гуманитарных наук к советской истории, в том числе к такому феномену, как «культурный проект советского детства». Целью данного проекта было «формирование всевозможными средствами нового человека – борца за социализм, строителя коммунизма, свободного от пережитков прошлого, представителя общества будущего»¹. Советский период стали рассматривать как своеобразный «золотой век» российского образования. В результате многие проблемы современности попытались решить за счет реставрации приемов и методов воспитания советской школы – того, что исследователи определили как ретроинновации [Богуславский, 2014]. Последней по времени ретроинновацией стала попытка создания массовой общероссийской детской организации. Все это актуализирует задачу более детального изучения моделей и практик пионерского воспитания, его символов, ритуалов и степени их влияния на школьников.

В философии разделяют понятия «идеал» и «образ»: идеал выполняет регулятивную функцию, но он недостижим, а образ выступает как образец, он выполняет «служебную роль в процедуре созидания: обеспечивает сохранение базовых признаков образца в создаваемой новой вещи» [Абрамова, 2008, с. 78]. Как считают редакторы сборника «Острова утопии»: «Поскольку образование по природе своей проективно, оно неотделимо от создания образа желаемого будущего и поэтому всегда связано с утопией. С другой стороны, будучи деятельностью конкретных личностей в конкретной материальной среде, образование осуществляется через претворение утопических целей в технологию, то есть через проектирование определенного способа достижения будущего» [Острова утопии, 2015, с. 12–13]. Исходя из этого, мы определили *цель статьи* – это реконструкция базовых признаков образа пионера через анализ нормативных документов, педагогических плакатов и выявление влияния этих источников на советских школьников. Более точные хронологические рамки исследования (1950–1980-е гг.) исследователи трактуют как «не тоталитарный советский период», период позднего социализма [Юрчак, 2016].

Теоретическую базу исследования составили несколько групп работ:

– работы по истории пионерской организации (Н.Ф. Басов, М.В. Богуславский, И.Г. Гордин,

В.В. Лебединский, И.А. Мальцева, Е.В. Титова, Т.В. Трухачева и др.);

– исследования различных аспектов руководства деятельностью детских организаций в советской школе со стороны педагогов и комсомола (А.Г. Кирпичник, Т.Е. Конникова, К.Д. Радина, И.В. Руденко, Э.С. Соколова);

– труды по социально-педагогическим проблемам деятельности детского движения (Л.В. Алиева, А.В. Волохов, Е.Н. Сорочинская, И.И. Фришман).

Не менее значимыми для реализации авторского замысла стали работы, в которых рассматривают более широкие аспекты повседневной жизни советской школы, советской школьной культуры, отдельных практик воспитания и обучения. Учеными (П.И. Арраповой, В.Г. Безроговым, С.Б. Борисовым, К. Келли, С.Г. Леонтьевой, А.С. Ляшок, К.А. Маслинским, А.А. Сальниковой и др.) привлечены в качестве источников художественные произведения, эго-источники (воспоминания, дневники, письма, автобиографии и др.), интервью, фотографии, фильмы.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы используем концепт «образ», причем в двух его дефинициях: как визуальный образ (внешняя оболочка) и как способ передачи информации, его содержание (идея). Интерес к данному понятию связывают с «визуальным поворотом» в культуре. Образ изучают в разных аспектах – «создание, восприятие, структура, влияние, роль и воздействие, отношения с реальностью» [Афанасьевская, 2021].

В историческом исследовании использование концепта «образ» позволяет снять противоречие между отстоящим во времени объектом исследования и ученым. Как отмечают представители новой интеллектуальной истории, историку недоступна объективная реальность, «но он имеет дело с ее образами» [Родигина, 2006, с. 47]. Этот вывод поддерживают философы: «образ часто строится на каком-то отдельном свойстве, черте, на отдельном факте. Отсутствующие детали и признаки появляются в образе в результате достраивания, конструирования» [Абрамова, 2008, с. 79].

В данном исследовании мы попытаемся выявить содержание и компоненты образа пионера через анализ основных нормативных документов пионерской организации (Устава пионеров, законов пионеров, текста клятвы и др.). Визуальный образ проектируется на основе анализа педагогических плакатов. Эти источники позволяют реконструировать идеальный образ пионера, которого, скорее всего, никогда не было. Они сравнивались с материалами интервью, разработчиком и организатором которого выступил автор статьи. Всего было собрано и обработано около

¹ Моральный кодекс строителя коммунизма // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969–1986. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/078/087.htm> (дата обращения: 26.12.2022).

100 стенограмм интервью с представителями двух поколений пионеров.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА

Содержание (идею) образа пионера задавали нормативные документы, главным из которых было Положение о Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина, включающее корпус текстов. Как отмечает С.Г. Леонтьева, «идеологическая концепция Всесоюзной пионерской организации в чистом виде сформулирована в ее Уставе»². Особенностью пионерской организации было безусловное единство основных характеристик и организационных принципов деятельности на всей территории страны.

В исследуемый период вышло две редакции Положения о Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина (1967 и 1986 гг.)³ Положение включает: принципы деятельности, девиз, торжественное обещание, законы, символику и ритуалы пионерской организации. Положение 1967 г. вышло в период свертывания хрущевской образовательной реформы 1958 г. С этого времени не только в деятельности пионерской организации, но и в обществе начинается время стабильности (застоя). Т.В. Трухачева характеризует особенность этого периода в пионерской работе как единство (единообразие): единство времени (послеурочное) и пространства (школы); единство деятельности для детей разного возраста [Трухачева, 2017]. Последняя редакция Положения вышла после начатых в 1985 г. политических реформах, но в тексте 1986 г. можно обнаружить гораздо больше преемственности с традициями, чем влияние новых идей и ценностей.

Мы провели сравнительный анализ текстов двух редакций Положения, определили основные направления и соответствующие задачи воспитания, что позволило выделить компоненты нормативного образа пионера (как характеристики идеального пионера). Идеологическое направление являлось главным во всех редакциях. Оно решало задачи «воспитать пионеров преданными делу Коммунистической партии, верными революционным, боевым и трудовым традициям советского народа; воспитывать в духе ком-

мунистической идейности»⁴; воспитывать «непримиримость ко всему, что чуждо социалистическому образу жизни»⁵. Это направление воспитания в нормативном компоненте мы определили такой характеристикой: верит и готов бороться за идеалы коммунизма.

Вторым важным направлением было военно-патриотическое воспитание, в двух редакциях Положения оно ставило задачи: «привить юным ленинцам любовь к социалистической Родине, непримиримость к ее врагам, готовить пионеров к защите Отечества»⁶ воспитывать преданность Советской Родине⁷. Это направление в нормативном образе отражено в компоненте «уверен в превосходстве Советской Родины и готов к ее защите».

Следующее направление – трудовое воспитание, которое решало задачу «приобщать детей к посильному общественно полезному труду»⁸; «воспитывать сознательное отношение к труду и общественному достоянию»⁹. Эти задачи мы соединили в компоненте нормативного образа «готов к участию в общественно полезном труде».

Умственное воспитание должно было «воспитывать у детей любовь к знаниям и ответственное отношение к учению, прививать интерес к науке и технике, культуре и искусству»¹⁰; «освоению духовной культуры»¹¹. Компонент нормативного образа, по нашему мнению, состоит в том, что пионер «ответственно относится к учебе, интересуется наукой (техникой), культурой».

Гораздо меньше задач было связано с гражданским воспитанием, которое предполагало «развивать у пионеров общественную активность и коллективизм»¹²; «формировать активную гражданскую позицию»¹³. В нормативном компоненте мы обозначили эту характеристику как «проявляет социальную активность».

Интернациональное воспитание ставило задачу – развивать уважение к другим народам¹⁴; продвигать идеи пролетарского, социалистического интернационализма¹⁵, что соответствует в нормативном компоненте понятию «интернационалист».

Во всех редакциях Положения к направлению индивидуально-личностное воспитание (развитие)

² Леонтьева С.Г. Дети и идеология: пионерский случай. URL: <http://childcult.rshu.ru/article.html?id=58600> (дата обращения: 26.12.2022).

³ Положение «О Всесоюзной ордена Ленина пионерской организации имени В.И. Ленина». Утверждено Бюро ЦК ВЛКСМ от 17 марта 1967 года // Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20617#7krPH1TmKLNndquQ1> (дата обращения: 26.12.2022); Положение «О Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина». Утверждено Бюро ЦК ВЛКСМ» в 1986 году // Воспитание школьников. 1986. № 5. С. 38–40.

⁴ Положение... 1967 г.

⁵ Положение... 1986 г.

⁶ Положение... 1967 г.

⁷ Положение... 1986 г.

⁸ Положение... 1967 г.

⁹ Положение... 1986 г.

¹⁰ Положение... 1967 г.

¹¹ Положение... 1986 г.

¹² Положение... 1967 г.

¹³ Положение... 1986 г.

¹⁴ Положение... 1967 г.

¹⁵ Положение... 1986 г.

пионеров могут быть отнесены такие задачи, как «быть сознательными, честными, смелыми, здоровыми и жизнерадостными, содействовать их всестороннему развитию»¹⁶; «всестороннему развитию личности»¹⁷. В нормативном компоненте мы определили это качество как «всесторонне развитый».

Сравнение двух текстов Положения о пионерской организации... позволяет сделать вывод, что в последней редакции сохранялись традиционные направления пионерского воспитания, но формулировки текста стали более абстрактными. Такая риторика исключала возможность хоть какой-то оценки результатов решения поставленных задач. Среди достоинств пионерской организации часто называют верность традициям и массовость. Но в этом была и опасность, которая привела к стагнации и формализму в ее деятельности. Менялся мир, дети, общество, а новые поколения советских пионеров должны были заниматься теми же делами, что и их родители. Еще одна ошибка взрослых состояла в том, что пионерское воспитание во второй половине XX в. полностью слилось со школьным воспитанием, пионерский отряд стал синонимом класса, пионерские дружины включились в борьбу за хорошую успеваемость, поведение, прилежание. В редакции 1986 г. это закреплено в тезисе: «пионерская организация – опора педагогического коллектива в воспитании учащихся». Из практик пионерской жизни ушли «взрослые» дела.

Дополняют нормативный образ пионера разделы Положения, адресованные детям: торжественное обещание, законы пионеров. В законах пионеров закреплены те же направления воспитания. Сравнительный анализ содержательного наполнения законов пионеров в двух редакциях показывает их сходство: пионер должен быть предан «Родине, партии, коммунизму». Образцами для подражания пионера называли героев борьбы и труда. Пионер готовится стать «защитником Родины», «активным борцом за мир, другом пионерам и детям трудящихся всех стран». Большая часть законов пионеров связана с политическим воспитанием. В редакции 1967 г. можно выделить только несколько пунктов, которые относятся к задачам личностного развития: «Пионер настойчив в учении, труде и спорте, честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду, товарищ и вожак октябрят, друг пионерам и детям трудящихся всех стран», от которых в последней редакции осталась краткая версия «пионер – надежный товарищ, уважает старших, заботится о младших, всегда поступает по совести».

В Положении 1986 г. впервые в тексте законов появляется первичная организация пионеров (школы, класса), отмечается: «пионер дорожит честью своей

организации, своими делами и поступками укрепляет ее авторитет». Отдельным пунктом в законах прописаны права пионера, связанные с деятельностью органов самоуправления (избирать и быть избранным, обсуждать, вносить предложения и т.п.). Появление этого пункта связано с демократическими изменениями, которые начались в партии и обществе, но он свидетельствует о проблемах пионерской организации, связанных с отсутствием реального детского самоуправления.

Еще одной особенностью Положения в редакции 1986 г. стало появление в его тексте института семьи. Отмечается, что пионерская организация в вопросах воспитания «тесно взаимодействует со школой, работает совместно с профсоюзными, творческими, спортивными, оборонными и другими общественными организациями и государственными учреждениями, в содружестве с семьей». Семья названа последней в списке социальных партнеров, с ней организация выступает в «содружестве». Призыв к содружеству с семьей, как нам представляется, также отражает кризис организации. С первых лет существования пионerie можно обнаружить (явное или неявное) противостояние пионерской организации и семьи. Но если в 1920–1930 гг. это оправдывалась задачей воспитания новых поколений советских людей, «отсталостью» родителей, то в поздний советский период организация, теряя авторитет, призывает семью к содружеству, но при этом еще не готова к взаимодействию с родителями.

Сходные выводы об отношении государства к семейному воспитанию сделали исследователи учебных текстов для начальной школы: «В советской иерархии ценностей воспитания более высокие ступени над Родиной занимали В.И. Ленин, деятели советского государства, коммунизм, программы партии, народнохозяйственные планы и т.п., а более низкие, например, школа и семья. Многие десятилетия советской эпохи “школа” рассматривалась как ценность выше “семьи” и ниже “народа”» [Иванченко, Макаревич, Безрогов, 2008].

ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПИОНЕРА

Информационный образ, конструируемый нормативными документами, дополняет виртуальный образ пионера. В качестве источников мы взяли педагогический плакат, который «активно пропагандировал образцово-показательный образ школьника» [Шаханская, 2017].

Из корпуса советских педагогических плакатов были отобраны только те, на которых изображены дети в пионерской форме и галстук. Сравнение тематики плакатов и содержания нормативных документов позволяет увидеть противоречие: в норматив-

¹⁶ Положение... 1967 г.

¹⁷ Положение... 1986 г.

Рис. 1.

ных документах приоритетное значение отводится идеологическому воспитанию пионеров, а тематика педагогических плакатов имеет ярко выраженную гуманистическую и функциональную направленность. При этом они являлись частью государственной пропаганды, фиксировали образцовое поведение школьников или недостатки, с которыми пионерской организации необходимо было бороться.

Большинство плакатов, представленных в сети Интернет, датируется 1950–1960 гг. Скорее всего, в более позднее время они выходили небольшими тиражами. Этот жанр заменили другие виды изобразительного искусства (кино, мультфильмы, фотография). Проведенный выше анализ двух редакций Положения не выявил принципиальных отличий в нормативном образе пионера в 1967 и 1986 гг. Анализируя плакаты, мы обнаружили некоторые тенденции, что позволяет его дополнить и визуализировать. Мы выделили тематические группы плакатов: они в основном развивали компоненты образа пионера, которые определяли нормативные документы.

Больше всего плакатов, иллюстрирующих разные законы пионеров. На плакате практически дословно представлен один из законов пионеров: «любить свою Родину (СССР)», лица учителя и школьников демонстрируют гордость за свою страну (рис. 1). Есть много плакатов, иллюстрирующих еще один закон пионеров – о необходимости подготовки к защите Родины. На всех плакатах лица детей радостные,

Рис. 2.

вдохновенные, они давали образцы, которым школьники должны были подражать. Много плакатов поддерживают другие компоненты образа пионера: пионер любит и готов трудиться, помогает старшим и младшим (рис. 2).

Но больше всего в корпусе педагогических плакатов посвящено учебной деятельности (рис. 3). Это отражает тенденцию деятельности пионерской организации в позднесоветский период. От пионера ждут хорошей, отличной учебы, при этом в текстах, регламентирующих деятельность организации, это направление воспитания не являлось главным. Напротив, пионерская организация должна была объединять всех детей, независимо от их успехов в учебе.

Анализ корпуса педагогических плакатов позволил увидеть помимо визуализации нормативного образа новые характеристики образа пионера, пришедшие из практики: уважение и любовь к учителю, верность слову, бережное отношение к социалистической собственности, самостоятельность.

Все сюжетные линии плакатов отражают активную жизненную позицию пионера: он помогает, он защищает, учит, наставляет и т.п. Кроме того, плакаты конструировали эталонный внешний облик пионера. Пионер всегда ходит в галстуке (даже после уроков, дома), у него аккуратная прическа, школьная форма. На плакатах присутствуют герои, на которых предлагали равняться – Павлик Морозов, военные летчики.

Таким образом, содержательный и визуальный образы пионеров второй половины XX в. создавали конструкт «идеальный пионер». Возникает вопрос: насколько такой образ становился образцом для подражания реальных школьников? В рамках проектной деятельности студенты исторического факультета проводили интервью с представителями двух последних поколений пионеров, которое были членами пионерской организации в исследуемый период. В интервью в том числе был вопрос: чему вас научила пионерская организация, за что вы ей благодарны?

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПИОНЕРСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Представители старшего поколения больше всего отмечали внешние, дисциплинарные навыки пионеров. «Научился раньше вставать утром. Обязательно нужно было встать, позавтракать, погладить галстук, подготовить форму свою. Конечно, дисциплине, отношению к себе. Опрятности, чтобы чистая одежда была, чтобы ботиночки блестели, бляхи. Рюкзак, ремень, форма, кокарда. Чтобы все было надраено, подготовлено. Девочки тоже все были аккуратны. У всех была одна форма, воротничок» (мужчина 1952 г.р.). «Все были дружны. Я вспоминаю то время, у нас как-то все хорошо было» (женщина 1952 г.р.). «Научила

Рис. 3.

дружить, помогать старшим, приучала к порядку» (женщина 1947 г.р.). «Во-первых, это все дисциплинирует – разные речевки, учились правильно ходить, была пионерская форма (белая рубашка и черная юбка), во-вторых, это красиво, в-третьих – это сплоченность и дружба, все болели друг за друга, оказание помощи» (женщина 1951 г.р.). «За сплоченность, наверное. За сплоченность, за взаимопонимание, дети ведь тоже понимают друг друга, потом взаимовыручка обязательно, потому что выручали друг друга» (женщина 1963 г.р.). «В то время, был патриотизм. Мы фильмы смотрели патристические, все было настроено так, чтобы мы любили Родину свою, нас готовили к тому, чтобы мы ее защищать. Только хорошим делам учили нас» (мужчина 1950 г.р.). «Научились сплоченности, дружбе, научились помогать друг другу. Всегда было весело, поэтому мы многому научились» (женщина 1958 г.р.).

Как можно увидеть, представители старшего поколения назвали в качестве главных результатов пионерского воспитания развитие у себя таких качеств, как умение дружить, помогать старшим, дисциплинированность и аккуратность, патриотизм. Можно

сделать вывод, что для этого поколения содержательный и визуальный образ пионера являлся образцом для подражания.

Представители младшего поколения также высказывали благодарность пионерской организации. «Я благодарна за то, что вместе мы могли много. Учиться взаимодействию, то есть ты не сам по себе, а вы все вместе, и только тогда вы – сила. Вместе мы можем многое, гораздо больше, чем если ты один. Опять же, придерживаться правил. Там были жесткие правила. Жить по правилам – это не так уж и плохо» (женщина 1971 г.р.). «Благодарна за то, что раньше было сплочение коллектива, взаимопомощь и поддержка более слабых учеников. Каждому двоичнику помогал отличник. Не было такого, что только я один хороший» (женщина 1974 г.р.). «Вы знаете, очень много было интересных мероприятий, то есть мы всегда были чем-то заняты. У нас были герои, дети-герои, которые совершили подвиг в период Великой Отечественной войны. Мы их всех знали, и когда мы сравнивали себя и их, нам тоже хотелось что-то такое великое совершить» (женщина 1975 г.р.). «Ответственность, организаторские способности, руководящие способности» (мужчина 1978 г.р.). «Я научилась самостоятельности. Наше поколение более собранное, более самостоятельное» (женщина 1977 г.р.). «Я думаю, как и многие люди моего возраста, благодарна за то, что мы научились быть ответственными, организованными, мы достаточно терпеливы, чтобы преодолевать трудности. Сейчас молодежь не такая терпеливая, они хотят все и сразу, не готовы понять, что чтобы чего-то достичь, нужно приложить усилия. Мы способны сплотить вокруг себя людей, чтобы решить какую-то задачу, я считаю это тоже частью нашего достояния» (женщина 1975 г.р.). Но были несколько респондентов, представляющих разные возрастные когорты, которые на этот вопрос интервью ответили, что пионерская организация их ничему не научила.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, содержательный образа пионера, который формировали нормативные документы, для школьников был недостижимым идеалом, а не образцом. В своих воспоминаниях наши респонденты результатами деятельности пионерской организации назвали качества, которые они у себя развили: дружба, сплоченность, уважение старших, организованность. Образцом для подражания, особенно для старшего поколения, стал визуальный образ: пионер стремился быть таким же аккуратным, дисциплинированным. Большинство респондентов, вспоминая практики деятельности пионерской организации, не могли разделить результаты школьного и пионерско-

го воспитания. Главное направление воспитания в пионерской организации, которое закрепили нормативные документы и транслировали педагогические плакаты (воспитание строителей коммунизма, борцов за дело коммунистической партии, интернационалистов) оказалось несостоятельным. Можно согласиться с выводом Э.А. Мальцевой, что на «субъективном уровне результативность как личностные приобретения в отношениях к миру, людям, самому себе, как переживания, связанные с пребыванием в организации, для многих детей оказывалась невелика» [2006]. Образ идеального пионера не работал как образец. Ж. Бодрийяр считает симуляцию господствующим типом нынешней фазы культуры. Образ способен не только отражать реальность или искажать ее, но и маскировать отсутствие реальности или полностью замещать ее симулятором [2017]. Возможно, образ пионера, который конструировали официальные тексты и плакаты, уже в то время был таким симулятором. Вспоминая свое детство, наши респонденты находились в плену этого образа, не соотнося его с собой или своим одноклассниками. А когда образ утрачивает связь с реальностью, подменяет собой действительность, он перестает быть образцом. Пионерская организация в своей деятельности повторяла многие ошибки комсомола и партии, не смогла измениться вместе с новым поколением детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова Н.Т. Образ и подобие в структуре познания // Визуальный образ (междисциплинарные исследования) / отв. ред. И.А. Герасимова. М.: ИФРАН, 2008. 247 с.
- Афанасьевская Н.В. Трансформация понятия «образ» в контексте визуального поворота в культуре // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2021. № 8 (850). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ponyatiya-obraz-v-kontekste-vizualnogo-povorota-v-kulture>.
- Богуславский М.В. Консервативная стратегия модернизации российского образования в XX – начале XXI вв. // Проблемы современного образования. 2014. № 1. URL: <http://www.pmedu.ru/index.php/ru>.
- Бодрийяр Жан. Симулякры и симуляции. М.: Изд-во «Постум». 2017. 320 с.
- Иванченко Г., Макаревич Г., Безрогов В. Образ ребенка в учебнике для начальной школы // Отечественные записки. 2008. №1. URL: <https://strana-oz.ru/2008/1/obraz-rebenka-v-uchebnike-dlya-nachalnoy-shkoly>.
- Мальцева Э.А. Детская общественная организация как пространство социального воспитания подростков: дис. д-ра пед. наук, Ижевск, 2006. 430 с.
- Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / [ред. и сост.: И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов]. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 720 с.
- Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
- Трухачева Т.В. Трансформации организации общественной жизни детей // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-organizatsii-obshchestvennoy-zhizni-detey>.

Шаханская А.Ю. Сравнительный анализ эволюции образа школьника и студента в советских и российских плакатах, карикатурах и профессиональных фотографиях // Медиаобразование. Media Education. 2017. № 4. С. 97–114.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое лит. обозрение. 2016. 664 с.

REFERENCES

Abramova N.T. (2008). Image and similarity in the structure of cognition. *Vizual'nyy obraz. (Mezhdistsiplinarnye issledovaniya)*. Moscow, pp. 70–83. (In Russ.)

Afanas'evskaya N.V. (2021). Transforming the concept of “image” in the context of a visual turn in culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. No. 8, pp. 202–211. (In Russ.)

Baudrillard J. (2017). *Simulacra and simulations*. Moscow, PostuM, 320 p. (In Russ.)

Boguslavsky M.V. (2014). A conservative strategy to modernize the Russian education in the XX – early XXI centuries. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. No. 1, pp. 5–11. (In Russ.)

Ivanchenko G., Makarevich G., Bezrogov V. (2008). The image of a child in a textbook for elementary school. *Otechestvennyye zapiski*. Vol. 40, no. 1, pp. 235–245. (In Russ.)

Kukulin I. Maiofis M. Safronov P. (Eds.) (2015). *Islands of Utopia: pedagogical and social design of the post-war school (1940s–80s)*. Moscow, Novoye lit. obozreniye, 720 p. (In Russ.)

Maltseva E.A. (2006). *Children's public organization as a space for the social education of adolescents: diss. theses*. Izhevsk, 420 p. (In Russ.)

Rodigina N.N. (2006). “Another Russia” image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, 343 p. (In Russ.)

Shakhanskaya A.Yu. (2017). Comparative analysis of the image evolution of schoolchildren and students in Soviet and Russian posters, cartoons and professional photographs. *Mediaobrazovaniye*. No. 4, pp. 97–114. (In Russ.)

Trukhacheva T.V. (2017). Transformations of organizing children's social life. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. No. 1, pp. 187–194. (In Russ.)

Urchak A. (2016). It was forever until it ended. The last Soviet generation. Moscow, Novoye lit. obozreniye, 664 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.01.2023

Дата рецензирования 02.02.2023

Статья принята к публикации 18.02.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20230112

УДК 069 (517.3)

¹О.Н. ТРУЕВЦЕВА, ²АЗАМАТ АЙШАГУЛЬ

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ

¹Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул 656031, ул. Молодежная, 55

²Музей Баян-Ульгийского аймака Монголии,
Монголия, Баян-Улгий, Улгий, 9-р баг, Хох хад, 8 гудамж, 01ТооТ

Авторами статьи обобщен опыт работы исследования буддийских монастырей Монголии, находящихся под угрозой исчезновения как объектов культурного наследия. В ходе совместной российско-монгольской экспедиции ученых Алтайского государственного педагогического университета и университета Маргад в 2017 г. были обследованы сохранившиеся на территории Архангайского аймака буддийские памятники архитектуры. Задача исследований заключалась в выявлении мест расположения объектов, визуальном обследовании, фотофиксации храмов, находящихся в руинированном состоянии, мест их расположения, а также в научном описании объектов культурного наследия и представлении оценок их состояния государственным органам, уполномоченным осуществлять охрану памятников, информировании общественности об угрозах их утраты, привлечении внимания бизнеса к реальному состоянию объектов.

Ключевые слова: культурное наследие, наследиеведение, методы исследования, буддийский монастырь, музеефикация.

Для цитирования: Труевцева О.Н., Азамат Айшагуль. Опыт изучения культурного наследия буддийских монастырей Центральной Монголии // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 108–117. DOI: 10.15372/HSS20230112.

¹O.N. TRUEVTSEVA, ²AZAMAT AISHAGUL

EXPERIENCE OF STUDYING THE CULTURAL HERITAGE OF BUDDHIST MONASTERIES IN CENTRAL MONGOLIA

¹Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya Str., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation

²Museum of the Bayan-Ulgiiskiy Aimag of Mongolia,
Mongolia, Bayan-Ulgiy, Ulgiy, 9 r bag, Khokh khad, 8 gudamzh, 01ТооТ

The article is devoted to the problems of preserving the monasteries of the Archangai aimag in Mongolia as the cultural heritage objects. By 1930, there were 843 main Buddhist monasteries in Mongolia, about 3,000 temples and chapels and 6,000 other buildings belonging to monasteries according to scientists' data. At the same time, the country population was not above 700,000. Almost half of adult males (48 %) were monks. During

---

Ольга Николаевна Труевцева – д-р ист. наук, профессор, директор Научно-образовательного центра «Историко-культурное наследие Большого Алтая» Алтайского государственного педагогического университета, e-mail: truevtseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0010-0003-3715-4380>.

Азамат Айшагуль – аспирант кафедры историко-культурного наследия и туризма Института истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета, директор Музея Баян-Ульгийского аймака Монголии, e-mail: aishabakha@yahoo.com.

Olga N. Truevtseva – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Center “Historical and Cultural Heritage of the Big Altai” of the Altai State Pedagogical University.

Azamat Aishagul – post-graduate student of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism of the Institute of History, Social Communications and Law of the Altai State Pedagogical University, Director of the Museum of the Bayan-Ulgiiskiy Aimag of Mongolia.

the Soviet period of history, Mongolia, being under the strong influence of the USSR, not only received support from its northern neighbor, but shared the tragic pages of history in many ways. In the late 1930s, both the persecution of Buddhists and the physical elimination of lamas took place: more than 18,000 monks died as a result of repression by minimal estimates. Monasteries that had no secular use were blown up and looted. A genuine revival of Buddhism has started since the late 1980s and is currently ongoing. More than 200 monastic buildings have been restored, the first convent has appeared. However, in many aimags, a significant part of the unique cultural monuments continues to be rapidly destroyed and needs to be identified, described, studied, protected, restored, museumified, popularized. Surveying the objects was carried out in accordance with the methodology applied in Arkhangai aimag. Cooperation of Russian and Mongolian researchers made it possible to attract local sources to the project: documents of museums, archives, memories of old-timers, local historians, historians, scientific literature, for obtaining reliable results.

Key words: cultural heritage, heritage studies, research methodology, Buddhist monastery, museification.

ВВЕДЕНИЕ

Монголия стала предметом пристального изучения российских ученых со второй половины XIX в.: П.П. Семенов-Тяньшанский, Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Фролов, Г.Е. Грум-Гржимайло, В.В. Радлов – великие путешественники, создавшие внятное представление о российском соседе [Российские исследователи..., 2022, с. 3–5].

Подробное описание архитектуры, уклада монастырей, выяснение их роли во всех сферах жизнедеятельности монголов составил известный востоковед А.М. Позднеев, совершивший две продолжительные экспедиции в Монголию: в начале 1870-х и 1890-х гг. Его книги «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу» [1887] и «Монголия и монголы» [1896а] не просто составляют классику монголоведения, но и сегодня являются наиболее востребованными среди историков, этнографов, исследователей буддизма [Позднеев, 1896б].

И это не случайно: в последующее столетие такого рода исследования не проводились. Революции, войны, разрушение теократического государства в Монголии, переход власти к Монгольской народно-революционной партии, объявившей войну церкви и к концу 1930-х гг. одержавшей над ней победу, ликвидировав около тысячи монастырей, а вместе с ними более 15 тыс. буддийских монахов. Восстановление религиозной деятельности в стране стало частью национально-демократических преобразований, начавшихся в 1990 г. Соответственно усилился интерес исследователей и к культурному наследию буддийских монастырей. В новом тысячелетии значительная роль в исследовании монгольского источниковедения и историографии, изучении истории буддизма, буддологии, культурного наследия по праву принадлежит ученым Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Центру восточных рукописей и ксилографов. Учеными этого центра под руководством Ц.П. Ванчиковой не только издана серия научных работ по истории буддизма в Монголии, но и создана электронная база данных монгольских письменных источников [Российские исследователи..., 2022, с. 116–117].

БУДДИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ КАК ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Одно из направлений изучения монастырей как объектов культурного наследия состоит в решении проблем их выявления, описания, изучения, охраны, восстановления, популяризации и использования. Круг этих проблем не только обозначает предмет и основные аспекты изучения объекта формирующейся научной дисциплины, которую отдельные ученые называют геритологией (от англ. слова «heritage» – наследие), но и отражает основные компоненты системы практической деятельности по сохранению природного и культурного наследия. В качестве предмета исследований предстают и технология этой деятельности, условия и факторы ее осуществления, конкретный опыт, накопленный в разных странах.

Поскольку говорить о геритологии как о сложившейся науке еще рано, любой опыт исследования в этом направлении может представлять интерес в качестве попытки разработки и применения методики междисциплинарного изучения к объектам культурного наследия. Такой подход и был положен в основу совместного российско-монгольского проекта изучения буддийских монастырей Архангайского аймака Монголии. Проект разработан группой университетских ученых из Барнаула (Россия) и Эрденета (Монголия) и поддержан Российским фондом фундаментальных исследований и Академией наук Монголии в 2017 г. [Труевцева, 2018, с. 139–148].

В соответствии с нашей концепцией изучения объектов культурного наследия монастырей Центральной Монголии было принято решение обозначить географическую зону исследования административными границами Архангайского аймака.

Территория Архангайского аймака выбрана нами не случайно. Расположенный в центре Монголии, на пересечении путей с востока на запад и с севера на юг, неподалеку от г. Хархорина, он на протяжении всей многовековой истории страны находился в центре событий. А множество поселений аймака, разбросанных в горах и долинах рек, вдали от больших дорог, до сих пор сохраняют культуру предков в неизменном виде.

Знакомство монголов с буддизмом состоялось в период создания Чингис-ханом империи в XIII в. Однако, в то время монгольская знать не нуждалась в религиозных скрепах государства и предоставляла возможность представителям ислама, католицизма, шаманизма, буддизма вести конкурирующие проповеди на своей территории. Лишь к XVI в. борьба за власть между потомками Чингис-хана подтолкнула их обратиться к набирающему влияние Тибету. В последующие два столетия было принято более 20 законодательных актов, преследующих шаманство и оказывающих законодательную поддержку новой религии. Это означало официальное признание, помощь в строительстве и росте экономического, политического и духовного влияния монастырей.

Первый монастырь Монголии – Эрдэни-Дзу – был построен в 1586 г. В этом же году был заложен первый храм на южном склоне священной горы Булган, который со временем стал одним из крупнейших монастырей страны. Этот монастырь сыграл градобразующую роль в судьбе г. Цэцэрлэг – столицы Архангайского аймака. К концу XIX в. в нем постоянно проживала 1 тыс., а в дни великих хуралов съезжалось до 4 тыс. лам.

Монастыри Архангай всегда находились в центре событий Монголии. В 1932 г. они были одним из наиболее мощных очагов антиправительственного восстания с целью восстановления теократического строя. Это во многом предопределило судьбу монастырей во время репрессий конца 1930-х гг. Большинство из них было взорвано или сожжено, а многие ламы были расстреляны или отправлены в лагеря. Из трех десятков монастырей, располагавшихся на территории аймака, уцелели лишь отдельные сооружения, которым было найдено иное применение. Возвращение церковным общинам ряда зданий началось лишь с началом демократических преобразований в конце XX в.

Другим мотивом для выбора монастырей Архангайского аймака в качестве объекта исследования стала недостаточная степень изученности их сохранности как объектов культурного наследия.

Наиболее полно воссоздана история образования и развития Зая гэгэний хурээ – одного из древнейших монастырей Монголии. Одним из первых исследователей, давших его подробное описание, был известный русский монголовед А.М. Позднеев. Во время своего второго путешествия в Монголию в 1892–1893 гг. он посетил Цэцэрлэг и зафиксировал в своих путевых записках подробное описание Зая гэгэний хурээ, а также биографические сведения о его основателе и хубилганах [Позднеев, 1896].

Среди книг, изданных в Монголии, следует отметить работы С. Жунша [2013] и Т. Ядамсурэна [2009],

посвященные истории Архангайского аймака, главной его достопримечательности – монастырю, его обитателям, а также известным им землякам. Книги щедро иллюстрированы фотографиями, многие из них отображают утраченные в настоящее время буддийские памятники.

Большой интерес представляет монография венгерских исследователей Ж. Майер и К. Телеки, которые реконструировали историю монастыря Зая-пандиты, описали места поклонения, святые источники, субурганы, расположенные на территории Архангайского аймака. Отдельная глава книги посвящена воссозданию монастырских традиций в современных условиях. Особую ценность монографии придает привлечение широкого круга исторических источников – архивных документов, фотографий, рисунков, записанных авторами воспоминаний от участников событий [Majer, Teleki, 2013].

Указанные исследования не исчерпывают проблематику сохранения культурного наследия буддийских монастырей в Архангайском аймаке, тем более что большинство из них в опубликованных источниках даже не упомянуто. Их общая судьба – уничтожение в ходе политических репрессий 1930-х гг. – подчеркивает необходимость восстановления исторической памяти, реконструкции истории их возникновения и развития. Там, где это еще возможно, требуется установление местонахождения, описание и фотофиксация фундаментов, руин, развалин, сооружений, находящихся в аварийных или иных состояниях, определение мер по консервации, реставрации, охране, популяризации объектов, установлению особых режимов их сохранения.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ МОНАСТЫРЕЙ АРХАНГАЙСКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ

Разработанная нами методика исследования предполагала выявление местонахождения разрушенных монастырей посредством библиографического и археографического поиска. Во время выезда на места дислокации осуществлялся визуальный осмотр памятников, результаты которого заносились в специальный документ – «Карту объекта культурного наследия». Во всех случаях осуществлялась фотофиксация состояния объекта, аэрофотосъемка с помощью квадрокоптера, видеозапись интервью информаторов – местных жителей, краеведов.

Карта объекта является основным документом, в который внесены все результаты исследования. Часть сведений заполнялась до экспедиции: наименование, местонахождение (аймак, сомон, населенный пункт или расстояние до него); во время посещения объекта заносились данные GPS, ориентиры, точное расположение на карте.

До экспедиции изучались и вносились также результаты библиографических и архивных исследований: установленные даты строительства объекта, история создания и деятельности, обнаруженные описания объекта, рисунки, фотографии, сведения о разрушениях, реконструкциях, документах, подтверждающих право собственности, о постановке на государственную охрану и современном использовании.

Если изначально было установлено, что объект в настоящее время не используется вследствие непригодного для эксплуатации состояния, желательно до визуального осмотра попытаться выяснить по документам и старым фотографиям состав сооружений, входящих в монастырский комплекс, описание каждого сооружения, типы храмов, их архитектурные стили, религиозное направление, которое они представляют.

В ходе визуального осмотра необходимо сопоставить ранее полученные описания с реальными объектами и дать оценку состояния по внешним признакам. Оценка должна включать пять основных показателей. «Нормальное» – значит необходимость ремонтных работ отсутствует; «удовлетворительное» – требуется текущий ремонт с устранением локальных повреждений, но без усиления конструкций; «неудовлетворительное» – необходимо усиление и восстановление несущей способности поврежденных конструкций; «аварийное» – свидетельствует о том, что из-за повреждений конструкции непригодны к эксплуатации, имеется опасность их обрушения; «руинированное» – констатирует разрушение конструкций, полное или частичное обрушение кровли и стен.

После такой оценки следует выявить факторы, определяющие состояние объектов. Они могут быть природными, техногенными и антропогенными. К природным факторам относятся, прежде всего, землетрясения, ветровая и водная эрозии, наводнения, оползни. Техногенные факторы включают нарушения геологической среды, загрязнения воздушного и водного бассейнов, нарушения почвенного и растительного покровов в результате хозяйственной деятельности. К антропогенным относятся отсутствие эффективного собственника, неквалифицированные ремонтные работы, несоблюдение норм пожарной безопасности, вандализм, нерациональное использование объекта и другие, связанные с действиями или бездействием, преступной халатностью человека [Труевцева, 2018, с. 139–148].

Следует отметить, что все оценки осуществляются без применения специальных приборов, лабораторных исследований, привлечения специалистов в области строительства, архитектуры, геологии, гидрологии и др. Задача наших исследований заключает-

ся в визуальном обследовании объектов и представлении оценок состояния объектов культурного наследия государственным органам, уполномоченным осуществлять охрану памятников, информировать общественность об угрозах их утраты, привлекать внимание бизнеса к рациональному и бережному использованию объектов в интересах сохранения национального достояния.

Оценка состояния исторического памятника, выявление негативных техногенных и антропогенных факторов, оказывающих на него разрушающее воздействие, безусловно, являются важнейшими задачами такого рода исследований, направленных на сохранение культурного наследия. Не менее важные задачи связаны также с использованием памятников, включением их в современный социокультурный контекст, выявлением и распространением информации об их месте и роли в культурном наследии, музеефикации, внесением в экскурсионные маршруты, обеспечением комфортного пребывания туристов на объекте, охраной объектов природного и материального культурного наследия от вандализма, профессиональной подготовкой экскурсоводов.

Методика исследования состояния объекта культурного наследия буддийских монастырей на территории Архангайского аймака Монголии может быть представлена в следующем виде: исследования – библиографические, археографические, картографические; экспертный опрос (интервью); оценка состояния объекта (нормальное, удовлетворительное, неудовлетворительное, аварийное, руинированное); выявление негативных факторов (природные, техногенные, антропогенные); заполнение паспорта (осуществляется на всех этапах исследования); подготовка аналитической записки о результатах исследования; направление рекомендаций в органы охраны наследия; информирование представителей бизнеса и общественности о состоянии объектов культурного наследия и возможностях их использования.

Актуальность перечисленных проблем мы в полной мере осознали во время экспедиции в Центральную Монголию. Так, уже в процессе предварительного изучения опубликованных источников выявилось некоторое расхождение в оценке количества монастырей в Архангайском аймаке, как и в целом в Монголии. К этому вопросу в своих исследованиях обращались Ц.П. Ванчикова [2019], Н. Хишигт [2011], Н.М. Щепетильников [1960], указывая на различные цифры [Монголын сум хийдийн туухэн товчоон. 2009, с. 189–240].

В книге монгольских авторов [Краткая история монгольских монастырей, 2009] даны краткие сведения с геолокацией обо всех монгольских монастырях, в том числе о 91 монастырском и храмовом строении

Архангайского аймака. В монографии Ц.П. Ванчикова проводится свой анализ статистических данных о численности монастырей в Монголии и Архангайском аймаке [2019]. Н. Хишигт [Хишигт Н., 2011, с. 30], ссылаясь на архивные источники Главного разведывательного управления Монголии, говорит о наличии в конце 1920-х гг. 70 больших и средних монастырей с 2960 храмами и дуганами, к которым были приписаны более 100 тыс. лам и хувараков. Д. Майдар в своей известной книге «Три карты городов и поселений Монголии», изданной в 1970 г. на русском языке, приводит таблицу с наименованием и местоположением 750 монастырей, в которых находилось 1536 богослужебных сооружений (дацанов, аймаков, дуганов, сумэ и ступ) [1970, с. 55]. Н.М. Щепетильников утверждает, что в Монголии к 1918 г. насчитывалось 2750 монастырей и отдельно стоящих храмов [1960, с. 128–134].

Для целей нашего исследования расхождения экспертов в оценке количества монастырей существенного значения не имеют. Принимая во внимание, что исторический процесс, технология политического, экономического, социального, идеологического, административного, судебного, репрессивного подавления церкви, религии и ее адептов в Монголии к настоящему времени достаточно глубоко исследованы российскими и монгольскими учеными – [Лам нар, сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал, Улаанбаатар [2008], Т.Д. Скрынниковой [1988], С. Пурэвжав [1983], С.Л. Кузьминым [2016], нам важнее было увидеть общий объем объектов культурного наследия, динамику, характер их разрушений и последствия вандализма.

СОХРАНЕНИЕ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ АРХАНГАЙСКОГО АЙМАКА

В рамках нашего исследования ограничимся кратким экскурсом в историю политики властей в отношении буддийских монастырей. В середине 1920-х гг. в результате провала экономической и социальной политики лидеры правящей Монгольской народно-революционной партии (МНРП) по рекомендации советских и коминтерновских руководителей решили поправить экономику за счет перераспределения собственности монастырей в пользу государства. С этой целью в течение следующего десятилетия неоднократно увеличивались налоги на монастыри, пока они не достигли размеров, не перекрываемых доходами.

Одновременно осуществлялось политическое давление: лишение избирательных прав, вначале руководителей церкви, а затем всех постоянно проживающих в монастырях лам. Было введено уголовное наказание за прием в монастыри юношей моложе

18 лет. Чуть позже в силу вступило разрешение отдавать в монахи только третьего сына, достигшего 18-летнего возраста.

Под предлогом готовящейся японской агрессии в апреле 1937 г. началось переселение монастырей из приграничной территории в глубь страны, которое к концу этого года приняло массовый характер, далеко выходящий за пределы опасной зоны. Переселение монастырей послужило началом репрессий, организованных по опыту сталинского режима. В 1937–1939 гг. было репрессировано примерно 17 тыс. лам, из которых свыше 14 тыс. расстреляно по решению печально известной «тройки» – в монгольской редакции именованной Чрезвычайной полномочной комиссией, которая подписывала фальсифицированные смертные приговоры, обвинявшие политических противников в измене Родине, шпионаже в пользу Японии, во всевозможных заговорах [Кузьмин, 2016, с. 298–329].

Поскольку основными объектами материального культурного наследия монастырей были здания, использовавшиеся для богослужения, нас интересовала их судьба, особенно в Ахангайском аймаке, в котором, по данным Д. Майдара, на начало 1937 г. существовало 33 хурээ и хийда, что соответствует современным представлениям о монастырях, и 22 самостоятельных храма – сум, дуган и дацан (см, напр.: [Д. Майдар, 1970, с. 55–56; Кузьмин, 2016, с. 478–499; Ц.П. Ванчикова, 2019, с. 220].

Следует отметить, что международная экспедиция 2004–2007 гг., в состав которой входили монгольские и венгерские специалисты, выявила 74 кумирни, большинство из них находилось в руинированном состоянии [List of old Temples of Arkhangai].

Когда и как были утрачены сооружения, многие из которых простояли 200–300 лет? К середине 1938 г. ламская комиссия при ЦК МНРП приступила к распределению монастырского недвижимого имущества между аймачными организациями. Так, в Архангае школам досталось 83 храмовых сооружения, больницам – 5, объединениям лам и ремесленников – 38, торговым организациям – 234, партийным и общественным организациям – 16. Между этими организациями было распределено 83 дома, 30 деревянных юрт и 30 дворов. При этом около 400 зданий осталось бесхозными – их некому было передавать [Щепетильников, 1960, с. 138–146].

Некоторые здания находились вдали от поселений, некоторые были в непригодном для использования состоянии, нуждались в капитальном ремонте, некоторые оказались сожжены и разрушены. Причем лишь незначительная часть средств, конфискованных у монастырей, была передана на развитие аймаков, их социальной инфраструктуры. Страна, полтора десятилетия находившаяся в условиях социальных и

политических потрясений, пережившая войну с Японией в 1939 г., отдававшая свои ресурсы Советскому Союзу в годы Второй мировой войны на борьбу с фашизмом, не могла позволить себе заботу о сохранении архитектурных памятников. Храмы, значительная часть которых была построена из глины и дерева, постепенно ветшали, разрушались, растаскивались местным населением на хозяйственные нужды.

Вместе с храмами утрачивались религиозные святыни, ценнейшие книги, танки, церковная итварь. На вывоз наиболее ценного монастырского имущества из Архангайского аймака требовалось 150 автомобилей, которых не было у правительства. Не хватало рабочих для очистки храмов: местное население в основном было настроено враждебно против разрушения монастырей. Тем не менее, часть книг была доставлена в столицу, где их хранили в трех храмах, спасая их от разрушения. Бронзовые фигурки, статуи свозились на переплавку в Улаанбаатар.

За десятилетие суровый монгольский климат, бесхозяйственность властей, мародерство обнищавшего населения, помноженное на официальное идеологическое отрицание и практическую борьбу с религией, обратили былое величие буддийских монастырей в развалины. Этот факт неоднократно отмечали советские специалисты, работавшие в Монголии в 1940–1950-е гг. [Кузьмин, 2016, с. 475–484].

Что досталось в наследство нашим современникам в Архангайском аймаке? Это и попыталась оценить наша российско-монгольская экспедиция, избрав для пилотного обследования три различающихся степенью сохранности и условиями бытования объекта – монастырский комплекс в столице аймака Цэцэрлэге, монастырь в пос. Жаргалант сомона Батцэнгэл и руины некогда крупного монастыря Хан-Ундур в сомоне Их тамир.

Монастырский комплекс в Цэцэрлэге обычно именуется Зая гэгээний хүрээ (Zaya Gegeenii Khuree – the Monastery of the Zaya Pandita). Это один из наиболее древних буддийских монастырей на территории Монголии. Основанный в конце XVI в., он снискал себе славу центра монгольского просвещения. Являясь на протяжении всей своей истории резиденцией духовных лидеров монгольского буддизма (пандита в Индии – почетное звание ученого брахмана, а Зая означает «победоносный»), монастырь был известен своими научными школами.

К началу XX в. монастырский комплекс, фактически состоявший из двух частей: Дээд хүрээ (верхний монастырь, поскольку расположен у подножья священной горы Булган) и Доод хүрээ (нижний, находившийся в нескольких километрах в долине). На их содержании состояло, по разным источникам, до 30 храмов, 5 монашеских школ и религиозные школы на 600 чел. (подробнее об этом см.: [Ядамсурэн, 2009,

с. 38–40]. В монастыре постоянно проживало до 1000 монахов, а в дни святых праздников здесь собиралось более 4,5 тыс.

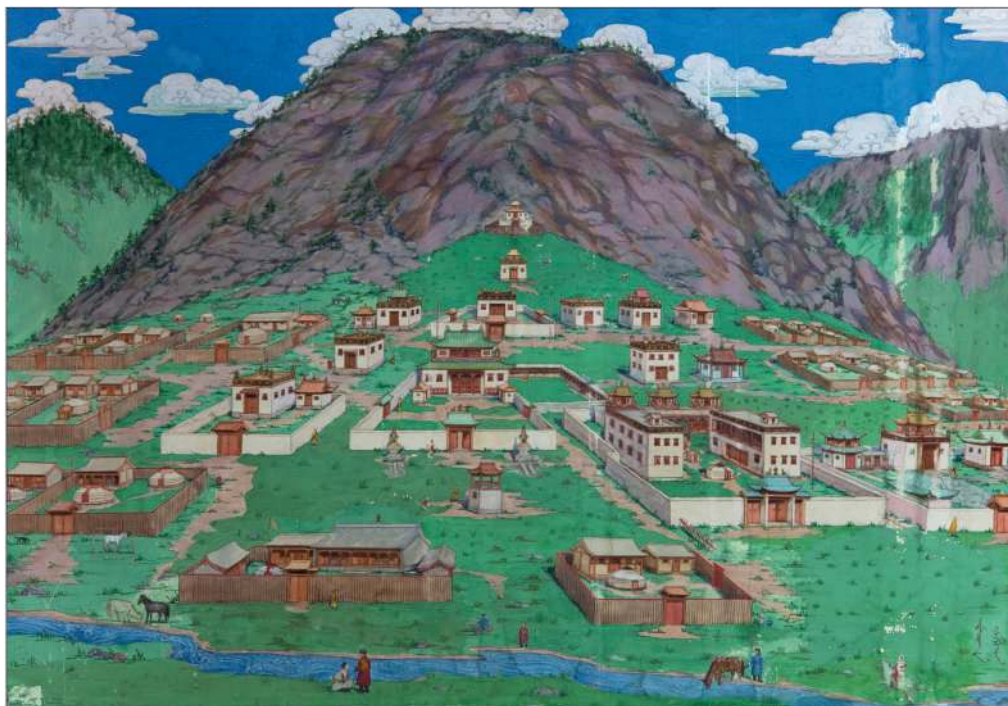
Сегодня мы можем увидеть лишь некоторые здания верхнего монастыря, поскольку нижний сравняли с землей. Выдающийся русский востоковед А.М. Позднеев, побывавший здесь в 1892 г., писал: «... как при первом общем взгляде на старую и вместе главную часть монастыря, так и при более подробном ознакомлении с нею, сразу бросается в глаза стремление основателя этого монастыря Лувсанпэрэнлэя пересадить на халхаскую почву Тибет... Архитектура всех главнейших кумирен его старого тибетского стиля и, построенные в два и три этажа, они во многом напоминают собою, особенно издали, постройки европейских двух-этажных зданий» [1896, с. 414].

Картина местного художника, написанная на основе сохранившихся фотографий и описаний, дает некоторое представление о том, что мог увидеть А.М. Позднеев 125 лет тому назад (рис. 1). Сегодня съемка, сделанная нами приблизительно с того же ракурса, показывает, что от былого самобытного величия осталось только три сооружения. Во-первых, это храм Галдан зуу на вершине горы, который в 1946 г. был полностью разобран на хозяйственные нужды, а в 1994 г. воссоздан по сохранившимся рисункам и фотографиям. Здание храма-новодела принадлежит местному краеведческому музею и в настоящее время недоступно для посетителей.

Другим сохранившимся сооружением является Лавран – резиденция Зая-пандита Лувсанпэрэнлэя, не только религиозного деятеля, но и выдающегося монгольского просветителя, автора четырехтомной энциклопедии «Тодорхой толь» («Ясное зеркало»). После жестоких репрессий 1930-х гг. здание дворца было передано вначале городской пожарной команде, затем его приспособили под производственные помещения, склад алкогольной продукции, пищекомбинат. И только с начала 1960-х гг. в Лавране разместился краеведческий музей, что позволило сохранить эти замечательные памятники архитектуры.

Дворцовый комплекс состоит из трех сооружений: центральное – Гудэн сум, с тремя прямоугольными куполами, построенное Лувсанпэрэнлэем в конце XVII в., и образующие внутренний дворик два здания: Баруун сэмчин дуган (Западный сэмчин) и напротив него – Зуун сэмчин дуган (Восточный сэмчин) (рис. 2).

Западный и Восточный сэмчины были построены в начале XIX в. Изначально они представляли собой трехэтажные здания. Первые два этажа возведены из синего кирпича, а третий – из дерева. Оба сооружения были реконструированы и к 1910 г. обрели современный вид, лишившись третьего этажа [Majet, Teleki. 2013, p. 44–47]. В разное время в Западном ду-

Рис. 1. Вид на монастырь Дээд хурээ. Конец XIX – начало XX в.
Картина из фондов краеведческого музея Архангайского аймака, г. Цэцэрлэг.

Fig. 1. View of the Deed Khure monastery. The end of the XIX – beginning of the XX century.
A painting from the funds of the Museum of Local Lore of the Archangel aimak, Tsetserleg.

Рис. 2. Лавран. Гудэн сум. Внутренний дворик дворцового комплекса, построенного Зая Пандита Лувсанпринлаем в конце XVII в. Резиденция Зая Пандита Лувсанпринлая. Фото экспедиции.

Fig. 2. Lavran. Guden sum. Courtyard of the palace complex, built by Zaya Pandita Luvsanprinlaya at the end of the XVII century. The residence of Zaya Pandita Luvsanprinlaya. Photos of the expedition.

Рис. 3. Экспозиция краеведческого музея Архангайского аймака.

Fig. 3. The exposition of the Museum of Local Lore of the Archangel Aimag.

гане проводились хуралы, а в Восточном была резиденция Третьего гэгэна – Лувсанжигмэддоржа.

В 1970–1990 гг. Лавран трижды подвергался реставрационным работам. Последние обновления декора зданий были выполнены в 2011 г. с помощью Музея антропологии Монако. В настоящее время на территории Лаврана находится краеведческий музей Архангайского аймака (рис. 3). Слева от Лаврана найдены остатки того, что сохранилось от главного соборного храма монастыря Цогчин дугана, построенного в 1706 г.

По мнению А.М. Позднеева (да и при простом сравнении старых фотографий хорошо видно), архитектура Цогчин дугана значительно уступает некогда рядом находившимся храмам Гунриг дацану и Гушиг дацану. Однако от них не осталось даже фундаментов. В 2017 г. корейские специалисты подготовили проект реконструкции Цогчина, предполагающий его восстановление в первоначальном виде.

В целом следует отметить, что после начала демократических преобразований в Монголии власти аймака и администрация музея относятся благосклонно к сохранению истории монастыря. Ей посвящен один из залов музея, хранящий многочисленные подлинные экспонаты. А когда в 1990 г. во многих монастырях страны начала возрождаться религиозная служба, буддийской общине Архангайского аймака было передано для использования одно из

бывших богослужебных сооружений, в котором размещался музей истории религии.

Более сложной оказалась судьба монастыря Луу Гүний хурээ в Батцэнгэле, названном в честь правителя хошуна Лувсана Хайдав гуна, который внес большой вклад в строительство и укрепление монастыря. Другое название монастыря – Тарвачэнболин. Согласно бытующей легенде, Зая Гэгээн обронил сутру Тарвачэнбо. Местные жители восприняли это как священный знак и основали в 1846 г. на этом месте монастырь. Со временем он стал одной из наиболее влиятельных обителей аймака, имел 10 религиозных школ и насчитывал около 500 монахов. Сегодня сохранился единственный храм, представляющий историко-культурную и архитектурную ценность и нуждающийся в срочной реставрации, поскольку находится в аварийном состоянии.

За четверть века здание приблизилось к обрушению кровли. На аэрофотоснимке, сделанном в экспедиции, хорошо видны провалы в кровле, которая, вероятно, уже давно не защищает помещение храма от атмосферных осадков.

При этом следует отметить, что деревянные колонны и капители внутри кирпичного здания, будучи изготовленными из лиственницы, находятся в удовлетворительном состоянии и могут быть сохранены в процессе реконструкции. Проект реконструкции Авга дугана, переименованного в настоящее время в

Цогчин дуган (Главный соборный храм), поскольку он является единственным в Батцэнгэле храмом, способным вместить всю сомонную буддийскую общину, подготовлен еще в 2014 г. Однако его воплощение сдерживается отсутствием необходимых средств у прихожан и муниципальных властей.

Трагична судьба монастыря Хан Өндөр в Их тамире. Это один из первых монастырей Центральной Монголии. Его основание связывают с сооружением религиозной школы в 1679 г. К 1934 г. в состав монастыря входило около 30 храмов и проживало более 1 тыс. монахов.

В 1939 г. монастырь был разрушен. Сегодня только со 100-метровой высоты можно рассмотреть фундаменты храмов, которые изображены на архивной фотографии.

Практически везде возле фундаментов-руин бывших храмов на земле разбросаны тысячи обломков сооружений. После взрывов и пожаров местные жители разобрали только то, что можно использовать в хозяйстве, в основном синий кирпич. Мелкие обломки декора их не интересовали. Не привлекали они и черных копателей, которые, по сообщению местного краеведа, бывшего директора школы Жамц Гурвантамира, дважды беспокоили многострадальную землю в поисках монастырских сокровищ.

Таким образом, совместная российско-монгольская экспедиция обследовала и описала три монастыря, представляющих культурное наследие Монголии. Большая часть храмов разрушена и не подлежит восстановлению. Отдельные храмы, представляющие историческую, архитектурную ценность, находятся в аварийном состоянии и нуждаются в срочной реконструкции. Некоторые сооружения зафиксированы в удовлетворительном состоянии, но используются не по назначению. Как сохранить культурное наследие?

Очевидно, что не может быть единого рецепта, который способен «вылечить» от потери исторической памяти. Требуется государственная программа, которая, в первую очередь, должна оценить масштаб бедствия. В ее разработке и обсуждении должна принять участие общественность, причем не только столичная, но и местная. Очевидно, что воссоздавать тысячу храмов на месте разрушенных – задача бесперспективная. Отдельные подобные попытки уже были и не увенчались успехом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К какому выводу пришла наша экспедиция? Самое важное – сохранить историческую память о поколениях монголов, принявших буддизм. Не менее важно помнить о тех, кто пытался его искоренить, ломая судьбы людей, разрушая вековые устои, растра-

чивая народное достояние, сжигая храмы. Напоминание об этом времени может принимать разные формы. Однако будет естественным, если они будут соответствовать этнической культуре, традициям народа.

Учитывая, что буддийские храмы никогда не возводились в случайно избранных местах, а согласовывались специально создаваемыми церковными комиссиями в местах сакральных, представляется логичным на месте разрушенных храмов установить мемориальные знаки в виде суврага или других форм, близких буддийской духовности и традициям. Важно, чтобы эти знаки содержали информацию о разрушенных храмах, религиозных подвижниках, пострадавших за веру. При этом информация должна быть доступной для всех поколений, учитывающей не только традиционные, но и современные, в том числе электронные формы подачи, такие, например, как QR-коды, получившие широкое распространение в практике культурного туризма по всему миру.

Храмы, в том числе разрушенные, должны быть нанесены на карты, включены в туристические маршруты. Информация о монастырях, их истории должна отражаться не только в специальных научных базах данных, но и в средствах массовой информации.

Как следует из сказанного, процесс исследования культурного наследия монастырей Монголии нуждается в дальнейшем продолжении. Необходимо изучение документальной базы Главного разведывательного управления Монголии, содержащее сведения о разрушенных монастырях. Требуется провести исследования в государственном кино- и фотоархиве Монголии и ряде российских архивов. Нужно организовать работу нескольких экспедиционных групп для изучения и фотофиксации состояния монастырей. Следует разработать научную концепцию создания и развития музея разрушенных храмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ванчикова Ц.П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. Иркутск, 2019. 292 с.
- Краткая история монгольских монастырей. Улан-Батор: изд-во «Адмон». 2009. 888 с.
- Кузьмин С.Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: КМК, 2016. 496 с.
- Майдар Д. Три карты городов и поселений Монголии. Улан-баатар: Изд-во Академии наук МНР, 1970, 135 с.
- Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1896а, Т. 1: Дневник и маршрут 1892 года. [предисл.: П.П. Семенова]. 697 с.
- Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. СПб: Тип. Императорской Академии наук. Т. 2: Дневник и маршрут 1893 года. 1896б. 517 с.
- Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1887. 492 с.

Пурэвжав С. История ламаистской церкви в Монголии в конце XVI – начале XX в. (социально-экономическое исследование): дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИВ АН СССР, 1983. 367 с.

Российские исследователи Монголии (XIX – начало XXI в.): библиографический справочник / авт.-сост.: Ю.В. Кузьмин, В.Д. Дугаров, О.Н. Полянская, Е.В. Нолев, В.А. Василенко; отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Репроцентр, 2022. 614 с.

Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988. 104 с.

Труевцева О.Н. Проблемы сохранения культурного наследия на примере буддистских монастырей Центральной Монголии // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 139–148.

Хишигт Н. Монгольские буддийские монастыри: история и современность // Память мира: историко-документальное наследие буддизма / ред. В.В. Минаев. М., 2011. С. 26–32.

Щепетильников Н.М. Архитектура Монголии. М.: Изд-во лит. по строительству, архитектуре и строит. материалам, 1960. 245 с.

Majer Z., Teleki K. History of Zaya Gegenii Khuree, the Monastery of the Khalkha Zaya Pandita. Ulaanbaator, 2013. 174 p.

Жуни С. Зая бандида Лувсанпэрэнлэйн Олгий Нутар. Арын Сайхан Хангай. Улаанбаатар, 2013. 168 с.

Ядамсүрэн Т. Зая гэгээний нутгийн заяа сайтай түмэн минь. УБ хот. 2009. 291 с.

REFERENCES

(2009). A brief history of Mongolian monasteries. Ulan-Bator, Izd-vo Admon, 888 p. (In Russ.)

Bazarov B.V. (Ed.) (2022). Russian researchers of Mongolia (the XIX – early XXI centuries): bibliographical reference book. Irkutsk, Reprotsentr Publ. House, 614 p. (In Russ.)

Khishigt N. (2011). Mongolian Buddhist monasteries: history and modernity. In: *Pamyat' mira: istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma*. Moscow, pp. 26–32. (In Russ.)

Kuz'min S.L. (2016). Theocratic statehood and the Buddhist Church of Mongolia in the early XX century. Moscow, КМК, 496 p. (In Russ.)

Kuz'min S.L., Oyuunchimehg. (2015). The armed uprising in Mongolia in 1932. Moscow, MBA Publ., 212 c. (In Russ.)

Maidar D. (1970). Three maps of the cities and settlements of Mongolia. Ulanbaatar, MPR Akad. of Sciences Publ., 135 p. (In Russ.)

Majer Z., Teleki K. (2013). History of Zaya Gegenii Khuree, the monastery of the Khalkha Zaya Pandita. Ulaanbaator, 174 p.

Pozdneev A.M. (1896a). Mongolia and the Mongols. The results of A. Pozdneev's travel to Mongolia in 1892–1893. T. 1: Diary and itinerary of 1892. Saint Petersburg, Imper. Acad. of Sciences Typ., 697 p. (In Russ.)

Pozdneev A.M. (1896b). Mongolia and the Mongols. The results of A. Pozdneev's travel to Mongolia in 1892–1893. Vol. 2: Diary and itinerary of 1893. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 517 p. (In Russ.)

Pozdneev A.M. (1887). Sketches of the life of Buddhist monasteries and clergy in Mongolia related to the people. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 492 p. (In Russ.)

Purevzhav S. (1983). History of the Lamaist Church in Mongolia in the late XVI – early XX centuries (socio-economic study): diss. theses. Moscow, IV AN SSSR, 367 p. (In Russ.)

Shchepetil'nikov N.M. (1960). Architecture of Mongolia. Moscow, Izd-vo lit. po stroitelstvu arkhitekture i stroit. materialam, 245 p. (In Russ.)

Skrynnikova T.D. (1988). Lamaist church and state. External Mongolia in the XVI – early XX centuries. Novosibirsk, Nauka, 104 p. (In Russ.)

Truevtseva O.N. (2018). The problems of cultural heritage preservation in Buddhist Monasteries of Central Mongolia. *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 2, pp. 139–148. (In Russ.)

Vanchikova Ts.P. (2019). Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries. Irkutsk, 292 p. (In Russ.)

Vanchikova Ts.P. (2019). Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries. Irkutsk. 292 S. (In Russ.)

Жуни С. (2013). Зая бандида Лувсанпэрэнлэйн Олгий Нутар. Арын Сайхан Хангай. Ulaanbaatar, 168 p. (In Mongol.)

Ядамсүрэн Т. (2009). Зая гэгээний нутгийн заяа сайтай түмэн минь.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023

Дата рецензирования 01.02.2023

Статья принята к публикации 18.02.2023

DOI: 10.15372/HSS20230113

УДК 94(47)“18”

¹Н.П. МАТХАНОВА

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЭДЕЛЬМАН О.В. ПАВЕЛ ПЕСТЕЛЬ. ОЧЕРКИ.
С ПРИЛОЖЕНИЕМ «РУССКОЙ ПРАВДЫ» П.И. ПЕСТЕЛЯ [1824]. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ,
2022. 472 с. (ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ; т. 31).**

¹ Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В рецензируемой книге освещены разные стороны жизни и деятельности декабриста П.И. Пестеля. Значительная часть очерков посвящена анализу самого известного декабристского проекта – «Русской правды». Публикуется написанная при участии П.И. Пестеля черновая записка американского коммерсанта П. Добелла об организации морской торговли между Камчаткой и Филиппинами. В виде приложения напечатан полный текст «Русской правды», хотя без археографических примечаний и комментария. Книга хорошо написана, серьезные мысли изложены в доступной форме.

Ключевые слова: декабристы, П.И. Пестель, «Русская Правда».

¹N.P. MATKHANOVA

**BOOK REVIEW: EDELMAN O.V. PAVEL PESTEL. ESSAYS. WITH APPENDIX
“RUSSKAYA PRAVDA” BY P.I. PESTEL [1824]. MOSCOW, MODEST KOLEROV, 2022, 472 p.
(STUDIES OF THE HISTORY OF RUSSIAN THOUGHT; VOL. 31).**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The reviewed book discusses various aspects of Decembrist Pavel Ivanovich Pestel life and work. A significant part of the publication analyzes the most famous Decembrist project – “Russkaya Pravda”. The book contains the draft of the letter by P. Dobell, an American merchant, on organizing the maritime trade between Kamchatka and the Philippines written in collaboration with P.I. Pestel. The full-text of “Russkaya Pravda” is published as an appendix, however, there are no archaeological notes and commentary explaining the above-mentioned documents. The book is well written and covers some significant research problems in an accessible form.

Key words: Decembrists, P.I. Pestel, “Russkaya Pravda”.

О Павле Ивановиче Пестеле написано немало работ, его личность и деятельность до сих пор вызывают споры, временами переходящие в горячие баталии, особенно в интернете. Известный декабрист-исследователь и археограф, сотрудник Государственного архива Российской Федерации О.В. Эдельман придерживается строгой верности источнику и классической позиции: сначала источник, потом концепция. Принципиальное значение имеет подготовленный ею 22-й

том «Восстания декабристов», включивший переписку П.И. Пестеля и его родных [Восстание декабристов, 2004]. Ею написано также более десятка статей, часть которых собрана в книгу, названную «Очерки». Перед нами действительно очерки, в которых освещены отдельные аспекты – дискуссионные или недостаточно изученные.

Рассмотрены самые разные стороны жизни и деятельности П.И. Пестеля – его учеба и воспитание

Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>.

Natalia P. Matkhanova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Research, Institute of History SB RAS.

(«Семейство Пестелей», «Немецкие учителя Павла Пестеля»), его романтическая история («Влюбленный Пестель») и его армейская служба («Пестель – командир полка»), плетшиеся вокруг него и его отца интриги, его взгляды, его политическая и теоретическая деятельность, главный труд его жизни – «Русская Правда». Все разнородные и разноплановые тексты объединяет (помимо, разумеется, фигуры героя – П.И. Пестеля) подход к их изучению с источниковедческих позиций. Ольга Валериановна, конечно, предстает прежде всего источниковедом и архивистом. Ей помогают немалый публикаторский опыт, прекрасное знание исторических реалий, основанное на изучении и доскональном знании архивных документов, а также понимание общественно-политического контекста, логики мысли историков советской эпохи. Значительная часть «очерков», а последние из них почти исключительно, построена на анализе «Русской Правды», и этот анализ показывает серьезные возможности для получения новых выводов в ходе глубокого, вдумчивого чтения, казалось бы, хорошо известного и изученного источника.

Во введении традиционный – в лучшем смысле этого слова – историографический обзор подчинен обозначенной в названии этого раздела задаче – реконструкции образа Пестеля, формировавшейся и транслировавшейся авторами разных поколений. Бесспорен вывод, предваривший последующие «очерки»: до последних лет образ революционера превалировал над образом человека, затмевал и даже деформировал его.

Некоторые вошедшие в книгу статьи в том или ином виде уже публиковались, что не лишает ее ощущения новизны. И дело не только в том, что при включении в книгу часть их была существенно доработана (например, «Влюбленный Пестель», «Он был скрытен и честолюбив»). Собранные вместе, статьи приобретают кумулятивный эффект, позволяют выпукло и разносторонне обрисовать фигуру одного из самых известных и самых противоречивых деятелей декабристского движения.

Украшает книгу и позволяет по-новому осветить многие ранее рассматривавшиеся сюжеты россыпь архивных находок. Одна из них интересна и для истории управления Сибири, и для истории внешней политики Российской империи, и для истории такой важной институции, как Российско-Американская компания. Речь идет об обнаруженной среди бумаг П.И. Пестеля черновой записке американского коммерсанта и путешественника П. Добеля/Добелла. Проект Добелла об организации морской торговли между Камчаткой и Филиппинами обсуждался в Сибири и Петербурге, купцами и сибирской администрацией (в том числе И.Б. Пестелем), акционерами

РАК и высшими властями империи, к нему неоднократно обращались отечественные и зарубежные исследователи. Записка, которую С.Н. Чернов считал подготовленным П.И. Пестелем резюме, была не только написана рукой декабриста, но и составлена, как убедительно доказала О.В. Эдельман, при его активном участии. Анализ этого документа и в целом взаимоотношений отца и сына Пестелей позволил О.В. Эдельман прийти к очень важной и серьезной мысли и по-новому оценить содержание такого, казалось бы, хорошо известного и изученного памятника декабризма, как «Русская Правда». Эдельман сумела обнаружить и показать «следы прямого влияния» информации о Российско-Американской компании на текст «Русской Правды». Автором выдвинут тезис: до сих пор «исследования источников мысли Пестеля» были «сосредоточены преимущественно на выяснении влияния на него тех или иных авторов французского Просвещения и текстов европейских конституций». Эдельман приводит убедительные аргументы в пользу утверждения о знании декабристом различных преобразовательных проектов и «неизбежно связанных с ними критических суждениях о наличном положении дел» (с. 111). Рассуждая о соотношении с мнениями отца для П.И. Пестеля мысли о необходимости предотвратить возникновение «нового рода отдельных сословий, которые бы имели основанием своего бытия богатства» (с. 113), Эдельман указывает на схожее предположение, высказанное некогда С.Н. Черновым [2004, с. 82], но подчеркивает связь с управленческим опытом отца этой важной идеи декабриста – идеи борьбы не только с родовой землевладельческой властью, но и с разбогатевшей буржуазией (с. 114). Известно, что И.Б. Пестель как генерал-губернатор Сибири пытался бороться с влиятельными купцами и золотопромышленниками и даже, по мнению некоторых историков, крушение его карьеры было обусловлено поражением в этой борьбе.

В статье о П.И. Пестеле как командире полка рассматривается армейская повседневность и сложные перипетии службы. Здесь же развернуто детальное разбирательство финансовой и вообще хозяйственной стороны командования полком – темы, столь важной в свете выдвигавшихся О.И. Киянской обвинений в адрес будущего декабриста. Повествование о неизбежных и необходимых «комбинациях» полковых командиров имеет самостоятельную ценность для изучения армейского быта, сравнительно недавно вернувшегося в поле зрения исследователей. Для освещения темы привлечены фундаментальные труды дореволюционных историков (в частности, истории Вятского пехотного полка полковника Плестера), частично основанные на утраченных с тех

пор архивах. В этой статье отсутствует прямая полемика с построениями О.И. Киянской, сделавшей прямо противоположные выводы, но мнение ее опровергается прежде всего на основании иного понимания общего исторического контекста, логики действий командира. Там, где ее оппонент видит злоупотребление свободой распоряжения средствами, Эдельман показывает умелые административные действия Пестеля, направленные на ликвидацию долгов предшественника, отягощавших полковой бюджет и препятствовавших налаживанию нормальной жизни и службы солдат и офицеров. Там, где Киянская обвиняет Пестеля в перетасовке офицеров ради подчинения их себе и ликвидации возможной «оппозиции», Эдельман указывает на известный военным историкам факт – при сдаче своей части ротные и батальонные командиры должны были отчитаться в финансах, и видит в этой мере способ преодоления распространенной в полку коррупции. К тому же ведение хозяйственных дел Пестелем не было чем-то исключительным – подобным образом действовали и другие полковые командиры, никак не связанные с какими-либо тайными обществами.

Вообще многие удачи автора объясняются профессиональным умением поставить отдельные конкретные вопросы в широкий исторический контекст. Правда, иногда такой контекст заслоняет основную тему – например, в статье о еврейском вопросе контексту (причем преимущественно изложенному реферативно) отведена треть текста (с. 208–219 из 205–237). Однако и в этом случае следует признать лаконичное, четкое и полезное с просветительской точки зрения изложение проблемы.

Впервые вниманию читателя представлены глубокие исследования Ольги Валериановны, посвященные главному труду П.И. Пестеля. Детальный разбор истории создания «Русской Правды» построен на анализе и сопоставлении различных историографических традиций и источниковедческих концепций. Суть его важна не только для понимания последовательности и установления заново времени работы Пестеля над конституционным проектом (или, как считает Эдельман, политическим трактатом), но и для уяснения всей сложности развития исследовательской мысли изучавших источник предшественников, ее зависимости от политических событий (в том числе арестов, прерывавших, а порой и прекращавших научный поиск), идеологических колебаний, личностных особенностей историков, с присутствием каждому из них собственными взглядами, пристрастиями, симпатиями и антипатиями. Приведены конкретные примеры «того, как исторический опыт и позиция» исследователя вторгаются в изучаемый материал, навязывая ему свое понимание реальности»

(с. 297) – например, представление о «чистках» среди дворян после победы заговорщиков, представления о собраниях тайных обществ как о партийных съездах и т.п. Убеждает предложенное Эдельман объяснение одного из обстоятельств, серьезно повлиявших на концепцию М.В. Нечкиной: «...история декабризма моделировалась по лекалам истории КПСС просто потому, что жившие в то время исследователи именно так представляли себе деятельность революционного тайного общества» (с. 266). Эта мысль может быть отнесена не только к историографии декабризма, ее значение шире. То же можно сказать и о последней фразе этого «очерка» (««Русская Правда» П.И. Пестеля. История текста»): «... работы Нечкиной, ее концепция декабризма теперь уже нерасторжимо с ним сплавлены, и никто не сможет писать о декабристах, Пестеле и его “Русской Правде”, не опираясь на наследие Милицы Васильевны Нечкиной, не споря с ней и не отдавая ей должного» (с. 271). Это не просто образцовое отношение к советским историкам-классикам, не просто проявление высокой историографической культуры, но и важная черта творческой манеры автора.

Основной вектор исследовательского интереса и подходов О.В. Эдельман находится, скорее всего, в русле трудов С.Н. Чернова. Она тоже делает акцент на «реконструкции личности и логики мысли декабриста» (с. 279). При этом опора на лучшие достижения советской школы декабриствоведения (несмотря на очевидно критическое к ней отношение), новые методы исследования, а главное, доскональное знание архивов позволяют О.В. Эдельман сделать новые наблюдения и выводы.

К их числу можно отнести, в частности, указание на предполагаемое знакомство Пестеля с «немецкой интеллектуальной школой» (с. 278). Очень интересен один из приводимых в пользу этого тезиса аргумент – особенности языка (с. 279). Одновременно проведено сопоставление отдельных положений «Русской Правды» и сочинений И.Г. Гердера, и трудно сказать, какой из аргументов оказывается более убедительным.

Продолжая и развивая мысли своих предшественников (С.Н. Чернова, В.С. Парсамова), О.В. Эдельман формулирует еще одно важное положение: Пестель «одним из первых в русском обществе» понял «многонациональность страны как проблему политическую» (с. 288). И как бы вскользь, не акцентируя внимания, Эдельман ставит назревший вопрос: «...насколько хорошо Пестель знал страну, которую собирался столь глубоко реформировать» (с. 285), и убедительно обосновывает отрицательный на него ответ. Однако, как мне кажется, тезису о плохом знании собственной страны несколько противоречит

справедливое наблюдение о сходстве планируемых в «Русской Правде» выборов с «электоральной практикой» дворянских собраний (с. 307).

В очерках, посвященных «Русской Правде», поставлен важный вопрос о новой датировке написания документа. Для ответа на него мобилизованы свод показаний и воспоминаний, а также иные сведения биографического характера, выстроена своеобразная летопись событий в жизни Пестеля за 1824 г. (с. 244). На ее основании О.В. Эдельман конструирует собственную историю появления отдельных фрагментов.

Как приложение в книге дана публикация текста «Русской Правды». Полный текст знаменитого проекта полностью печатается впервые после 1958 г. Сам этот факт может быть признан полезным и целесообразным, можно в данном случае согласиться и с избранным автором способом передачи текста – без археографических примечаний и комментария. Но следует заметить, что это решение недостаточно обосновано. Странно, что в вошедших в книгу очерках нет ссылок на это приложение.

Понятно, что автор не ставил перед собой задачу дать всеобъемлющее представление о взглядах, деятельности и основном труде Пестеля, но все же не хватает последнего очерка, который мог бы «заколь-

цевать» изложение – о следствии, суде и посмертной судьбе декабриста. Частично вопрос освещен во введении и в очерках, посвященных «Русской Правде», но только частично. Думается, что О.В. Эдельман могла бы столь же свежо и неожиданно охарактеризовать поведение Пестеля на следствии и суде, отзывы о нем соучастников и современников.

В заключение замечу: книга О.В. Эдельман хорошо написана, легко читается, в ней в доступной форме изложены серьезные мысли и наблюдения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Восстание декабристов. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 22. Из бумаг П.И. Пестеля: семейная переписка / сост. О.В. Эдельман; под ред. С.В. Мироненко. 428 с.

Чернов С.Н. Декабрист П. Ив. Пестель. Опыт личной характеристики // Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма / сост., вступ. ст., коммент. Т.В. Андреева, В.С. Парсамов. СПб.: Лики России, 2004. С. 63–181.

REFERENCES

Chernov S.N. (2004). Decembrist Pavel Ivanovich Pestel. Experience of personal characteristics. *Pavel Pestel: izbrannye stat'i po istorii dekabrizma*. Saint Petersburg, Liki Rossii, pp. 63–181. (In Russ.)

Mironenko S.V. (Ed.) (2012). Decembrist revolt. Moscow, ROSSPEN, vol. 22. From the collection of P.I. Pestel: family correspondence, 428 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2022

Дата рецензирования 13.07.2022

Статья принята к публикации 23.01.2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям: отечественная история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология; этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2021;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков. Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

В библиографической ссылке в тексте указываются в квадратных скобках фамилия (фамилии) автора (авторов) или первые слова названия публикации без автора, год, страница (страницы). В списке литературы дается полное библиографическое описание работы.

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/> (сайт Издательства СО РАН)

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.